

Наталия
Нестерова
Портрет семьи

Бабушка на сносях

Отпуск по уходу

+ рассказы

Впервые в одном томе!

Наталья Нестерова

Портрет семьи (сборник)

«ACT»

Нестерова Н.

Портрет семьи (сборник) / Н. Нестерова — «ACT»,

Истории Натали Нестеровой – лучший способ поднять настроение! Они трогательны, наполнены светом и теплым, нежным юмором. Представляем коллекционное издание веселых и добрых книг О ЛЮБВИ, над которыми приятно и плакать, и смеяться, которые можно подарить лучшей подруге или с наслаждением «проглотить» в одиночку! В сборник вошли романы «Бабушка на сносях», «Отпуск по уходу» и чудесные рассказы о непростом, но таком необходимом и таком разном семейном счастье...

Содержание

Бабушка на сносях	5
Часть первая	5
Сын	5
Невестка	13
Родня	21
Подруга 1	26
Подруга 2	34
Муж	43
Отец ребенка 1	50
Отец ребенка 2	61
Поклонник	65
Попутчицы	71
Часть вторая	79
Лика	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Наталья Нестерова

Портрет семьи. Бабушка на сносях; Отпуск по уходу; Рассказы (сборник)

Бабушка на сносях

Часть первая ПОБЕГ

Сын

На планете Земля, в городе Москве, недалеко от метро «Шаболовская», в отремонтированной пятиэтажке находится удивительное место. Если бы я не считала действия «рамочников», отыскивающих с помощью двух рогаток воду под землей или участок для будущего храма, натуральным шарлатанством, то сказала бы, что моя кухня счастливым образом попала на источник земной благодати. В углу кухни, совершенно не гармонируя с остальной мебелью, стоит старое кресло. Потертая обивка целомудренно прикрыта наброшенным пледом. Случается, гость плюхается в мое кресло, вызывая у меня такой же душевный дискомфорт и смущение, как если бы он попросил поносить мое нижнее белье.

Когда, прия с работы или утром, едва разлепив веки, я сижу в кресле и пью крепчайший кофе, мир перестает меня волновать. Войны, землетрясения, террористические акты, дрягги на работе, скандальные соседи, гололедица, жара, безденежье – все мимо. Проблемы, которыми я утыканы, как дикобраз иголками, отпадают. Дикобраз без иголок, наверное, похож на заурядную свинью. Пусть! Внешний вид в этот момент меня тоже не заботит.

Подобное психотерапевтическое место-кресло есть у многих людей. Во всяком случае, потертое кресло с наброшенным старым пледом описано во многих романах. Интересно, другие люди так же, как я, опытным путем свили себе воображаемое гнездышко?

Прочла статью в женском журнале о том, как избавиться от плохого настроения и плаксивости, если вас обидел начальник, изменил муж или любимая кошка попала под трамвай. Нынешние публикации под стать времени. Раньше было время раздумий, теперь – действий. Раньше в статьях пространно рассуждали, теперь дают конкретные упражнения по избавлению от комплексов. Упражнение предлагалось следующее: сесть на стул, закрыть глаза и снова припомнить все самые обидные, хлесткие, обжигающие слова, которые вызывают чувство собственной никчемности, или растерянности, или агрессии. Вернувшись в униженное состояние, хорошенько его прочувствовав, нужно встать со стула и мысленно оставить на стуле все обидные ощущения…

В искомом состоянии крайнего раздражения (уже не помню, по какому поводу) я плюхнулась в кресло и, не закрывая глаз, воскликнула:

– Да пошли вы все к чертовой бабушке! Стульев в доме не хватит оставлять на них идиотские обиды! Села и забыла! Сидю и не помню!

Но сегодня магическое кресло не действует. Я забралась в него с ногами, передо мной чашка кофе и пачка сигарет. Пропади все пропадом!

Крепкий кофе и табак мне вредны. Я беременна!

В сорок восемь лет и без пяти минут бабушка!

Последние несколько месяцев моей любимой темой в разговорах с подругами было прославление женского климакса. Отличный период! Ни тебе регулярных недомоганий и страхов запятнанной одежды, экономия денег и сплошная благодать! Я радовалась тому, что вступила в естественный возрастной период без сопутствующих горестей: депрессии, упадка сил, отливов-приливов. Живи и наслаждайся!

Двадцать шесть лет назад, когда я носила своего сына, в начале беременности регулярно прибегала к врачу:

– Он шевелится! Я чувствую!

– Еще рано, – охлаждала мой пыл доктор. – Это вы чувствуете биение брюшной артерии.

Поэтому и теперь я пришла к врачу, когда моя брюшная артерия что-то уж сильно и регулярно стала пульсировать. Как же, артерия! Восемнадцать недель, все сроки для абортов пропущены. Он уже шевелится.

Вот и сейчас: тук-тук, тук-тук. Я смотрю на свой живот – нисколько не вырос, все юбки сходятся, а внутри свернулся клубочком… Господи! За что мне?

Посетила я не одного, а группу врачей. С «артерией» пришла к хирургу, он отправил меня к гастроэнтерологу. Испуганным носителем экзотической болезни я переползала из кабинета в кабинет районной поликлиники, пока не оказалась у гинеколога и не услышала приговор. Отказалась верить, бросилась в платный медицинский центр, к «женскому специалисту», берущему за прием полторы тысячи рублей. Он диагноз подтвердил и подробненько обрисовал перспективу.

В моем преклонном возрасте очень велик риск родить дауна или какого другого урода. Кроме того, если в моем теле имеется микроскопический зачаток опухоли, то во время беременности она расцветет пышным цветом. Научно-популярную лекцию мне прочитал, денежки отрабатывал:

– Ежесекундно в организме человека образуются сотни раковых клеток. Но другие клетки, так называемые киллеры, их подавляют. Во время беременности, когда все силы организма направлены на то, чтобы вырастить и выносить плод, иммунитет матери резко ослабевает, активность киллеров падает. Поэтому строжайше запрещено рожать женщинам, перенесшим онкозаболевания или с подозрениями на них. По этой же причине позднородящие мамы,

и особенно имевшие большой перерыв между родами, редко доживают до совершеннолетия своих чад.

Словом, перспектива у меня получается радужная дальше некуда – произвести на свет кретина, который к тому же станет моим могильщиком.

Доктор, лысоватый сорокалетний мужчина с таким гладким лицом, словно никогда не бреется, смотрел на меня профессионально ласково и сочувственно. Он уже давно имеет дело с женщинами, причем с психически неуравновешенными.

Ведь его пациентки либо страдают от нежеланной беременности, либо никак не могут понести. А если они счастливо ждут ребенка, то с головой у них все равно непорядок, именуемый психозом беременных. Очевидно, доктор укрепился в мысли, что с нами надо разговаривать как с детьми или умственно отсталыми – спокойно и доброжелательно, но припугнуть, если надо.

Врач прямо не сказал, а намекнул, что помочь мне можно. По медицинским показаниям беременность можно прервать на любом сроке. Очевидно, это дело противозаконное, потому что доктор ходил кругами. Рассказывал, что в сумасшедших домах (хорош примерчик!) или в фашистских концлагерях (того краше!) методику давно отработали.

– Но вы не пугайтесь! – жужжал он. – У вас может обнаружиться… как бы обнаружится, заболевание сердца или та же онкология.

– А как это на практике происходит? – промямлила я.

– Не думаю, что пациенткам следует это знать. Но вы, Кира Анатольевна, человек образованный, передовой, следовательно, дотошный, поэтому вкратце объясню. Все под наркозом! В полость матки вводят специальный раствор, плод погибает, вызываются искусственные роды. Все под наркозом, – повторил он. – Через месяц будете вспоминать это как страшный сон, не более.

Вздохнуть свободно? Забыть? Страшный сон?

Это мечта из мечт… мечтов… мечтаний – запуталась. Действительно, голова не варит, хотя и кипит.

С доктором я попрощалась, сказала, что подумаю. Он дал мне номер своего сотового телефона.

Если соглашусь на операцию, по телефону скажет ее стоимость и назовет дату. Конспиратор!

Тук-тук, тук-тук. Опять! Тебе там не сидится?

Чувствуешь, что конец приближается? Кто, интересно, мальчик или девочка? Сейчас уже хорошо видно, наверное. Сердце бьется, ручками-ножками шевелит… А мы зальем его формалином или кислотой – чем там они травят, вытащим на свет – еще не человека, но уже и не зародыш…

Не заметила, как выпила кофе и выкурила сигарету. Вдруг испугалась. Чего? Мне не вредно, а ребенка не будет. Или будет?

Я редко испытываю ненависть к людям. Все мы в общем-то похожи: чуть лучше, чуть хуже, умнее, глупее – нет оснований для бурных страостей. Но однажды я испытала острую, ослепляющую ненависть к человеку. Делала аборт, единственный в жизни, воспоминание не из приятных. На соседнем кресле женщине сказали, что у нее срок больше положенного, но операцию могут сделать, ведь у нее уже двое детей. Она встала и попросилась подумать. Меня везли из операционной на каталке, а женщина все ходила по больничному коридору и «думала». В затуманенном сознании у меня промелькнуло: «Как же можно, вот так, в коридоре маршируя, решать судьбу человека?» На следующий день я увидела ее в столовой. Аборт она сделала и с аппетитом уминала сиротский больничный суп. У меня руки задрожали от негодования, куска не могла проглотить, желчью захлебывалась. Прекрасно сознаю, что какой-нибудь психоаналитик объяснил бы мою жестокую ненависть к посторонней женщине тем, что я переношу на

нее собственные угрызения и раскаяния. Пусть психоаналитик будет тысячу раз прав! Но если бы мне выдали в ту минуту лицензию на отстрел людей, я бы, не колеблясь, убила мать двоих малышей. И сейчас вспоминаю о ней как о великой злодейке.

Теперь вопрос. Чем я в данную минуту отличаюсь от той «злодейки»? Ребенок, который во мне тук-тукает, имеет не меньшее право на жизнь, чем мой первый (уже первый!) горячо любимый сын Лешка. Младенец, не исключено, даун или урод. А почему дауну отказано видеть солнце, улыбаться, пачкать пеленки? Он может свести меня в могилу.

Ну и что? Рано или поздно я неизбежно там окажусь. В природе задумано: семечко умирает и дает жизнь другим семечкам. И та же природа не предусматривала мое субъективное волеизъявление – оставить ребенка или убить.

Куда меня занесло? В примитивно философские дебри. А что говорят великие философы из женоненавистников? «Все в женщине загадка, а отгадка называется беременностью», – кажется, Ницше.

Ваше научное преосвященство, а как именуется прерванная на большом сроке беременность? Молчите? Вот и я не знаю.

Жутко хочется еще кофе и никотина. У меня низкое давление, кофе ежедневно литрами потребляю. Кофепроизводящим компаниям давно пора предоставить мне большую скидку на свою продукцию. То же самое касается табачных фабрик. Из тридцати последних лет я не курила и не глушила кофе только два года – пока была беременна Лешкой и кормила его грудью.

Если я не собираюсь оставлять ребенка, то почему с такой ненавистью-вожделением смотрю на пачку сигарет и на кофеварку?

* * *

Открылась входная дверь и захлопнулась. Возня в прихожей, чмоканье, хихиканье. Пришли дети. Лешка и Лика. Мой сын и его жена. Целуются, наверное. В домашние тапочки переобуваются и целуются. Можно подумать, в лифте они не тем же самым занимались, о высшей математике говорили.

А вот приложится ли сыночек к щеке родной мамы? У нас в семье было принято ушел-пришел отмечать прикосновениями к близким. А родители Лики – из другой, пуританской, секты. Когда на их серебряной свадьбе народ требовал «горько!», они, каменея от стыда, вытягивали губы трубочкой и едва касались друг друга. Мать Лики, она мне кто? Сватья? Так вот, сватья баба Бабариха весь вечер сидела пунцовая, как помидор.

Между тем целомудренный физический контакт между близкими людьми, он же дежурный поцелуй, я считаю прекрасным обычаем, ведь мы не так часто говорим друг другу приятные вещи.

Хотя был поцелуй Иуды. Как там по библейской легенде? Иуда согласился предать своего учителя за тридцать сребреников, и его поцелуй должен был указать стражникам на Иисуса. Фреска Джотто «Поцелуй Иуды». Их лица очень близко, они за секунду до поцелуя: прекрасное лицо Христа с высоким лбом и ясным взглядом и безобразный профиль Иуды со злобными глазами под низким лбом. Христос знал о предательстве и подставлял щеку…

Я думала о фресках, когда Лика, пропорхнув через кухню, подскочила ко мне и поцеловала в щеку.

– Здравствуйте, Кира Анатольевна!

– Здравствуй, ребенок! – отвечаю я.

Значит, Джотто? Тогда неизвестно, кто из нас Иуда. Скорее всего, я. Потому что, если бы я мечтала о дочери, если бы я имела ее и воспитала, как хотела, у меня бы все равно не

вышло такой, как Лика, моя невестка. Всем нам: родителям Лики, Лешке, мне – часто хочется закатать ее в прозрачный пластик, чтобы обезопасить от грязи, пыли, царапин внешнего мира.

– Маман! Привет! – В другую щеку меня целует сын.

Нынче я у него «маман». От двух Лешкиных лет до его же пятнадцати я была исключительно «мамочкой». Потом он звал меня «мутер», как бы на немецкий манер. А на первом курсе института появилось лихое «мать», и вызвало у меня бурю протеста: «Я тебе не мать! Сам ты мать!» Короткий период продержалось «мамуля», и вот уже второй год я «маман».

– Представляешь! – Лешка поднимает крышки кастрюль в поисках ужина. – Лика купила фен, а он сдох через две секунды. Она пошла в магазин менять, а ей там не то что не поменяли, а задурили голову и еще всучили утюг дорожный на батарейках. Утюгу цена три сотни, а они слупили тысячу – вся ее стипендия. Во прикол! Лика, отдай маман квитанции и электроприборы. Что мы едим? Не врубаюсь: где ужин?

Подтекст понятен? Лика, девушка тонкой организации, не может объясняться с хамоватыми продавцами, а маман обязана. И ужин не приготовлен, опять маман плохо службу несет.

– Кира Анатольевна? – спрашивает Лика. – Вы себя плохо чувствуете? Отдохните в комнате, а мы приготовим. Хорошо?

– Нет. – Я поднимаюсь из кресла. – Ты иди полежи, целый день на ногах. Я вас позову. Нет, нет! – отмахиваюсь от предложений помочи. – Здесь накурено, иди, не дыши!

– Иди, не дыши! – подхватывает Лешка, обнимает жену и уводит.

Лика беременна, двадцать недель. У меня на две меньше, что неудивительно. Когда они поженились, я трезво рассудила: лучшее свадебное путешествие – это когда в привычной обстановке и никто не мешает. Иными словами, отселять надо не молодых, а самим от них отъезжать. И я взяла путевку в сочинский санаторий. Там случился курортный роман. Или маленькая повесть, рассказик?

Ответ на этот вопрос не дает мне покоя.

Переворачиваю рыбное филе на сковородке и казню себя. Почему я вдруг почувствовала неприязнь к Лике? Еще вчера я бы забрала у родного сына почку, чтобы отдать ей. Еще вчера... еще сегодня утром я не верила до конца, что ношу ребенка.

Когда Лешка решил жениться, только ленивый из друзей и знакомых не сказал мне: отговори сына. Нынче, мол, никто не женится, все живут.

То есть живут, живут, пока перезреют, что именуется «проверят свои чувства», потом расписываются и рожают детей. Мол, это свидетельствует о цивилизованности общества, о серьезном и ответственном отношении к такому институту, как брак.

А для меня, если бы Лешка жил и жил с Ликой, не взваливая на себя никаких обязательств, было бы самое обрушительное из всех возможных разочарований – разочарование в сыне. Я вырастила трусливого приспособленца?

Кроме того, только дурак не мог сообразить, что Лику нужно приковывать к себе немедленно и крепко. Лика – это Божий подарок. Третий подарок Всеевшнего моему сыну. Первые два – мы с отцом. От меня Лешка взял стройную фигуру и неземную красоту, от отца – часть интеллекта.

Хорошо, что только часть. Если бы ему достались все отцовские мозги и он их приумножил, я бы отправилась в монастырь.

О Лике нельзя сказать, красивая она или безобразная. Вернее, или красивая, или безобразная.

Одни люди немеют от ее вида, другие внутренне передергиваются. На лице все не правильно: форма сердечком, очень большие глаза и высокие брови, губы узкие, хотя и волнующе очерченные. При этом кожа потрясающей персиковой гладкости. В романах Вальтера Скотта или Теккерея полно девушек с прекрасной кожей. Но как они сохранились в наши дни, вскормленные на докторской колбасе и нитратной картошке? Росту Лика предлинного – метр восемь-

десят шесть. Наденет каблуки – и возвышается над Лешкиными метр девяносто. Когда я вертикально оказываюсь рядом, то задираю голову, разговариваю с ними как страус с жирафами.

Внешность (я в группе тех, кто Лику считает небесно прекрасной) – полдела. Не видели мы красоток с поганым характером? Нрав у Лики мягкий и железобетонно добрый. Точно девушка воспитывалась исключительно на великой русской литературе, с ее идеями женской чистоты, преданности и самоотверженности. Лица в меру наивна и глупа, хотя очень умна – на отлично учится в Финансовой академии, а там сплошная математика. Я могу про Лику написать тысячу слов, но достаточно одного, уже упомянутого. Подарок! Нам с Лешкой Подарок!

И вот к этой подарочной девочке я воспылала почти ненавистью. Объяснение простое, как две копейки. Вчера расклад нашей жизни на несколько лет вперед был ясен. В пику доброхотам, друзьям и родным, которые в ужас пришли: мало того что Лешенька рано женился, ему еще и ребенка заделали (кто кому заделал – вопрос), – я радовалась Ликиной беременности. Радовалась эгоистично. Во-первых, я люблю детей, во-вторых, я получалась вся из себя молодая, красивая и уже бабушка. Ах, шарман! Ах, пикантно! Моя зарплата, Лешкина аспирантская стипендия и приработок, Ликины будущие гроши-пособие – проживем!

Профланируем на медленном полете, зато у нас маленький будет!

А теперь? Из-за беременной невестки я должна собственным ребенком жертвовать. Боливар двоих не выдержит. А Лешка даже не Боливар. Он, считай, четверых нахлебников не выдержит. Лешка хоть и молодой крепкий мужчина, муж и будущий отец, но без моего финансового подспорья жилы надорвет. Бросит науку, уйдет в бизнес. Бизнес ему противопоказан, как слону балет. Слон, конечно, может выступать в цирке, ноги задирать. Но то бедный слон. А в науке, в своей квантовой физике, Лешка многое может сделать. Недаром научный руководитель подбивает вместе книгу написать. Где видано, чтобы научный руководитель едва не каждый вечер своему аспиранту называнивал? Интерес к маме аспиранта не учтываем. Интерес мы прихлопнули, когда Лешка еще диплом защищал.

Стоп! Назад! С чего мы начали? С того, что я Лику захотела со свету сжить. Временно? Это у меня пройдет? Вот извлекут зародыш, и пройдет?

– Кира Анатольевна! – Лица оказалась тихо под боком. – Давайте я помогу. Вы все переворачиваете и переворачиваете рыбу. Она уже готова, и овощи поспели. Вы садитесь, я накрою.

– Тебе было велено лежать! – говорю я строго, отдавая Лице поварскую лопаточку. – Ты витамины сегодня пила?

– Пила, пила, пила! – нараспев произносит Лица и усаживает меня в кресло.

– Я пью! Все мне мало! – дурным голосом орет Лешка, помогая жене. – Уж пья-я-яною стала!

– У тебя прекрасный голос! – щедро улыбается Лица. – Настолько прекрасный...

– Что отсутствие слуха, – подхватываю я, – почти незаметно.

– Медведь только на одно ухо наступил, – соглашается Лица, – второе...

– Не додавил, – подсказываю.

Все в порядке: я встала на привычные рельсы, запрыгнула в поезд – на два голоса мы незлобиво перемываем Лешке косточки. Это наше любимое занятие по вечерам за ужином. У нас отличная семья, веселая. Если шутим над кем-то, то по-честному – двое против одного.

– Вы курите, – предлагает Лица, когда мы пьем чай. – Мне правда не мешает.

– Бросила курить, – вырывается у меня.

– Час назад? – усмехается сын.

Но Лица не поддерживает его и спрашивает серьезно:

– Почему? Что случилось?

Дети знают, что от безуспешных попыток бросить курить я отказалась. Поставила на них крест и нашла оправдание: «Я исключительно волевая и сильная женщина. Но для гармонии

и равновесия у меня имеется один недостаток – табакозависимость. Если брошу курить, для той же гармонии может обнаружиться другая слабость. И неизвестно, какая лучше».

– Ты ведь у врача была? – спрашивает сын, озабоченно напрягаясь. – Что нашли?

* * *

Тут бы мне все и рассказать. Сложить руки на груди и признаться:

– Дорогие детки! Ваша мама немножко беременная, то есть не немножко, а очень основательно.

Лица у них вытянутся, и в первые секунды они не смогут скрыть растерянное отвращение.

– А папа знает? – спросит после молчания Лешка.

– Папа тут ни при чем, – вынуждена буду сказать я.

– А кто «при чем»? – с вызовом спросит Лешка.

– Дед Пихто! – огрызнусь я.

Но потом возьму себя в руки и начну лебезить перед ними:

– Дети! Не судите меня строго, так получилось. Давайте вместе подумаем над решением проблемы.

Есть два выхода. Первый: оставить все как есть, и через полгода, взявшись за руки, мы с Ликой дружно пойдем в роддом рожать. Выход второй: ребеночка внутриутробно прикончить, извлечь, выбросить и навсегда об этом забыть.

Лика, добрая душа, конечно, скажет вслух:

– Я за то, чтобы «взявшись за руки».

Но внутренне меня возненавидит как соперницу. Как человека, на которого рассчитывали, а он свинью, то бишь собственного ребенка, подсунул.

Лешка, сдерживая возмущение, процедит:

– Почему ты взваливаешь на нас ответственность и решение собственных проблем? У нас своих недостаточно?

И он, мой сыночек, будет совершенно прав! Сама садик насадила, самой надо поливать.

* * *

– Кира Анатольевна? – Голос Лики выбириует от волнения. – Почему вы молчите? Что у вас обнаружили?

– Золото и бриллианты, – усмехаюсь. – Ничего у меня не обнаружили! Я совершенно здорова.

Здорова как корова, ведь не сказать «как бык». А курить я бросаю, потому что готовлюсь стать... бабушкой. Да! Прежде всего – бабушкой! Эдакая бабушка на сносях...

– Кормящая бабушка? – подхватывает сын.

Он даже не догадывается, насколько прав. Чтобы не догадался, перевожу разговор на другую тему:

– Вы над именем для ребенка думаете?

Вопрос не праздный. Дело в том, что в роду Ликиного отца принято чудить с именами. Лику полностью зовут... держитесь! Гликерия Митрофановна! Как купчиху! Имя настолько ей не подходит, что каждый, кто услышит, начинает смеяться. Отца Лики соответственно зовут Митрофан Порfirьевич. Вот я и боюсь, что моего внука назовут Нестором или Калистратом, а внучку окрестят Глафирией или Ефросиньей.

– Девочку я хочу назвать Варей, – говорит Лика. – Варварой.

— Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, — не соглашается Лешка. — Мальчика мы назовем Тимур.

Они смотрят друг на друга с вызовом. Незамеченная, я удаляюсь с кухни. Пусть сами посуду моют. И я знаю, что дальше последует. Они повздорят, Лика даже всплакнуть может. Потом бурно помирятся. Циклический процесс может повторяться по три раза на день. Милые бранятся...

* * *

Ночью мне снились кошмары. Мы с Ликой неутомимо рожали детей. Уже вся квартира была ими забита, шагу не ступить — кругом младенцы. А нас все тянет и тянет, как при поносе. Лика отлучится на минутку в комнату — возвращается с дитем.

Потом я, почувствовав настоятельную потребность, убегаю, прихожу с ребенком.

Мама Лики, Ирина Васильевна, с квадратными глазами то одного плачущего младенца схватит, потрясет, то другому соску в рот сунет, то третьему пеленки меняет. Дети почему-то разновозрастные — от месяца до полугода. В основном ведут себя смирно, лежат, почти не дрыгают ножками-ручками. И смотрят виновато-виновато, как бы прощения просят, что на свет появились.

— Дочь! — заходит в крик Ирина Васильевна. — Прекрати это безобразие!

Ирине Васильевне хочется и на меня заорать, но она не смеет, на Лике отыгрывается.

А у нас с Ликой совпадают позывы, мы хватаемся за руки, уносимся в темную комнату и возвращаемся с парочкой новых младенцев.

— Мамочка! — плачет Лика. — Я не виновата! Кира Анатольевна первая начала!

— Что вы, собственно, имеете против? — говорю я торопливо, чтобы успеть оправдаться до следующего позыва. — Это природный жизненный процесс, он естествен и неостановим! Дети — цветы жизни!

— Да тут уже целая клумба, — поводит руками Ирина Васильевна. — Кто их кормить будет? Они же в гербарий превратятся!

Я не успеваю ответить, потому что снова убегаю метать икру...

Первой мыслью утром было: куда мы денем эту прорву детей? Потом я окончательно проснулась, вытерла пот со лба и сообразила, что рекордного приплода не будет. Родится двое детей, и только.

Наверное, решение оставить ребенка я приняла давно или сразу, как узнала о беременности. Но решение было крошечным и не очень твердым.

Пройдя через ночной кошмар, оно укрупнилось и отвердело. И я чувствовала, что дальше решение будет расти и каменеть, пока я не окажусь замурованная в нем, как в саркофаге.

Хотя внутренние монологи продолжались, та сторона меня, которая была за, явно побеждала.

Мое тело? Мое! Что хочу, то с ним и делаю! Никто мне не указ! Почему я должна оглядываться на других? До седых волос дожила и все оглядываюсь.

Вы, Ирина Васильевна, шокированы, что я в положении? Вот и живите в шоке! А я буду пребывать в радостном ожидании маленького человечка. Конечно, он может родиться дебилом-олигофреном. Но это будет мой дебил! Личный! Зато внук наверняка получится умственно здоровенький. Их обоих я и буду воспитывать. Дебил потянемся за здоровеньким и поумнеет, а внук потянемся... Ладно, когда они начнут мозгами обмениваться, я их разлучу. А Лика продолжит учебу, выйдет на работу. Пока же... Пока же я с двумя младенцами могу на паперти посидеть?

Есть другой выход: занять денег у подруги Любы.

Она жутко богатая и отвалит мне сколько угодно. А лет через сто мы долг отдадим...

Зачатие было вполне порочным, у ребенка есть отец. Как он отнесется к факту своего отцовства?

Возликует, прижмет меня к груди, осыплет поцелуями, прослезится от радости и умиления, предложит руку и сердце, будет носить на руках... А когда устанет на руках носить, посадит, а сам будет вокруг меня передвигаться исключительно на коленях...

Как бы не так! Еще скажи: тапочки в зубах принесет! Все это – из области фантазий, воспаленного воображения немолодой, влюбленной и беременной дурочки.

Невестка

Завтракаем мы с Ликой вдвоем. Лешка спит, ему на работу к двенадцати. Как говорит моя подруга Люба, «Леша аспирант, но работает в бассейне, чтобы не утонули». Все ясно сказано, хоть и не литературно. А литературно длинно получается: на аспирантскую стипендию не проживешь, у Лешки разряд по плаванию, днем он дежурит в качестве инструктора в бассейне. Сидит на стульчике, в одном ухе наушник, гремит музыка, второе ухо свободно для улавливания криков о помощи. Одним глазом следит за рукой, которая на бумаге формулы чертит, вторым сканирует бассейн, не пошел ли кто-то ко дну.

– Кира Анатольевна, кофе я вам сварила. Не очень слабый?

– Спасибо, в самый раз. Доставай творог и ешь!

Творог беременным полезен, в нем кальций. Я терпеть не могу кисломолочные продукты.

– Не хотите чуть-чуть? – как всегда из вежливости, предлагает Лика.

– Давай! – вздыхаю я. – Сегодня заеду на рынок и куплю тебе свежего.

– Сегодня у моей мамы день рождения, – говорит Лика. – Она ждет нас на ужин.

– Прекрасно помню! – вру, не дрогнув бровью. – И подарок уже купила, на работе лежит.

Оренбургский пуховый платок.

Кто меня дергал за язык выдумывать про платок? Это я от смущения, что забыла про памятные даты в жизни новой родни. А если не найду платок? С надеждой смотрю на Лику: может, у ее мамы уже есть сей предмет? Лика истолковывает мой вопросительный взгляд по-своему, как надежду на одобрение подарка. И одобряет:

– Прекрасно! Мама будет очень рада. Как вы думаете, а если мы с Лешиком подарим ей дорожный утюг?

– Вместе со сгоревшим феном? Твоя мама дальше дачи не любит ездить. Кстати, давай квитанции, утюг и фен. В каком магазине ты их приобрела? Сегодня, нет, завтра я к ним наведаюсь.

У ребят нет денег, поэтому – ненужный утюг в качестве подарка любимой маме. Мне не нравится их щепетильность в финансовых делах. Попросите на дело – я всегда дам. В стародавней коробке от кубинских сигар лежат деньги на наши текущие расходы – часть моей зарплаты. Собственные деньги Лешка и Лика тратят на ерунду вроде утюга или посещения кинотеатра, где стоимость билета равняется половине его стипендии. Из сигарной коробки они всегда берут на дело с пояснениями: продукты купить, за квартиру заплатить, белье в химчистку сдать. На книжной полке стоит том «Живопись Джотто», где я храню свои накопления, поскольку банкам не доверяю. Ребята ни разу не поинтересовались творчеством Джотто. И на самом деле их щепетильность мне по душе. Всем понятно, что сидят молодые у меня на шее. Но сидят скромно, руками не машут, ногами не дрыгают. Их желание стать на собственные ноги читается легко, да только раньше батьки в пекло не получается.

Заношу ложку над пиалой с творогом, политым медом, и соображаю, что нового не куплю – не успею после работы заехать на рынок, надо платок искать.

– Нет, не могу! – отодвигаю пиалу. – Убери в холодильник, завтра съешь.

– Кира Анатольевна! – умоляет Лика. – Я вас очень прошу! Я читала, что у женщин старшего возраста кости становятся хрупкими, как бы размываются. Процесс называется...

– Остеопороз.

– Да! Вам и маме надо обязательно кушать творог, в нем кальций!

– Куда ни кинь, – невесело усмехаюсь, – со всех сторон мне кальций необходим.

Лика смотрит с неподдельным удовольствием, как я давлюсь творогом.

К слову, у беременных бывают бзики по поводу еды. Что-то они вдруг невзлюбят, а чего-то хотят нестерпимо. Даже термин есть такой, но я его не помню. Лика на первых порах страстно желала тертой морковки. Лешка все тер и тер морковь, приговаривая: «Мне, конечно, нетрудно. Мне уже терка снится ночами, но это мелочи. Об одном прошу: не роди зайца!»

А я не могу припомнить ничего специфического в изменении вкусов. Как любила рассыпчатую картошку с жирной селедкой, так и люблю. И раньше, и сейчас готова отдать врагу молочный суп. Неужели пищевые пристрастия беременных – капризы от сознания беременности, психологические штучки?

– Как замечательно, что вы не курите! – вздыхает Лика и сочувственно спрашивает: – Трудно держаться?

«Не то слово, девочка! – хочется воскликнуть мне. – Я готова продать душу дьяволу за одну затяжку! Но я могу распоряжаться только своей душой, а не здоровьем ребенка».

– Не напоминай! – прошу я мученическим голосом.

– Не буду! – обещает Лика.

– Возьми сразу деньги за фен и утюг. – Я открываю кошелек.

– Когда получите, положите их в сигарную коробочку.

– Ты меня поучи, куда что класть! – притворно обижаюсь. – Делать мне нечего, как помнить, сколько должна! Бери!

– Беру! – покоряется Лика и протягивает руку. – Спасибо! Мы похожи на дипломатов страшно дружественных стран.

Мне выходить на полчаса позже, чем ей. Лика stoически переносит мою заботу: витамины выпила? колготки под джинсы надела? укутай горло шарфом! зонтик не забудь! проверь сотовый телефон, батарейка заряжена?

Все девушки по горло хлебнули подобной материнской опеки. Выйдя замуж, им, естественно, хочется быть хозяйками, отвечать за мужа, за себя, за дом. А тут свекровь со старой песней! Другая на месте Лики давно бы меня возненавидела. Если бы на месте Лики была другая, я бы держала холодный нейтралитет.

– И самое главное! – Я перехожу к заключительному этапу прощания в прихожей. – Сколько перекрестков ты должна перейти?

– Четыре, включая один Т-образный! – рапортует Лика, целуя меня в щеку. – Обязуюсь идти на зеленый свет в толпе пешеходов. И не задумываться!

– Помни! – Я закрываю за ней дверь.

Наша чудная, прекрасная Лика имеет привет в голове, он же черная дыра, он же способность вырубаться из действительности на несколько минут.

Маленький привет есть у всех людей: кто не захлопывал случайно дверь, оставив ключи внутри, не проезжал на автобусе свою остановку? Задумался – и приветик! Но если у нас маленький приветишко, то у Лики – пребольшущий. Она отключается, проваливается в черную созерцательную дыру, продолжая механически повторять действие или работу, которую делала до припадка. Начала резать хлеб – всю буханку пошипинует, то же касается сыра или колбасы. Или готовит Лика омлет. Нужно вбить два яйца. Она разбивает одно, второе, третье, четвертое... На ячеистой сетке лежат три десятка. Пока Лика не пустила в дело дюжину, не очнулась.

Сидит на диване с шитьем, второй час сидит. Я подхожу и строго восклицаю:

– Лика!

– А?

– Что ты делаешь?

– Юбку подшиваю.

– Ты ее уже по пятому кругу подшиваешь!

И познакомились Лика с Лешкой после одного из припадков, который едва не стоил Лике жизни.

Дело происходило в бассейне.

* * *

Лику приступ застиг в душе. Она помылась, надела шапочку и нижнюю часть купальника – трусики. До этого ходила в бассейн в закрытом купальнике, он пришел в негодность. Взяла летний, пляжный, но в голове сидело только одно привычное действие натягивания купальника – снизу вверх, и готово. Топлес Лика прошествовала в бассейн. Проплыла всю дорожку, когда сообразила, что вода как-то по-новому чувствуется телом.

Груди плавали-колыхались сами по себе. Бюст у Лики не шуточный, полноценный третий размер.

Лика забилась в угол бассейна, закрылась руками и оставалась на плаву благодаря интенсивным движениям ногами, которые быстро уставали.

Боковым зрением, то есть тем глазом, что присутствовал на работе, Лешка увидел: в углу корыта (так они называют ванну бассейна) кто-то бьется и совершает странные погружения. Лешка вытащил наушник из уха, отложил тетрадку, встал и, подойдя к краю корыта, присел на корточки.

– Эй! – позвал он. – С вами все в порядке?

– Уйдите! – завопила Лика, которой до этого момента удавалось избегать контакта с людьми. – Уйдите!

Ее крик привлек плавающих на соседних дорожках людей. Они повернули в ее сторону головы, казавшиеся в эту минуту Лике противными как у монстров – лысые из-за шапочек и кровожадно жестокие из-за выпуклых очков в резиновой оправе. Монстры заинтересовались, стали подплывать.

Лика была готова скорее умереть, чем пережить скандальный позор. Она так и крикнула:

– Лучше умереть!

И стала натурально захлебываться и опускаться на дно.

– Только не в мое дежурство! – воскликнул Лешка.

Он в секунду сбросил спортивные штаны и майку, прыгнул в воду. Была самоубийца одета или раздета, Лешка не сообразил, когда они боролись на дне корыта. Лешка – за спасение. Девица – против. Кругом бульки-пузырьки, завихрения воды – и все как в замедленном кино, которое нужно срочно убыстрить. Да еще мешались другие добровольные спасатели или просто любопытные, которые ныряли вокруг. Они составляли группу зрителей подводного действия, активно обсуждающую спектакль на поверхности. Вынырнут, перебросятся парой фраз, и опять на дно.

Бассейн кипел. Не умеющие плавать бабульки в полиэтиленовых чепчиках в цветочек, перебирая руками по канату дорожки, из неглубокой части бассейна устремились поближе к «сцене». У ныряющих бабульки активно интересовались: кто утонул? уже утонул? мужчина? женщина? давно?

Лешка пробыл под водой рекордное время. Хотя силы были неравны – девушка отчаянно сопротивлялась. Но водички все же наглоталась и обмякла.

Лешка схватил ее за волосы, потащил кверху. И, вынырнув, не озабочился вопросом, почему она нагая.

Он даже этого не заметил. Девушку надо было откачивать, часть признаков жизни она утратила.

Если бы действие происходило на земле, можно было сказать, что народ бросился врассыпную, освобождая инструктору проход. А здесь они врассыпную отплыли. Лешка притаранил утопленницу к лесенке, взвалил на плечо, поднялся по ступенькам и потрусили в инструкторскую – каморку, дверь которой выходила в бассейн.

Лешка положил девушку на топчан и offered первую помощь утопающему – точно как учили на курсах спасателей. Помощь удалась – девушка изрыгнула воду, прокашлялась, посишла, побелела и стала ровного светло-красного цвета.

Лика испуганно оглянулась по сторонам, сдернула со спинки стула полотенце и прикрылась им.

– Как вам не стыдно! – воскликнула она.

– Мне очень стыдно, – заверил Лешка. – Сколько работаю, деньги получаю, а еще никто не тонул. Нашатырь нюхать будете? Или резкость восприятия уже восстановилась?

Лика смотрела на него с ужасом, если не сказать с ненавистью.

– Резкость? – повторил Лешка и постучал себя по голове. – Резкость наведена?

Лика зло кивнула. Лешка подумал, что, хотя это не зафиксировалось в его памяти, спасая утопленницу, он стянул с нее купальник.

– Вы, знаете ли! – произнес он возмущенно. – Покончить с собой в общественном бассейне! Ничего оригинальнее не могли придумать? И как вам, в ваши годы, жизнь успела надоесть? Мне моя еще лет сто будет нравиться.

– Кто вас просил ко мне подходить? – обреченно спросила Лика.

– А что мне было делать? – с вызовом ответил Лешка. – Смотреть, как вы погибаете?

– Прислать какую-нибудь женщину!

– А спасатель мужского пола вас не устраивает? Какие привередливые утопленники пошли!

– Купальник, – прошептала светло-красная от смущения Лика.

– Плавает на дне бассейна, – успокоил Лешка.

– Висит в душе.

– А как он туда переполз?

– У вас с головой проблемы? – спросила Лика прорезавшимся голосом.

– Не такие, как у вас, но тоже имеются. Послушайте, девушка! Поскольку вы не проявляете естественной благодарности спасителю, значит, не оставили мыслей о самоубийстве. Суицидальностью кто занимается? Правильно! Психиатры. Вот их сейчас я и вызову.

– Не надо психиатров! – испугалась Лика. – Я же вам простым русским языком объясняю. Я задумалась, со мной бывает. Забыла надеть верх купальника. Когда обнаружила, что я… что его нет… а тут вы… хотела на дне отсидеться… лучше не жить.

– Из-за купальника? – уточнил Лешка. – Вернее, его отсутствия?

Лика кивнула и закусила губу, собираясь плакать.

– Ну, вы даете! – развеселился Лешка, хотя на самом деле струхнул, что девушка зайдется в рыданиях. – Да у нас тут это привычное дело! И мужики и бабы, извиняюсь, женщины регулярно под nudistов косят. А недавно детсадовская группа была полностью без плавок. Кстати, вы задумывались, почему скульпторы голых мальчиков изображали, а девочек – нет? Ну, помните, статуя писающего мальчика в Стокгольме или в Амстердаме?

Ни там, ни там Лешка не был, зубы заговаривал, отвлекал. Не дожидаясь ответа, он тара торил:

— Как вы себе представляете скульптуру писающей девочки? А чего вам, простите, стыдиться? Где у вас уродство и недостатки? Вам гордиться своим телом надо. А стыдиться люди должны собственной глупости и невежества.

(В этом месте, когда мне Лешка рассказывал, Лика прокомментировала: «Сначала он не замечал, что я голая, а потом, оказалось, рассмотрел и оценку поставил».)

— Если вы такой добрый, — попросила Лика, — принесите мне, пожалуйста, купальник из душа.

— Легко! — согласился Лешка. — Только вы слово дайте, что обратно в корыто не броситесь топиться! У вас мама есть? Отлично? Поклянитесь своей мамой и моей заодно. Если с моей мамой что-нибудь случится, — пригрозил он, — я вас на том свете найду!

И он пошел прямо в женский душ. Просто пошел — как в мужской. То ли спасенная Лика уже произвела на него неизгладимое впечатление, то ли заразила своей забывчивостью.

Нагие женщины в душе не верещали, когда Лешка заглядывал в кабинки в поисках купальника. Женщины онемели от деловой наглости инструктора-спасателя, который кивал на купальники и спрашивал: ваш или чужой?

Лешка не отпустил Лику домой. Она плавала под его присмотром до конца смены. «Пузырьшками покрылась, — гордо вспоминал Лешка, — но покорно плавала. Так я ей понравился!»

А дальше у них было как водится. Свидания, прогулки, кафе, поцелуи в парадном, свадьба.

Тот случай в бассейне хорошенъко потряс Лику, и она почти перестала впадать в забытье, контролировала себя. Но когда забеременела, когда мы пережили естественное «конечно, рано, но все равно отлично!», когда Лика стала на путь подготовки себя к материнству, припадки возобновились.

Когда они случались дома — полбеды. Не жалко ведь нам дюжины яиц или десятиграммовой пачки стирального порошка, который она засыпала в машину. Мы пол по колено в пене помоем и машину отремонтируем. Но ведь случись большой привет на улице, Лика под автобус может попасть! И мы стали бояться перекрестков, как злейших врагов. Отсюда — постоянный контроль по мобильному телефону и регулярные напоминания о правилах уличного движения.

* * *

Я шла к метро и невольно присматривалась к детям, спешащим в школу. Как хорошо стали одевать малышей! Яркие курточки, смешные трикотажные шапки с помпонами, веселые рюкзачки за плечами. А мордахи такие же, как были у наших детей, которых мы наряжали, выкручивая свою фантазию, скромненько и модненько.

Вот пацаненок точно не сделал домашнее задание. Шевелит губами — придумывает «правдивое» объяснение для учительницы. А девочка наверняка отличница, ноздри трепещут — репетирует свой ответ у доски. Этот не выспался, бедняга, а тот несет в рюкзаке «бомбу» — живую лягушку, пластикового, но очень натурального ужа или просто рогатку.

У ограды детского сада я затормозила и понаблюдала давно забытую сцену. Два кара-пауза выясняют отношения. Слов не слышно, но повод для разбирательства, конечно, важный. Например, вчера состоялся обмен фонарика на водный пистолет.

Сегодня первый хозяин фонарика хочет его обратно, потому что пистолет сломался. Конфликт! Словесные аргументы кончились, первый бьет второго. Драться по-настоящему он еще не умеет — наотмашь машет кулачком. Только бы воспитательница не подоспела, досмотреть хочется. Второму не больно, удар принимает толстая куртка на пуху, но после секундной паузы

он начинает громко плакать. Первый смотрит на него внимательно, набирает сколько можно воздуха в легкие и тоже начинает орать. К ним спешит воспитательница...

Умные детки! Оба все сделали правильно. Первый сообразил, что у внезапно нападающего есть преимущество и надо применять другое оружие.

Второй уже усвоил: кто громче орет, тот и обиженный, его не накажут.

Еду в метро и думаю о том, как странно (с сегодняшнего дня) я стала воспринимать детей. Старый опыт, точно старая закваска в опаре, потихоньку начинает процесс ферментации: набухания и разрастания теста. Во мне набухает сознание того, что я могу воспитать очень достойного человечка или двух, считая внука. У меня есть опыт, есть терпение, отсутствуют эгоистические интересы по устройству карьеры и личной женской судьбы, я готова отдать детям остаток жизни. Готова физически и морально.

«Твой опыт ничего не стоит, – возражает внутренний голос-скептик. – Если бы родители накапливали позитивный опыт в воспитании детей, то в многодетных семьях последыши становились бы гениями или святыми пророками. Насчет моральной и физической готовности к подвигу – напыщенная фраза. Нас, женщин, сладким не корми – дай пафосу!»

– Выходите на следующей? – Меня толкают в плечо.

– А какая следующая? – спрашиваю я, уподобляясь своей рассеянной невестке.

До работы еще пять минут пешком. Трачу их опять-таки на размышления о детях. Мне вообще не хочется ни о чем и ни о ком думать, кроме детей.

Маленький ребенок – это вселенная, облако, в центре которого ты врачаешься. С годами вселенная-облако уменьшается и концентрируется, превращаясь в яркую самостоятельную звезду. Мой Лешка – это уже звезда. Потери облака или звезды страшны. У меня есть знакомые, которые потеряли маленьких детей, и другие, потерявшие больших. В первом случае была нелепость, во втором – война в Чечне. Смерть маленького ребенка – как потеря кислорода в воздухе. Гибель взрослого сына – как перечеркивание твоей жизни, отказ в бессмертии. И то и другое невыносимо больно, но переживаемо. Будь наоборот, было бы легче...

Почему я о смерти? Ведь я рожать настроилась?

Потому что мне уже за него страшно! Вдруг под машину попадет? Возьмет от Лики способность отключаться и зашагает на красный свет...

Минуточку! Ликиных генов во мне нет и быть не может. Есть наследственность совершенно другого человека. О! Как я гоню мысли о нем! А они лезут и лезут, как белые корешки из лука-порея.

Живучие, подлецы! Я их оборву, а они опять лезут.

Против личности отца ребенка в качестве генофонда я ничего не имею. Против свиданий с ним – имею, но не могу противиться. Бегу по свистку, то есть по звонку. И с ужасом представляю ситуацию, когда я – женщина, которой через два года пятьдесят стукнет, – говорю мужчине, на шесть лет меня моложе, что беременна. «Извини, милый! Но, несмотря на свой преклонный возраст, я залетела!»

Кошмар! Хуже, чем ночной бред с детородным конвейером!

* * *

Я работаю в государственной корпорации, которую называют естественной монополией. Мы добываем, перерабатываем и продаем нефть. Лично я ничего не добываю и не продаю, тружусь в управлении кадров. Перекладываю бумажки из одной бумажной папки в другую, из одного компьютерного файла в другой.

Меня можно назвать человеком без специальности или профессии. Высшее образование, конечно, имеется, окончила химический факультет МГУ.

Преподавала в школе и в ПТУ. Школа была с сильным уклоном в гуманитарные науки, поэтому химия остальными учителями, родителями и учениками воспринималась как чужеродное наслаждение, вроде бородавки. Кому нужны бородавки?

В кулинарном ПТУ я читала курс по организации общественного питания. Спрашивается: что я понимаю в общественном питании? Во-первых, есть учебники, а я человек быстро и хорошо обучаемый. Во-вторых, преподавать то, что никому не нужно, труда не составляет.

В моей трудовой книжке значится районный отдел образования, где я трудилась методистом, парикмахерская, где была администратором, контора по озеленению – там я называлась специалистом по новым технологиям. В фирму, производящую газированные напитки (в подвале), я трудовую книжку не сдавала, вовремя унесла ноги.

Цех вскорости разгромили не то конкуренты, не то бандиты, не то милиция.

Прыгая с места на место, я руководствовалась двумя критериями – зарплатой и географией. Пока Лешка был маленьким, близость к дому имела решающее значение. До последнего времени зарплаты хронически не хватало. А когда десять лет назад наступили последние времена, и я выписывала липовые накладные на липовые газированные напитки, и в семье был полный швах, единственным моим желанием было добровольно сдаться в психиатрическую клинику, попроситься на койко-место.

На помощь пришла подруга Люба, мой добрый ангел. Она купила мне с Лешкой квартиру и заставила своего мужа Антона устроить меня на работу в нефтяную корпорацию. Там я и тружусь поныне, довольная окладом и регулярными премиями.

Ответ на вопрос, почему я не приобрела нормальную специальность, не делала карьеру на последнем месте работы, прост и сложен. Прост для миллионов женщин, которые спросят в свою очередь: зачем мне это нужно, когда мне было думать о карьере? Сложен, потому что надо рассказать всю свою жизнь. Если коротко: в нашей семье (муж, Лешка и я) упор делался не на служебный рост, а на самосовершенствование. Муж по этой тропе двигался семимильными шагами, я брела за ним.

Выбиться из преподавателей в завучи или заместители директора ПТУ – какая проза по сравнению с тремястами двадцатью новыми прочитанными книжками! Наши интересы, моральные приоритеты, победы и свершения лежали вне производственных коллективов. Вот только кушать хотелось!

Поэтому я работала где попало, а муж почти не утруждался, не опускался до прозы бытия.

* * *

Поздоровавшись с коллегами, прохожу в дальний угол комнаты, где находится мой стол. Место стратегически выгодное. Компьютер повернут так, что никому не видно изображение на мониторе.

Если кто-то приближается, я всегда успеваю переключиться на рабочую программу, закрыть книжку, которую скачала дома из Интернета и читаю.

Со стороны посмотреть – я вечно уткнута взором в экран. Нужно иметь ноль целых пятьдесят пяди во лбу, чтобы выполнять мои обязанности восемь рабочих часов. Двух часов вполне хватает.

А если книга интересная, то работа не волк, до завтра не убежит.

Сослуживцы ко мне относятся хорошо. Во-первых, усвоили, что я не рвусь в карьерные выси. Во-вторых, не поддаюсь на провокации, интриги и не вступаю в группировки. В-третьих, можно поплакаться мне в жилетку с гарантией, что дальнее информация не уйдет. В-четвертых, меня охраняет имя Антона Хмельнова – полуолигарха-получиновника. С Любимым мужем я на короткой ноге, мы знакомы со студенчества, хотя сейчас видимся нечасто.

Вокруг, конечно, бушуют страсти, текут подводные течения, плетутся козни, выстраиваются ходы-выходы – все десять лет, что я работаю. То нас из управления делают департаментом, то сокращают, то укрупняют, то вакансии открываются по случаю повышения начальства, то варягов присылают, то просто народ заскучет и начнет кого-нибудь со свету сживать.

Сама себе напоминаю центр торнадо. В центре вихревой воронки – зона покоя, в которой я отсиживаюсь и наблюдаю, как одного подхватывает и уносит прочь, другого волочит по земле, и кости все его перебиты. Нет, тут я, пожалуй, на себя наговариваю. Когда я вижу, что отчаянно несправедливо сжирают человека, то подаю голос. На каком-нибудь общем собрании беру слово и поясняю, как все это выглядит с точки зрения элементарных норм порядочности и человеколюбия.

Поэтому меня называют «наш нравственный камертон» или «священная корова с правом решающего голоса». Но своим коровьим правом я пользуюсь нечасто. Как правило, все овцы на заклание есть волки в овечьей шкуре.

Сегодня мне не читается и уж тем более не работает. Выслушала свою коллегу, Олю Маленькую. Она подошла как бы по делу, с бумажкой, и жалуется на Олю Большую. Еще неделю назад две Оли были неразлейвода, несмотря на разницу в возрасте – тридцать и пятьдесят шесть. Нынче светит сокращение, Олю Большую, как пенсионерку, могут турнуть в первую очередь. Она ведет работу, чтобы уволили Олю Маленькую за профессиональную непригодность.

Через час подходит Оля Большая. В ее изложении картина выглядит диаметрально противоположной.

Мол, столько сделала для этой особы, а она неблагодарная, за неблагодарность надо наказывать.

А мне хочется поговорить с ними просто по-бабы, о своем. Это была бы сенсация! У Оли Маленькой глаза бы полезли из орбит.

– Да вы что, Кира Анатольевна! Вы беременная, честно? Я думала, вы давно не… то есть, конечно, – запутается Оля.

– Предохраняться надо! – авторитетно заявит Оля Большая, которая уж точно «давно не…».

– Девочки! Что же мне делать? Срок большой!

– Избавляться! – скажут они хором.

– Даже я на второго не отважилась, – попеняет Оля Маленькая.

– Какие дети, когда бабушкой скоро будешь? – задаст разумный риторический вопрос Оля Большая.

У обеих во взоре я прочту нетерпение – включить сарафанное радио, идти дальше рассказывать потрясающую новость. И зашушукается народ, забросает меня косыми взглядами. Покатится волна, дойдет до Антона. Информатора он, конечно, обматерит, а потом меня призовет. Антон хороший мужик, только очень богатый и замордованный десятилетиями ответственной работы.

– Не твое собачье дело! – скажу ему я.

– Ты мне четко отвечай! Есть факт или нет факта налицо?

– Он не на лицо, он в животе.

– Ты сдурела на старости лет?

– Тебя, благодетеля, не спросила, с кем мне спать и от кого рожать!

– Кира! – будет орать он мне в спину, потому что я развернусь и уйду. – Кира! Если что-то надо, передай моему секретарю!

Мечты, мечты! Никому я не признаюсь, сплетники могут отдохнуть. Через несколько месяцев у меня вырастет живот, но никто не заподозрит, по какой причине. В моем возрасте женщины легко полнеют. Я буду говорить: «Климакс, на гормонах сижу, от них вес прибавля-

ется». А потом уйду в декретный отпуск, и все выпадут в осадок. Но этой трогательной картины я не увижу. Господи, помилуй! Не дай лицезреть сослуживцев в осадке! Иначе от стыда рожу раньше времени!

Родня

Ирина Васильевна, мать Лики, как водится, жарила-парила, целый день у плиты простояла. Стол ломится от разносолов, а на усталую именинницу без слез не взглянешь.

Пуховый платок, повезло, я купила в переходе метро. Могла бы поехать в дорогой магазин народных промыслов и там за другие деньги приобрела бы то же самое. Экономию компенсировала роскошным букетом в кружевной многослойной обертке. Ирина Васильевна не знала, куда пристроить вызывающее помпезный букет, поставила в большую хрустальную вазу, переселив из нее подаренные мужем гвоздики. Обертку мещанскую не сняла, и букет смотрелся как отдельный гость в маскарадном костюме.

Лика и Лешка подарили Ирине Васильевне книгу «Ландшафтный дизайн на шести сотках», а потом, призвав всех к молчанию, вкатили в комнату главный подарок – велосипед. Молчание затянулось.

Я кашляла, чтобы не смеяться, – представила, как непросто будет упитанной Ирине Васильевне удерживать в равновесии центр тяжести на маленьком сиденье.

– Полезная вещь! – пришел в себя Митрофан Порфириевич.

– Спасибо, я давно такой хотела, – вежливо и неискренне проговорила Ирина Васильевна.

Когда рассаживались за стол, я тихо спросила Лешку:

– Велосипед – твоя идея?

– Ага! На даче нет велосипеда – это же глупость!

– Циолковский! – обругала я сына.

– Кто-кто? – не понял Лешка.

– Циолковский токарный станок на свадьбу жене подарил, ему станок нужен был для опытов.

– Берем пример со старших гениев. – Лешка раскаяния не испытывает и скромностью не отличается.

Тонкие материи, вроде взаимоотношений с новой родней, он во внимание не принимает. Я к вам хорошо отношусь? Хорошо! В случае нужды кровь свою отдам? Отдам! Чего еще нужно?

Ирине Васильевне и Митрофанду Порфириевичу нужно, чтоб все было как у людей. Чтобы мы приезжали каждый выходной на дачу, ели свое варенье и свои огурцы, обсуждали проблемы всходов помидоров и заморозков в период цветения вишни. Чтобы копались в огороде и окучивали картошку. Шесть соток могут занять столько рабочей силы, сколько этой силы имеется. Конечно, Ирина Васильевна и Митрофан Порфириевич от помощи отказываются – на словах. На деле им было бы по меньшей мере странно, если бы мы прохлаждались в тенечке, когда они корячатся.

Мне же мило в шезлонге с книгой посидеть.

Лешке – погонять мяч, пожарить шашлыки, врубить музыку на полную громкость. А петрушку-зеленушку мы на рынке купим.

И получается: нас тянут в нормальную жизнь родни, а мы сопротивляемся. Я противлюсь замаскированно и идеологически. Лешка – не задумываясь и природно. Его природа состоит из науки, спорта и узкого круга личностей: Лики, меня, отца, друзей – тех, с кем ему интересно. Заставить его общаться с неинтересными людьми практически невозможно. Лешка признает обязанности, но отрицает повинности.

Ирина Васильевна и Митрофан Порфириевич – очень милые, хорошие люди. Я бы даже сказала, интеллигентные люди с неинтеллигентными профессиями. Она – кладовщица, он – слесарь. Работают на заводе… «Серп и молот»? «Молот и серп»? «Красный богатырь»? «Богатырь в красном»? Не помню.

За столом, кроме хозяев и нас, присутствуют две соседки-подружки Ирины Васильевны и сестра Митрофана Порфириевича с мужем. Звучат тосты за здоровье именинницы, споро поедаются салаты, студни – народ с работы, голодный.

Поднимается с фужером Лешка. Сейчас брякнет что-нибудь не в дуду. Так и есть.

– Всем известно, как много придумано анекдотов про тещу. Теща – любимый фольклорный персонаж. «Почему?» – спросим мы.

«Ответь себе на досуге», – хочется сказать мне.

Ирина Васильевна улыбается натужно и слегка испуганно. Митрофан Порфириевич хмурится. Лика замерла от дурных предчувствий.

– Потому что, – как ни в чем не бывало продолжает Лешка, – народ любит своих тещ! Смеется над ними, потому что любит! – повторяет он, замечая на лицах присутствующих непонимание.

«Ох, сыночек! – думаю я. – Будет тебе смех! Сквозь слезы!»

– Так какой анекдот? Расскажи! – перебивает муж сестры.

– Например… – с ходу соглашается Лешка, большой знаток фольклора.

Я изо всех сил лягаю его под столом ногой.

– Э-э-э! – запинается Лешка. – Примеры в данном случае не существенны. Множество проведенных ранее экспериментов доказывают верность моей теории. Давайте выпьем за мою тещу, она же, не побоимся этого слова, мать моей любимой жены!

Все сдвигают фужеры.

Ирине Васильевне после сегодняшнего вечера западет в голову мысль, что единственный зятек рассказывает про нее анекдоты и проводит эксперименты. Эта глупость со временем обрастет массой деталей, подтверждающих неблагонадежность Лешки. Так рождается неприязнь и семейные драмы. Втолковать это Лешке невозможно. Он слишком умный, чтобы понимать простые вещи.

На горячее подается запеченная рыба, мясо в горшочках и рассыпчатый вареный картофель. Все выглядит очень аппетитно, но гости, как говорится, подорвались на ерунде – на закусках и без энтузиазма ковыряются в тарелках. А впереди еще десерт – торт домашнего изготовления, щедрый на жиры и холестерин.

Лешка насытился, заскучал, хочет домой. Обращается ко мне:

– Ты еще побудешь? Мы поехали.

Лика слышит его вопрос и постановление. Не отрывая взгляда от тарелки, тихо произносит:

– Я не поеду. Нужно помочь маме убрать после гостей. Вы поезжайте, я дома заночую.

– Твой дом в другом месте! – злится Лешка.

– Тише! – пинаю его локтем. – Всякое растение, даже самое мощное, произрастает из семечка, мелкого и подчас глазу незаметного. Чтобы не росло, нужно не сажать.

– Ты тоже ударила в сельскохозяйственные забавы? – хмыкает сын.

– Я имела в виду семена раздора.

– Мура! – отмахивается Лешка. – Ну что? Ударим по мясу? Тебе положить?

– Имей терпение в очереди, – говорю я, вяло жуя, пытаюсь зайти с другого конца.

– Маман! Ты сегодня весь вечер притчи толкаешь. Коэлько начиталась?

– Представь, что ты в очереди, – продолжаю я. – В очереди к врачу, к академику, которому ты принес свою статью, за театральными билетами, за колбасой, за пивом, наконец. Мы

большой кусок жизни проводим в очередях. И хотя это время тратится впустую, без него не получить желаемого.

– Ладно! Я не отъезжаю! – Лешка рассмеялся.

Юмор заключается в каламбуре. На их молодежном, сленге «отъехать» – значит прийти в восторг, получить удовольствие. (Купил классный диск. Послушал – отъехал.) Этот глагол также синоним выражению «напиться пьяным». (Слабак! Стакан принял и отъехал.) И третье значение – умереть, преставиться. (Мой дедушка давно отъехал.) Вот Лешка и смеется довольно – употребил слово в четырех значениях, и все подходят.

Мы давно и неделикатно шушукаемся втроем.

Поворачиваюсь к соседке справа, она же соседка по лестничной клетке Ирины Васильевны.

– В ее-то годы и рожать! – говорит соседка. – У самой внук уже в первый класс пошел.

Тема меня живо заинтересовала.

– Женщина в возрасте родила? – уточняю.

– Да, пятьдесят три года, завсекцией трикотажа в нашем магазине.

– Хватит тебе о всякой грязи говорить! – одергивает соседку Ирина Васильевна и брезгливо морщится.

Но меня тот факт, что не одна я дура на свете, очень греет. И есть много вопросов:

– Как она беременность перенесла? Ребенок родился здоровеньkim?

– Пока маленький, ведь не разглядишь. Маленькие все здоровенькие, а вырастет безответственщина, по кривой дорожке пойдет.

– Мужа нет, – киваю я.

Соседка удивляется моей непонятливости:

– Я же говорю, парализовало его от инфаркта.

– От инсульта, – поправляю механически, – парализует после инсульта.

– Один черт! Вот и сидит она, слезами умывается, ребенка грудью кормит. А на кровати муж лежит пластом, мычит и под себя ходит. А дочка не ходит, не помогает. Пока мать в силе и при деньгах была, так нужна, а теперь – сама кувыркайся со своим выродком.

– Ребенок от другого мужчины? – Мне интересны все детали.

– Врать не буду, не знаю. Только она про своего мужа говорила, что у него давно конец в начало превратился.

– Какой конец? – удивляется Ирина Васильевна.

Во мне умер просветитель. Недерживаюсь от объяснений, даже когда они лишние.

– Конец – это мужской половой орган. Например, о контактах гомосексуалистов говорят: свести концы с концами.

Несколько секунд женщины смотрят на меня молча, переваривая информацию.

– Нет, – качает головой соседка. – Они не гомосексуалисты, просто несчастные люди.

– Как будто гомосексуалисты счастливые, – вставляет вторая соседка.

Разговор уходит в сторону, и я вопросом возвращаю его на старые рельсы:

– Тяжело у завтрикотажем протекала беременность?

Соседка не успевает ответить, именинница Ирина Васильевна рубит тему на корню:

– Хватит нам о всяких гадостях говорить! Тыфу! Противно слушать! Сладкое подавать?

Разговор как разговор, нормальный, женский.

Сплетни как сплетни. А Ирина Васильевна у нас моралистка. Моралите и консоме – назидательный аллегорический спектакль и бульон. Моя подруга Люба однажды в ресторане заказала официанту моралите вместо консоме. Официант мгновенно нашелся: «Кончилось! Из меню есть только то, что галочкой отмечено». На моралите много охотников.

Легко представить брезгливый ужас и отвращение на лице Ирины Васильевны, когда она узнает о моем грехопадении. О том, что я повторяю путь завсекцией трикотажа... Девушка в

подоле принесет – на нее косятся, а если у бабушки в подоле что-то барахтается – так это ни в какие ворота. Фу, мерзость!

Осуждать и клеймить то, к чему неспособен по старческой немоющи или по темпераменту, проще простого. Многие этому предаются с вдохновенным азартом. А куда еще азарт девать?

Уж на что наш светоч, Лев Николаевич Толстой! В молодости-то ненасытен был. А в страсти, прогуливаясь с Чеховым и Горьким, выспрашивал у них подробности интимных отношений с женщинами, чем вызывал понятное смущение.

Себя молодого Толстого называл гулякой, используя «грубое мужицкое слово», как вспоминал Чехов. Толстой ополчился на его «Даму с собачкой», называл ее развратной книгой, поощряющей блуд.

Вот Чехов и припомнил тот разговор. А Лев Николаевич главной своей книгой считал «Путь жизни». Большинство людей о ней и не слышали, что неудивительно – это евангелие от толстовцев страшно нудное. В нем есть глава, посвященная интимным отношениям мужчины и женщины. На полном серьезе и на нескольких страницах Толстой утверждает, что совокупление без цели зачатия ребенка есть страшный грех. Послушал бы он эти проповеди в молодости!

Впрочем, Ирина Васильевна, скорее всего, не лишина плотских радостей. Ее Митрофан-то герой! Однажды мы были у них на даче, и Митрофан Порфириевич здорово перепил, назюзюкался до остекленения. В этом состоянии у мужиков в мозгу остается одна короткая и емкая фраза: «Бабу бы! Чужую!» Митрофан Порфириевич, глядя хрустальными глазами прямо вперед, подлез рукой под стол, захватил мою коленку и сжал. Я повернулась к нему и сказала тихо и точно в ухо:

– По морде захотел?

Других, более куртуазных, отказов он бы не понял. Руку испуганно убрал. Наутро выглядел пристыженно испуганным. Видно, помнил, что домогался, получил отлуп. Но детали стерлись. А детали в этом деле играют главную роль. Я держалась гордо-холодно, хотя внутренне посмеивалась. Митрофан был вынужден подловить меня в укромном уголке и извиниться:

– Простите за вчерашнее!

Ответила как чопорная гранд-дама:

– Ваши извинения принимаются. Но на будущее...

– Никогда! – воскликнул Митрофан Порфириевич.

С тех пор он держится от меня подальше и настороженно. Будто я храню на него компромат и могу в любой момент предъявить свету, то есть семье. Дурачок! Хорошо бы я выглядела, заяви Ирине Васильевне: «А ваш муж полгода назад меня за коленку щупал!»

Как отреагирует Митрофан Порфириевич на известие о моем интересном положении? «Вот шлюха! – воскликнет он. – А строила из себя честную!» Ирина Васильевна согласно кивнет и вспомнит еще одно определение для таких, как я, – женщина легкого поведения. С полным основанием я могла бы возразить: «Мое поведение столь долго было серьезным, что порцию легкости я давно заслужила».

Хочешь не хочешь, а с мнением новой родни приходится считаться, Лешка им не чужой. Мало того что зятек с гонором попался, так и матушка у него гуляющая. Ведь известно, что с мужем я не живу десять лет, значит, ребенка нагуляла.

Кстати, с Сергеем мы не разведены. Следовательно, юридически он будет считаться отцом ребенка. Надо при случае Сережу порадовать.

* * *

Домой мы ехали на такси. Лика и Лешка все еще дулись друг на друга. Когда вошли в квартиру, Лешка заявил:

– Отрубаюсь! После обильной еды и флейма (пустых разговоров) я способен только читать великого письменника Храповицкого (спать).

Переодевшись, я пошла в ванную и услышала всхлипы на кухне. Лика сидела в моем кресле и плакала, уткнувшись в кухонное полотенце.

– Ой! – шмыгнула она носом. – Ваше место заняла.

– Сиди! – позволила я и присела на табурет.

– Понимаете, – быстро заговорила невестка, – мои родители простые люди. Но они непростые!

– Ясно дело. А мы сложные, но несложные.

– Да! Мама с папой очень добрые. Они меня очень любят и... – запнулась, – и Лешку, и вас... очень.

– Лика! У тебя прекрасные родители! Тебе с ними повезло, да и нам тоже. Если ты видишь какие-то проблемы, причина не в Ирине Васильевне и твоем отце, а в нас. Мы кажемся снобами, хотя, тешу себя надеждой, таковыми не являемся. Просто нужно время привыкнуть друг к другу.

«Со временем я преподнесу такой подарочек, что вам будет легко слиться на почве презрения ко мне».

– Кира Анатольевна! Я вам тайну выдам! У ПАПЫ БЫЛА ЖЕНЩИНА!

– Одна? – невольно вырвалось у меня.

– Это не мама! – пояснила Лика. – Это совершенно другая женщина, тоже кладовщица. «Любопытная специализация», – подумала я, но вслух ничего не сказала.

– Она, та женщина, на заводском складе работает, а мама в цеховом, – уточнила Лика. Рассказывая, забыла о слезах. – У папы, это ужасно, конечно, был роман, в результате которого родился мальчик. Никто не знал, то есть не знали, от кого ребенок. Папа дополнительную работу взял и тайно помогал им. А когда мальчику исполнилось пять лет, все открылось. Ту женщину в больницу положили, некому было с Дениской сидеть. Моего братишку Денисом зовут. Подруга той кладовщицы не могла Дениску взять, потому что он краснухой заболел, а у нее свои дети. Вот папа все и сказал маме, и ушел на месяц к сыну. Что мама пережила! Как она страдала!

– Надо думать, бедная женщина!

– А потом папа пришел и говорит нам: согласен на любой ваш приговор, вы моя семья, я вас люблю больше жизни, мне, подлецу, нет прощения, но подлецом я быть не желаю, чтобы бросить одного больного мальца в пустой квартире.

Когда Лика волнуется, речь ее становится простонародной, совсем как у Ирины Васильевны.

– И каков был приговор?

– Мама сказала: «Живи, но чтобы ни полсловом, ни полвзглядом я о тех не слышала». Кира Анатольевна! – заговорщики зашептала Лика. – Мама их кровати в спальню раздвинула и тумбочку в середину поставила. Понимаете?

– Догадываюсь. Епитимья отлучением от тела. Долго продержались?

– Три года!

Я не уловила, говорит Лика с гордостью или с печалью.

– Сколько же сейчас Денису лет?

– Двенадцать. Вы никому не говорите, но я с ним вижусь. Папе ведь нельзя, а он мне все-таки братишко, в смысле Дениска. Смешной, хулиганит, но учится хорошо. Кира Анатольевна, можно мне Дениску сюда привести? Я хочу с ним математикой заняться, чтобы он перевелся в математическую гимназию.

– Конечно, приводи. Я питая особую нежность к внебрачным детям. Лешка знает о твоем брате?

«Не проговорился мне, секретчик!» – подумала я с досадой.

– Что вы! Никто ничего не знает! Мама не знает, что папа материально помогает. Папа не знает, что мама через своих приятельниц на заводе передает Денису одежду и другие вещи, она ведь думает, будто они бедствуют. Папа и мама не знают, что я с братом общаюсь. Только тетя Люда, мать Дениса, в курсе, но она не болтливая.

– Тайны мадридского двора!

– Да! Вот я и говорю, кажется, простые незамысловатые люди, а на самом деле у них шекспировские страсти бушуют. У вас наоборот: все очень умные, но никто не прячется, говорят, что на языке, живут не оглядываясь. Я не знаю, что лучше.

Вдруг Лика округлила глаза и схватилась за живот:

– Он шевелится!

– Это пульсирует брюшная артерия.

– Нет, точно он, так раньше не было.

– Вот и отлично!

Я тоже схватилась за живот, в котором ощутила толчки. Дядя с племянником азбукой Морзе переговариваются?

Лицо у Лики стало отрешенным – впала в очередной ступор. Пусть немного помедитирует, пока я Лешку в чувство приведу.

Пришла в их комнату и рывком сдернула с Лешки одеяло.

– Дрыхнешь, бессовестный! У тебя там ребенок шевелится, а ты хранишь!

– Где? Что? – вскочил Лешка. – Кто шевелится?

– Твой ребенок! И запомни! – Я схватила ремень и принялась его стегать. – Никогда! Никогда! Никогда не ложись спать, не помиравшись с женой!

Лешка помчался на кухню.

Кто сказал, что у нас мудреная семья? Куда уж проще – беременная мама наказывает ремнем великовозрастного сына.

Последний, точнее, предпоследний, раз я с полотенцем гонялась за Лешкой по квартире, когда он учился в седьмом классе. Перед приходом какой-то комиссии в школу он с приятелем поменял местами таблички «Туалет» и «Директор».

Подруга 1

Прошел месяц. Два внутриутробных создания подросли: у меня появился небольшой животик, у Лики – порядочный. Мы уж думали, не ждать ли близнецов. Сделали Лике ультразвук, все нормально, один мальчик. Я запаниковала: нет ли у меня маловодия, почему живот не крупнеет, и тоже ультразвук сделала, тайно. Все в норме, девочка.

У меня будет доченька! Хорошенькая, во младенчестве кудрявенькая, буду покупать ей платья с оборочками, заплывать косички и отдам в музыкальную школу по классу фортепиано. А если даун родится? Даун-девочка все-таки лучше, чем даун-мальчик!

Лика стоит на учете в женской консультации, как и все прочие беременные, каждые две недели ходит к врачу. Ее там осматривают, измеряют, взвешивают, дают направления на анализы. Мы следим, чтобы Лика не пропустила очередной визит к доктору. Я же ни на какие учеты не становилась, хотя нахожусь в группе риска, ведь я даже не просто позднородящая, а сверхпоздно. К врачу не иду по той же причине, по какой никому не открываюсь, – мне стыдно. И еще не хочется выслушивать предложений по умерщвлению плода. Это не плод, это мой ребенок.

Но теоретически я слежу за здоровьем, и жаловаться на него грех. Даже давление, без кофе и сигарет, пришло в норму, гемоглобин отличный (у Лики пониженный, мы ее пичкаем зеленью и гранатом). Я регулярно шарю по Интернету, в нем полно сайтов про беременность,

с вопросами и ответами, а также чатов, где беременные молодые женщины обмениваются информацией. Лика пишет в эти чаты, я только инкогнито читаю. Мой интерес не вызывает подозрений – как бы для невестки стараюсь.

В последнее время стала часто вспоминать маму.

Скучаю без нее пронзительно. Будь она жива, взяла бы на себя большую часть моих сомнений, обид и страхов. Бабушкам на сносях тоже нужны мамы!

* * *

Мама умерла, когда я училась на втором курсе университета. У нее была прободная язва, желудок разорвало на части. Я пришла домой, она лежит на диване, скрючившись в болевом шоке, коленки у подбородка. На носилках в «скорую» так и несли, как воробушек, свернутую. До больницы живую не довезли. Умерла, с трудом выпрямили. Когда я училась на пятом курсе, умер папа, от инфаркта.

Прошло больше двадцати лет, а я не могу смириться с их потерей. Могу только задвинуть мысли о них в дальний темный угол сознания и не трогать.

Даже Лешке про бабушку с дедушкой мало рассказывала. Только вкратце: она была учителем, он инженером, они были прекрасными людьми.

За столько лет у меня не появилось светлой печали в памяти о родителях. Начну о них думать – горло обручем стягивает. Я никогда не прощу их безвременного ухода! Не знаю кому, но – не прошу!

Отец моего ребенка три недели не кажется – в командировке, дважды звонил. Когда любят, звонят пять раз на день...

Моя тайна перезрела, отчаянно хочется с кем-нибудь ею поделиться. У меня столько мыслей, новых чувств, ощущений – распирает. Постоянно веду внутренние монологи сама с собой, рассказываю себе о себе. Иногда мне кажется, что эти знания и чувства бесценны и должны войти в копилку человеческой мудрости, научной и поэтической, иногда – что они интересны только мне.

Выбора, кому первому открыться, по большому счету нет. Конечно, подруге Любке! Несколько слов о ней...

Я не сумею связно рассказать о Любке. Отделаться общими фразами, что, мол, она уникальный, неповторимый человек, – значит ничего не сказать. Она как торт, большой и в розочках. С какого места его кушать? Послойно анализировать?

Технологию печения отразить?

Можно начать сначала, с нашего знакомства.

Только я все равно сбьюсь на параллельные сюжеты, стройного повествования не выйдет.

* * *

Весна, первые теплые майские дни, я учусь на первом курсе. Иду по Тверскому бульвару в сторону кинотеатра повторного фильма. Там ждет подруга. Мне преграждает дорогу невысокая девушка с круглым потным лицом. Такое впечатление, что она нарядилась на свидание, прическу сделала, лаком покрыла, а потом давала круги по беговой дорожке стадиона. Впрочем, так и было.

– Стой! Ты местная?

– Нет, – сурово отвечаю. – Я живу в Кузьминках.

– Но в принципе москвичка?

– В принципе.

– Где памятник Тимирязеву?

– Наверное, в Тимирязевской академии, – усмехаюсь.

– Там я уже была, мимо. Он сказал: на бульваре. Перечисли московские бульвары!

– Страстной, Тверской, Гоголевский… Послушайте, что вам от меня надо?

– Мне нужен памятник Тимирязеву.

– У меня его нет.

– Москвичи, задери вас леший! – Она вытирает ладошкой пот со лба, задевает глаза, тушь и тени тянутся грязной полосой по щеке. – Ты пятая! Никто не знает, где стоит Тимирязев! Для чего его тогда поставили?

– Вы тушь размазали.

Она достает платок, сует мне в руки:

– На! Вытри! – подставляет лицо.

«Эти приезжие, – думаю я, – такие бесцеремонные, никакой культуры!» Но покорно привожу ее лицо в порядок. Попутно удостаиваюсь комплимента:

– Ты красивая. Мне три часа девчонки рожу малевали, а на тебя не нарисуешься.

Она говорит без доли зависти, точнее, с хорошей завистью, без упрека.

– Возьмите, – возвращаю платок. – Теперь все в порядке. Я могу идти?

– А Тимирязев?

– Извините, не знаю и тороплюсь.

– А как же я?

– Что – вы? – теряю терпение.

– Он мне сказал: на каком-то бульваре у памятника Тимирязеву, в шесть часов. Уже полседьмого! Такой парень! Мы три раза виделись, а потом я влюбилась с первого взгляда!

«Отличный стеб», – подумала я. Стебом мы называли шутку, розыгрыш, смешную ситуацию.

Уметь стебаться – значило уметь хохмить. Остроумный человек соответственно именовался стебком. И эту девушку я записала в стебки. Надо же придумать: виделись три раза, а потом влюбилась с первого взгляда!

Но это был не стеб. И о речи Любаши следует рассказать отдельно, связного повествования я не обещала. Начнем издалека, с известных людей современности. Бывший премьер-министр Черномырдин уж как ляпнет – сатирики от зависти съедают свои тупые перья. Чего стоит только фраза «хотели как лучше…». Далее… Президент Соединенных Штатов Америки Джордж Буш-младший. Его оговорки потянули на две книги. Даже термин появился – бушизмы, как синоним глупости. Кто-нибудь станет утверждать, что в премьер-министры России или в президенты США выбираются идиоты? Никто не станет! Так и Любания моя! Она не идиотка, просто у нее речь сумасшедшего.

И ведь все, что она несет, по смыслу понятно и по экспрессии точно. Поскорилась в деканате с секретаршей, которая потеряла ее зачетку, теперь головная боль все зачеты и результаты экзаменов восстанавливать. Люба так описывает свою реакцию: «Я упала в обморок от возмущения, развернулась и ушла!»

Со временем я превратилась в переводчика с Любочкиного на русский. Сходили в театр, в компании моих приятелей она делится:

– Смотрели с Кирой «Три сестры» во МХАТе. Я получила низменное удовольствие!

Народ притих, думает: что там у Чехова крамольного?

– Неземное, – перевожу я. – Люба получила неземное удовольствие.

Когда она употребляет иностранные слова, это вообще швах.

– Увидела дом на набережной – прямо дежустив у меня! Как будто я тут раньше была.

– Дежа вю, – поправляю я. – Дежустив – это десерт. – И начинаю сама смеяться, придумав:

– Встретились как-то Де Жавю и Де Жустив…

Мои попытки привить ей литературную речь кончились полным провалом.

– Люба! В замке поворачивается ключ!

– А я как сказала?

– «Повернула замок в двери».

– Подумаешь, ты же поняла.

– Люба! Так не говорят: он обманул мои иллюзии. Иллюзии – это уже обман.

– Значит, он дважды обманул!

– Люба! Как сказать по-русски «я улыбалась всем телом»?

– Так и сказать!

В добавление к изысканной речи Люба имеет неистребимый южнорусский акцент. Ее «хэкание» особенно заметно, когда звук «г» идет перед согласной. Мой муж Сергей обожал придумывать для нее каверзные предложения.

– Любания, скажи: «Глеб показал свою гренку».

Люба послушно произносит:

– Хлеб показал свою хренку.

Сергей специально выискивал фразы, нейтральные на русском и неприличные на украинском.

– Любания! Переведи: «Куда бумагу деть?»

* * *

Наверное, с той ее нелепой фразы про первую любовь и началась наша дружба. Отбросив столичный сnobизм, я с интересом смотрела на девушку.

– Я Люба, – представилась она. – А ты?

– Кира.

– Как Кира полностью?

– И полностью и кратко только Кира.

– Запомню. Как революционер, но без окончания.

– Какой революционер?

– Киров, не знаешь, что ли? Говорят, его Сталин от ревности зарезал в попытке самоубийства.

– Вообще-то Кирова убили в Ленинграде.

– Кто говорит, что в Москве? Я в станкостроительном учусь, а ты где?

– В МГУ, на химическом факультете.

– В самом МГУ?! Зашибись!

Ее восхищение мне польстило. Но Люба вспомнила, что она тут по делу:

– Слушай, что мы с тобой болтаем, когда у меня судьба рушится? Где Тимирязев? Это кто стоит?

Она показала на памятник у Никитских ворот, в конце Тверского бульвара, на углу с Герценом (ныне Большой Никитской). Я честно призналась, что не знаю. Кстати, потом мы любили экзаменовать москвичей: где памятник Тимирязеву? Или: кому памятник в конце Тверского? Восемь из десяти не знают.

А памятник большой, как уменьшенная копия снесенного Дзержинского. Его почему-то не замечают.

– Вот он, видишь? – затрепетала Люба, когда мы подходили.

– Со спины я не могу сказать, кому памятник.

– Да не памятник! Антон! Я сейчас описаюсь, он с цветами!

Молодой человек, внешность которого я бы описала как табуретка с ушами, действительно держал букет цветов. Трогательно: рука вытянута, словно капающее эскимо держит, тюльпаны поникли, согнулись, смотрят в землю.

– На! – Он протянул Любे «букет» и уставился на меня. – Сорок минут стою, зимой бы шары отморозил.

«Провинция, – подумала я. – Две провинции».

Но Антон мне понравился. Главным образом, потому, что я ему не понравилась. Он смотрел на меня не отрываясь и не видел! Он видел только Любу. Оттопыренными ушами, затылком, всем своим, как она скажет потом, «улыбающимся телом» – только ее! Чужая любовь, зарождающаяся и мощная, какую трудно описать словами из-за того, что она переливается северным сиянием, ни секунды не постоянна и в то же время очень прочна и надежна, – это как электрическое поле, в которое ты шагнул.

Да и вызывали в те годы у меня интерес только люди, которые не проявляли рьяного интереса ко мне. Я, наверное, не могла жить без воздыхателей, потому что они были всегда, но уже утомили. Как в песне:

*Ах, кавалеров мне вполне хватает,
Но нет любви хорошей у меня.*

Люба тараторила со скоростью телеграфного аппарата:

– Это Кира, моя подруга (уже подруга!). Отгадай, где учится. Не поверишь, в самом МГУ. Правда, красивая? Я как увидела, прямо присела – везет же некоторым! Но она простая, ты не думай. Кира, ты правда простая?

– Как валенок! – Я рассмеялась.

– Видал зубы? – восхитилась Люба. – Кира, покажи еще раз зубы, Голливуд отдыхает.

Ни до, ни после я не встречала женщину, способную при мужчине, в которого влюблена, хвалить другую. Причем восхищаться искренне, без бабьих штучек, без напрашивания на протест, мол, ты, а не эта красотка всех милее. Если Люба чему-то радуется, то без подтекста или мыслей о выгоде. Если ненавидит – то наотмашь. Можно сказать, ее натура примитивна. А можно – что она всех нас обогнала в эволюции души.

– До свидания! – попрощалась я. – Приятно было познакомиться.

Перешла бульвар, улицу Герцена, когда услышала «Кира!» и разбойничий свист. Они стояли у ТАСС, через дорогу от кинотеатра повторного фильма (давно закрытого), по шоссе непрерывно двигались машины. Антон, заложив пальцы в рот, пронзительно свистел.

– Стой! – орала Люба. – А телефон?

Машины остановились на светофоре, ребята перебежали через дорогу.

– Ты телефон свой не дала! – потребовала Люба. – Куда записать? Дай ручку!

Почему-то у нее не было сумочки. И она записала… на руке Антона. Получилось как татуировка, меня очень тронуло.

Люба позвонила через несколько дней:

– Записывай адрес общаги, с тебя бутылка красного, сегодня вечером.

– Чего красного? – не поняла я. – Вечер у меня занят.

– Вина красного или белого, чтоб не водки, водку пацаны купят, а я галушек наварганила. Как не можешь? Ой! А я уже всем про тебя рассказала! Ой, Кирка!

Отец выбирал мне имя гладкое и прочное, чтобы у него не было вариантов. Но ласковательных суффиксов родители обнаружили массу – Кирочка, Кирюшенка, Кирюлечка… А в школе за худобу и долговязость завистницы девчонки звали меня Киркой, как инструмент шахтера. Надо ли говорить, что вариант моего имени с уменьшительным суффиксом мне крайне не нравился? Но Любино «Кирка» прозвучало как обращение младшей сестры.

Если сравнивать нашу дружбу с сестринскими отношениями (Люба тоже одна у родителей), то роли постоянно менялись: то я оказывалась старшей, то она. Зависело от того, кто кого на плаву держит. Так было и у нас в семье: то папа главный, то мама главная. Наверное, это называется гармонией, которая есть равновесие.

Поехала я в общагу к Любке. Свадебным генералом или, точнее, слоном на ярмарке она меня водила по комнатам и знакомила с подружками.

Потом сидели за столом, пили водку и «красное».

Бравые юноши-станкостроители, только захмелев, осмелились и начали приставать. Люба кричала с другого конца стола:

– Антон! Чего там Петька к Кире клеится? Отлипни его! Нашелся кавалер! Для Киры!!!

Инициатором нашего общения была Люба. В ней непостижимым образом умещались две страстные любви одновременно – к Антону и ко мне.

В ответ я не могла не вводить их в свой круг. Каюсь, был с моей стороны элемент циркового представления: познакомьтесь, друзья, Люба и Антон, гости столицы, студенты передовых вузов.

Антон учился в Керосинке, институте нефти и газа. Это сейчас туда очереди длиннее, чем в театральный, а в семидесятые годы мало было охотников работать за полярным кругом в вечной мерзлоте. В Любин станкостроительный и в Керосинку поступали московские троичники и ребята из провинции. Лучшие ребята из провинции – они потом нам показали, кто сколько может и стоит.

Когда умерла мама, я не зафиксировала момент появления Любы рядом. Я получила страшный удар, падала навзничь. Люба меня подхватила и моего отца тоже. Ему было столько лет, сколько мне сейчас, а я помню его старицком с дребезжащим голосом и дрожащими руками. Он так и не оправился от потери.

Люба переехала к нам, стала нянькой, кухаркой и утешительницей. Утешала одной фразой. Повторила ее, наверное, миллион раз: «Люди умирают! Умирают, хоть ты их режь!» Она была поплавком, который тянул нас вверх, тренером, который тормошил спортсмена в нокауте, детсадовской воспитательницей, которая следит за режимом сна и приема пищи. В такой замечательной обстановке протекал их праздник любви с Антоном.

Вечерами он сидел на нашей кухне и переписывал конспекты работ Ленина, Маркса и Энгельса.

Хотя мы были технарями, каждый семестр включал общественную дисциплину: исторический материализм, марксистско-ленинскую философию, историю КПСС, критику буржуазных теорий. На экзамен нужно было приносить по десятку конспектов работ классиков. Никто этих работ не читал, списывали друг у друга, не вдумываясь, что там Ленин не поделил с Каутским.

Если меня спросить, чем наше поколение отличается от поколения наших детей, то я вспомню это тупое переписывание абракадабры. Мы воспитаны на бесполезной работе. Мы прокладывали себе путь, не спрашивая, кто вешки установил. Мы терпеливы в глупости и закалены в мартышкином труде. Мы выносливы, как бедуинские верблюды в пустыне. А наши умные дети, знающие в совершенстве языки, подключенные кровеносной системой к компьютерам, хотят все и сразу, с вечера на утро. Они спрашивают «зачем?» в тех ситуациях, когда мы не задавали вопросов, потому что слышали «надо!». Они думают, будто далеко шагнули вперед в сравнении с нами. Шагнули. Только без панциря. Он у них не вырос, а у нас броня ого-го!

На свадьбу Любы и Антона приехали их родные, ее – из Херсона, его – из Брянска. Жили у нас, спали на полу. В туалет стояла очередь, на плите постоянно что-то кипело, по квартире на веревках висело мокрое белье, балкон был завален мешками с картошкой и луком, банками с консервами, холодильник забит рыбой и домашней колбасой.

Вечерами на кухне сваты, как называли себя родители Любы и Антона, хорошенко выпивали – сдруживалась родня – и пели протяжные песни, украинские и русские. Соседи от возмущения колотили по батарее. Сваты думали, что у москвичей принято перестукиваться в двенадцать ночи, и вежливо стучали по радиаторам в ответ.

Этот цыганский табор вернулся в наш дом жизнь.

Бытовые неудобства – мелочь по сравнению с жизнелюбием, которое заполнило нашу квартиру до потолка. Нас с отцом сразу приняли в родственный круг. Меня до сих пор называют Наша-Кирау-Москве. Отца чуть не женили. Он робел перед женщинами с пышным телом и мощным южным темпераментом. Но какую-то маленькую, несожженную, часть его души они радовали.

– Ото у нас есть одна вдовица, – сватали папу, – як и вы, Анатолию Петрович. Женщина чистоплотная, курей разводит, шоб яйца на продажу. Свой дом, участок, садик, виноградник имеются. Опять-таки от мужа остался мотор для лодки. А лодки нет, схнила, вратъ не буду.

– Э-э-э, мэ-мэ-мэ, – мялся отец. – Я, право, вам благодарен за участие...

– Та какое участие? Я ж не себя! Ховорю – вдовица с курями.

Только папа отбьется от одной кандидатки, на следующий день ему другую подсовывают, уже из Брянской области:

– Учительница младших классов, лет сорок, замужем не была, но не больная, так жизнь повернулась. Жилищные условия – в отдельной квартире.

– Спасибо, – юлит папа, – но этот разговор несколько преждевременен.

– Никто не торопит. Значит, она вам напишет или вы ей? А лучшее – пусть приедет, тут и познакомитесь.

– Нет! – испуганно вскрикивает папа. – Не надо приезжать! Я напишу... сам.

И осталось у нас несколько адресов, по которым, наверное, ждали и не дождались женщины весточки от жениха из столицы. Папа ни разу не съездил ни в Брянскую область, ни в Херсонскую.

Опасался активных свах да и плохо себя чувствовал.

Мы с Сергеем любили отдыхать у Любиной и Антона родни. Какие грибы под Брянщиной! Какая рыба, арбузы, виноград и персики на Херсонщине!

Помню, первый раз приехали с мужем на Украину. Там все говорят полу вопросительными предложениями, приставляя в конце «чи шо?». Дождь пойдет, чи шо? Надо кавунов (арбузов) купить, чи шо?

– Ничего не понимаю, – признался мне Сергей. – Какой-то артикль чишио.

– Или что, – перевела я. – Чи шо – значит «или что». Пойдем купаться, чи шо?

– Сначала чишио, потом купаться.

И с тех пор на нашем с ним языке «чишио» обозначало занятие любовью.

Конечно, и к нам приезжали. Не только прямые родственники Любы и Антона, но и двоюродные братья и сестры их соседей ехали в Москву за дефицитными промтоварами, искать правду в прокуратуре, поступать в институты. Эти нашествия не были нам в тягость, только в корысть. Навезут продуктов на полгода и еще сокрушаются:

– Что ж вы в зиму без картошки? К поезду подойдете, я мешка три передам. Хватит?

Гости девушки и женщины обязательно устраивали генеральную уборку в квартире. Приду вечером с работы – только руками развозжу:

– Таня! (Галя, Маня, Света...) Ты на что время тратишь? Тебе к экзаменам готовиться надо! И потолок побелила!

– Та я трошки прибралась. Люба ховорила, что вы борщ со старым салом не любите, чи шо? Так я маслом подсолнечным заправила. А тюлевые занавески хладить или так повесим?

Гости-мужчины были исключительно рукастые.

После их отъезда в доме не оставалось ни одного капающего крана или висящей на соплях розетки.

Не могу сказать, что мы скучали без гостей. Но когда их долго не было, нет-нет да заметит Сергей или Лешка:

– Пылищи набралось, – и подражая украинскому акценту: – Шо-то нихто з Херсону нэ еде.

Теперь перестали ездить вовсе. Старики умерли или одряхлели, молодежь отоваривается на местах и поступает в свои национальные вузы. И все мы, спасибо перестройке, – как птицы с выщипанными крыльями. Без маховых перьев летать нельзя.

Еще одно слово из украинского перешло в наш семейный язык, полностью изменив значение. По-украински доба – сутки, цылодобово – круглосуточно. Но у нас цылодобово – выражение крайней эмоциональной экспрессии, как положительной, так и отрицательной. Упал кирпич на ногу – цылодобово! Выиграли в лотерею пылесос – цылодобово!

* * *

После свадьбы Люба и Антон два месяца жили у нас, никак не могли снять комнату. Они вдребезги, на досточки, разрушили диван-кровать. Ночные звуки их бушующей плоти разбудили во мне половой инстинкт. Раньше никакого биологического зова я не испытывала. А тут прямо пылала огнем и скручивалась от томления. Как-то встала ночью воды попить. Папа в проходной комнате плакал, уткнувшись в подушку. Я сделала вид, что не заметила. Выпила воды, вернулась, подсела к нему.

Мы плакали обнявшись. Папа – в тоске по маме, я – не зная, куда пристроить свои инстинкты. А в соседней комнате скрипел-грохотал диван...

Старшую дочь Люба родила на пятом курсе, защищая диплом. По списку она была десятой, но, не дожидаясь очереди, обхватив живот, ворвалась в аудиторию:

– Я рожаю! Схватки! Скорей меня защищайте!

Дипломная комиссия перепугалась, и ей задали только один вопрос:

– Вы на какую оценку рассчитывали?

Люба не смогла сразу ответить, скривилась от боли.

– Пять! – замахал руками председатель комиссии. – Вы получаете «отлично»! «Скорую»! Девушка, только не здесь!

Еще сутки Люба пролежала в больнице, пока не родилась Алиска. Младшего сына, Егорку, она родила уже на Севере.

Антона распределили в Сургут. Они жили в продуваемом бараке. Зимой до льда замерзали стены, у детей с декабря по июнь зелеными вожжами из носа текли сопли. На три летних месяца детей с Севера увозили в пионерские лагеря.

Я приходила на вокзал – увидеть, передать гостины. Поезда с детьми все шли и шли. Радио объявляло: из Тюмени, из Мурманска, из Норильска, из Сургута... Поезда, забитые детьми, как в войну. Детям нужны солнце и фрукты. Я даже боюсь задать вопрос, где берут сегодняшние дети-северяне солнце и витамины.

Летнего запаса здоровья Алиске и Егорке хватало до Нового года, а потом снова – бронхиты, гаймориты, ангины. У бабушки на каникулах они были загорелыми и крепкими, к весне – дохлятиками.

Для Любы, выросшей на юге, круглосуточные полярные ночи, морозы и метели были почти каторгой. Но за мужем она бы поехала и на каторгу.

Очень долго жизнь ребят напоминала мне борьбу за выживание. И все, что они теперь имеют, заслужили по праву.

Антон успешно двигался по служебной лестнице, к моменту дележа нефтяного пирога имел в руках большой ножик. Но из государственной корпорации не ушел, превратился в метиса – гибрида олигарха и чиновника. Ребята вдруг разбогатели.

Конечно, деньги у них были всегда. Приезжали в Москву – шиковали, как капитаны дальнего плавания. Но теперь денег стало не просто много, а не переварить.

У меня же все катилось по наклонной: семья, работа, психическое состояние. Люба приехала отправлять детей на учебу в Англию и покупать квартиру в Москве. Детей она отправила, а первую квартиру купила мне. Возражения отмела с обидой:

- Неужели я бы от тебя не взяла?
- Хорошо, но только если ты и себе купишь апартаменты.
- Гроши кончились.
- Вот видишь!

Она набрала их сургутский номер:

– Антон! Кирка стоит в позе, можешь мне пять тысяч зеленых выслать, чтобы ее распрямить?

Тогда, в начале девяностых, хорошая квартира в центре так и стоила – пять тысяч долларов. Для меня эта сумма была не просто большой. Астрономической!

Люба купила четырехкомнатную квартиру на Ленинском проспекте. От меня десять минут езды.

Но жила там недолго.

Подруга 2

Лет семь назад Люба поселилась на Майорке, на одном из островов Балеарского архипелага, в Испании. Приезжает два-три раза в год, но никогда – зимой. Она натерпелась холодов на всю оставшуюся жизнь. Антон к ней периодически, но не часто летает.

Не знаю, что произошло между ними. В своей семье не разобраться, что уж других судить. Они не разводились, нессорились, они по-прежнему муж и жена.

– Но почему? – пытала я Любу. – Как можешь ты допустить, что Антон приходит вечерами в пустую квартиру? Как можешь ты без него существовать? Вы выдержали испытание холодом, нищетой, болезнями детей, а богатством не выдержали?

- Оно рассосалось, – ответила Люба.
- Что «оно»? Любовь? Муж, дети?

– Все! Был тугой комок, стала тонкая пленка. Такая тонкая, что и дыр не заметно. Да ты не переживай, у нас все отлично. Вот в Англию полечу. Барон охоту на лис завел. Костюмов специальных из сукна нашили, красное с белым и при котелке. Буду за лисами на лошади скакать.

Старшая дочь Хмельновых Алиса вышла замуж за обнищавшего английского барона. На папины деньги баронесса отремонтировала родовой замок.

Теперь там какая-то помесь музея и отеля. Егорка Хмельнов ушел в бизнес. Что-то с помощью папы отпочковал от российской промышленности и качает нашу нефть в Англию.

Наверное, Алиса и Егорка, которые для меня почти такие же родные, как Лешка, никогда не вернутся на Родину. Мне от этого плохо. Мне кажется, будто их обокрали, хотя они разбогатели.

- Почему Лешка не ездит к моим? – спрашивает Люба.
- Он ездил... он весь в науке, ты же знаешь.

Лешка один раз наведал в туманном Альбионе друзей детства. Его приняли по первому классу.

Вернулся, сказал: «Мне это неинтересно!» – и прекратил общение. Первый перестал отвечать на электронные письма, даже на дни рождения забывает без моего напоминания Алиске и Егорке позвонить. Они ему неинтересны. Точка. Кол на голове теша!

– Я никому не нужна, – Люба усмехалась, плакала без слез, – ни Антону, ни детям.

– Ты максималистка! Тебе подавай быть нужной на сто процентов, а восемьдесят, сорок или тридцать тебя не устраивают! Дети выросли, у них своя жизнь, они не болеют и плевали на наш жизненный опыт.

– Муж тоже вырос?

– А ты хочешь, чтобы он, как в двадцать лет, табуреткой с ушами торчал у памятника Тимирязеву?

– Кирка! У нас все нормально. На других посмотреть, так они только зубами в глотку друг другу не вонзаются. Вот и ты с Сергеем... не смогла... Но когда вакуум в двадцати или в шестидесяти процентах, надо его каким-то деръемом заполнять? Вот я собой и заполнила.

– Ты себя называешь деръемом?

– Не придирайся к словам. Лучше приезжай ко мне на Майорку! Все поймешь!

Но прежде чем нанести визит, я регулярно общалась с Любой по телефону. Там у них целая колония отселенных жен новых русских образовалась.

– Что вы делаете? – кипятилась я. – Прозябаете? Я читала в газете: тупеют, жиреют и спят со своими шоферами.

– Про банкиршу Райку, что ли, написали? – живо интересовалась Люба.

– Меня не интересует Райка! Меня волнуешь ты! Чем у тебя день заполнен?

– Во-первых, дом и участок. Во-вторых, я стала писать.

– Кому?

– Писать – это рисовать, деревня! Беру уроки акварели. Еще хочу вокalom заняться, диск свой иметь.

Как я поняла, маленькое сообщество российских женщин бесилось с жиру. То они повально увлекались живописью, то музыкой, то делали пластические операции. Люба приехала в Москву из Швейцарии, где ей утянули лицо и впрыснули какой-то распирающий состав в губы. Я без дрожи не могла смотреть на ее губы – африканские лепешки.

– Через месяц, – хлопала Люба телячьими губами, – спустятся, в норму придут. – Сама же подходила к зеркалу и ругалась: – Половые губы на харю натянула, дурында! Может, их розовым перламутром закрасить?

– Теть Люба! – веселился Лешка. – Только зеленым! Вы ж у нас хиппи, цыгодобово!

Я все откладывала поездку к Любке. Не получалось денег скопить. Пока у нее не лопнуло терпение – прислала мне два авиабилета, туда и обратно с двухнедельным интервалом.

Майорка – это сказка! Я вспоминаю о ней с содроганием. Я там, как выражается мой сын, чуть адиасы не отбросила.

Рай невозможно описать, потому что слова чернобелые, не имеют красок и запаха. Единственное, в чем я разочаровалась, когда мы ехали из аэропорта Пальма-де-Майорка, столицы острова, так это в авторах Библии, которые нам рай в другой жизни придумали. Халтурщики! Просто описали эту средиземноморскую благодать! Буйство зелени, цветов разноцветье, яркая лазурь моря и воздух как вермут! Газообразный вермут! Его можно резать на куски и продавать в полиэтиленовых пакетах.

К поездке я подготовилась. Все, что можно было прочитать о Майорке, прочитала.

– Мы находимся в столице? – Я листала блокнот. – Куда мы уезжаем? Я хочу посмотреть здесь дворец Альмудайна, где жили короли-мавры, а впоследствии – короли католические. На Майорке, – читала я, – оставили следы многие народы античности: финикияне, византийцы, арабы. Интерес также представляют Кафедральный собор, здание Консуладо-дель-Мар, монастырь Святого Франциска...

— Сеньора знает Майорку, — уважительно отозвался таксист.
Он говорил по-испански, Люба мне перевела.

— Сеньора — академике русо, — записала меня подружка в русские академики и забрала у меня блокнот. — Все увидишь! И пещеры со сталактитами, и готические храмы, и потрясающие пляжи с белым песком и сосновыми рощами, и аквапарки, и дельфинарий, и черта лысого. Но сначала — домой! А в Пальму еще приедем специально, у меня программа для тебя по часам расписана.

Программе не суждено было осуществиться.

По дороге в городишко, где обосновались русские дамы полусвета, Люба показывала достопримечательности:

— Это вилла Майкла Дугласа. Смотри, смотри, на горе, видишь дом с колоннами? Там принцесса Диана со своими бойфрендами тусовалась. А тут королевская семья любит отдыхать.

— Каких королей?

— Испанских, порсупуэсто (конечно)! — воскликнул таксист (хотя мы говорили по-русски!). — Король Хуан Карлос и донья София, — произнес он с монархическим восторгом.

Исторически на Майорке говорят на каталанском наречии, чистый испанский — кастельяно — презирают. Поскольку остров живет туризмом, жители худобедно владеют английским, французским, немецким и теперь русским. Словом, все друг друга понимают. То есть понимают, что надо в этом интернациональном компоте.

— Вон, видишь, — показала Люба в окно, — вилла Клаудии Шиффер.

— Си (да)! — подтвердил таксист. — Очень красивый!

Он вмешивался в наш разговор с доброжелательным нахальством, характерным для южных народов.

— Милый домик, — похвалила я поместье, оставаясь к нему равнодушной.

Таксист пересыпает речь фамилиями знаменитых артистов, моделей, спортсменов, наследников королевских кровей, чьи дома мы проезжаем.

Чужие дворцы, где кладовки стоят как вся моя квартира, зависти у меня не вызывают. Глупая смазливая мордочка или накачанные мышцы обходятся дорого, и пусть. Я знаю многих людей блестящего интеллекта, они едва ли не с хлеба на воду перебиваются — и не торопятся мошну набивать.

Каждому свое: глупости — богатство, уму — покой.

Моя подруга Люба, естественно, вне счета.

Я начинала понемногу понимать ее. У этого климата и у этой природы хочется попросить политического убежища. И ничего не делать. Просто жить: дышать и смотреть. Для разнообразия выкинуть номер, накачать губы идиотским гелем или заняться акварелью.

Мы подъехали к Любиному дому, таксист выгрузил мой чемодан. Люба расплатилась. Конечно, не вилла Клаудии Шиффер, но тоже красота. Дом с открытой верандой в глубине. К нему ведет дорожка, по обеим сторонам которой пятна газона, обрамленные цветущими кустарниками, цветами всех колоров. Цветов — море, как на кладбище в урожайный день.

Не иначе как за сравнение с кладбищем я едва не поплатилась — первый (по порядку) раз чуть не погибла.

Прямо передо мной с неба упал снаряд. Чудом не задел. Я взглянула вверх. Двадцатиметровый ствол кокосовой пальмы, наверху гроздь орехов. Один метил мне в голову. Кокосовый орех в оболочке, размером с хороший арбуз и твердости необычайной, килограмм восемь, упал и даже не треснул.

— Е-если бы-бы, — заикалась я от испуга, — попал по башке, я бы по грудь в землю ушла.

— Не-а, — не согласилась Люба. — Просто голова бы раскололась.

— Хорошенькая перспектива! Ты зачем их тут насажала? С противниками расправляться?

— Это моя гордость! Кокосовые пальмы у многих есть, но только у меня орехи вызревают. Поэтому и вилла называется «Кокосовый орех».

— Сколькоих твои орехи уже прикончили? Ты знаешь, что по крепости они как пушечные ядра? Распространялись по тропикам вплавь. — Из меня стали высакивать сведения периода преподавания в ПТУ. — Буря смоет, в океан унесутся, месяцами болтаются, даже морская йода в них не проникает! Выбросит на другой берег, они приживаются.

— Ты, Кирка, — похвалила Люба, — как была умной, так и осталась. Хуан!!! — завопила она неожиданно во все горло. — Хуан! Где тебя черти носят?

— Си, сеньора!

На дорожке показался загорелый юноша лет восемнадцати. Босой, единственная одежда — шорты.

Молодой стройный Адонис испанской масти.

Они заговорили на тарабарщине. На смеси языков, из которых мое ухо улавливало только русский.

— Тра-ра-та-ра-та дурак! — бранилась Люба. — Ри-ту-ру-ту-ру, моя подруга Кира. — Она размахивала руками, показывая то на меня, то на упавший орех, то на гроздь, висящую на уровне третьего этажа. — Тур-мур-пур тебя, козла, первого убьет.

— Ка-на-ва-па-па я ноу дурак, — отвечал Хуан, — ту-му-ру-пу, добро жаловать, сеньора Кирья. — Поклон в мою сторону. — Ле-ме-пе-ве я не козел, лу-ку-ни-фу, обоймется, сори, обойдется!

— Неси чемоданы в дом! — на чистом русском гаркнула Люба, строго указала на крыльцо и повернулась ко мне. — Как тебе это нравится? Он утверждает, что ветер все равно сбросит, он, видите ли, сводку читал! А кому я лестницу специальную покупала?

— Не знаю кому. Кто такой Хуан?

— Как бы садовник и вообще по дому. Ты не представляешь! Свет не видел таких ленивцев! Я каждое утро беру дубинку и гоню его на работу. А этот жеребец только о девицах думает. У него их эскадрон!

— Зачем ты держишь плохого работника?

— Они бедные. Мать Хуана, Мария, каждую неделю у меня уборку делает. Только соберусь его выгнать, она в слезы: «Сеньора! Пятеро детей, мал мала меньше, муж в море погиб, Хуан старший, он кормилец!» Вот и терплю, нервы мотаю. Здесь у местных другой работы нет, как виллы и туристов обслуживать.

— Ты добная капиталистка, — похвалила я.

Пока мы разговаривали, я, поглядывая наверх, выбрала безопасное место, куда не мог упасть орех-снаряд, и отошла. В Любином саду было так красиво, что не хотелось уходить. Возле большого куста бугенвиллей рос японский клен, по его стволу вилась лиана. Я сорвала листочек, помяла в руках, понюхала.

Люба, живописующая свою трудную буржуазную жизнь, вдруг прервалась.

— Выкини! — велела она мне, показав на листочек. И снова завопила: — Хуан!! Сучий потрох! Иди сюда!

Хуан приближался медленно и безо всякого страха-почтения на лице. Потом Люба расскажет, что во время визитов Антона садовник преображается. Ходит в комбинезоне и обуви, по первому зову прибегает и в целом всячески изображает истового труягу. Знает, из чьего кармана денежки капают.

Они опять заспорили на своем международном языке. Теперь предметом спора была лиана, листочек которой я сорвала. Ничего не понимая, уловив только «идиот» — «я не идиот, сеньора», «сколько раз говорить?» — «говорить глупость!», я их прервала:

— Люба, в чем дело?

— Этот молокосос утверждает... впрочем, ладно! Может, обойдется. Пошли в хату!

Дом у Любы прекрасный. Большой, светлый и прохладный. Она водила меня по комнатам первого и второго этажей, мы спускались в подвал, где стоял бильярдный стол, находилась сауна и маленький зал с баром. Я искренне радовалась за подругу – в своем политическом убежище она свила роскошное гнездо.

– Эта спальня решена в мавританском стиле. Эта – с античными мотивами. Вот украинская, видишь рушники? – говорила во время экскурсии Люба. – Тут под будуар… не Людовика, а его зазнобы.

– Марии-Антуанетты? – подсказывала я.

– Нет, дизайнер по-другому называл.

– Мадам Помпадур?

– Точно! Хочешь – выбирай Помпадур, хочешь – в стиле ар-деко.

– Люба, ты знаешь, что такое ар-деко?

– Я столько деньжищ отвалила, что спрашивать не обязательно. А ты почему туалеты не считаешь?

– Чего не считаю?

– Понимаешь, как кто-нибудь из наших приедет, так обязательно туалеты считает. Вазы китайские, картины японские – им побоку, носятся по дому, горшки нумеруют. Кира, нам что, прежде унитазов не хватало?

И тут я почему-то, как все соотечественники, воспылала интересом к туалетным комнатам. Не знаю, чего нам не хватало, но я бегала по дому с этажа на этаж и восхищалась наличием санузла при каждой спальне. Пробегая через столовую, где Люба смешивала коктейли, я докладывала:

– Пять спален, правильно? Итого пять туалетов плюс три гостевых и один в подвале?

– Гостевой один, – со светлой капиталистической печалью отвечала Люба, – ты лишний круг дала. Выпей, Кирка! – Она протягивала стакан.

– Не может быть! – Меня подстегивал азарт, и я неслась по дому считать горшки по новой.

Сей феномен мне объяснить трудно. Почему нас не трогает столовое серебро или канделябры восемнадцатого века? Почему возможность справлять нужду в персонально отведенном месте воспринимается как благодать?

Впрочем, сейчас о Любинах туалетах я вспоминаю с содроганием. Весь отпуск в них провела!

Приняв душ и переодевшись, мы должны были ехать в ресторан ужинать. Форма одежды – платье на бретельках. В Москве, по ее наущению, я себе такое купила. Сарафан и сарафан, но называется пышно: «платье для коктейль-пати».

Мы стояли перед зеркалом в холле. Люба на полголовы ниже меня и на десять килограммов тяжелее.

– Ты просто девушка! – восхищается она. – Больше тридцати пяти не дашь, в темноте – двадцать шесть. Даже двадцать два! – с перехлестом нахваливает.

Ничьи комплименты меня так не радуют, как трогательное любование подруги. Так говорить могла только мама.

– Ты отлично загорела! – в долгую не остаюсь. – И ни одной морщинки!

– В общем, – подводит итог Люба, – мы девки хоть куда и хоть кому.

По ее плану сегодня был вечер ознакомления с местной кухней. Попробовать всего понемногу, а в следующие дни углублять гастрономические знания.

У Любы есть машина, в марках я не разбираюсь, серебристая, с откидной крышей, и четкие правила по управлению. В пределах городка она водит сама, на тридцать километров в сторону – Хуан, дальние поездки, вроде встречи меня в аэропорту, – только профессиональные таксисты.

Ресторан, куда привезла нас Люба, длинным пандусом уходил в море. Сверху крыша из сухих пальмовых листьев, официанты в смокингах. Такой скромный шик – деревенская крыша и официанты при параде. Море билось о скалистый берег, пенилось и шипело. Я смотрела на него сверху и чувствовала себя небожителем, взирающим на безумную стихию.

– Начнем с устриц. – Меню Люба не открывала.

Заказала какое-то белое вино и две дюжины устриц.

Этих морских гадов я прежде не ела и даже не представляла, как они выглядят. Нам принесли две огромные круглые тарелки, на половинках открытых раковинок лежало… если деликатно сказать, оно напоминало содержание носовых пазух при сильном рините. Меня слегка замутило, когда Любания взяла одну раковинку, выдавила на устрицу сок из половинки лимона, подцепила маленькой вилочкой морского гада (надо полагать, еще живого!), отправила в рот, блаженно причмокнула и запила соком из раковинки.

– Восхитительно! – Она положила пустую раковину и взялась за следующую. – Что же ты не ешь?

– Собираюсь с духом. Нет, Люба, я не смогу это проглотить.

– Да что ты? – Моя подруга чуть не плакала, смотрела на меня точно заботливая мать, у которой ребенок отказывается кушать полезные продукты. – Только попробуй, тебе обязательно понравится!

А мне в голову лезли неаппетитные и даже отвратные литературные ассоциации.

– В русском фольклоре, в легендах про клады, герою нужно пройти череду испытаний. В частности, выпить ведро соплей с харкотиной. Кто бы мог подумать, что подразумевалось ведро устриц!

– Фу, какая гадость! – передернулась Люба. – И не ведро тебя просят скушать, а только одну. Ну! Открой ротик!

Она поднесла к моему лицу раковинку, отковырнула вилкой устрицу. Я помогала голой: не могу!

– Вспомни какой-нибудь положительный литературный пример, – велела Люба. – Ты же много цитат знаешь, а устриц все нормальные люди обожают.

– Из Ахматовой, – вспомнила я. – «Свежо и остро пахли морем на блюде устрицы во льду».

– Вот видишь! Ахматова не глупей тебя была! Пора, голубушка, к цивилизации приобщаться.

– Посредством устриц?

– В том числе. Давай с закрытыми глазами. Хорошая девочка! Ну-ка, глазки закрыла, а ротик открыла! Хорошо! Глотай скорей! Запивай вином!

Третью устрицу я съела самостоятельно, на шестой вошла во вкус, прикончила всю дюжину и поняла, что у аристократов и прочих любителей морских деликатесов губа не дура.

Устрицами ужин можно было бы и ограничить, я вполне насытилась. Но Люба заказала еще жаренных в чесноке больших креветок, потом филе какой-то экзотической рыбы, потом сбрасаду – знаменитую свиную колбасу с перцем, на десерт – энсайдаду, воздушный пирог в форме спирали.

Мой бунт при появлении нового блюда она подавляла решительно:

– Не порть мне праздник! Я столько тебя ждала, а ты привередничашь. Съешь колбаски, если меня любишь!

Под устрицы пили одно белое вино, под креветки – другое, под колбасу – красное, к десерту подали ликер. Всякий вкус я потеряла в середине ужина, осоловела от еды и опьяняла от спиртного. Подруга знай себе утрамбовывала в меня, как в рождественского гуся, угощенница.

К машине я топала на растопыренных ногах: несла набитый живот и пыталась сохранить равновесие. Язык заплетался, но будущее я предсказала точно:

– Это плохо кончится. Ты же знаешь, у меня слабый желудок. Кстати, надо сделать рентген. Сегодняшняя трапеза показала, что у меня по меньшей мере пять желудков. Тебе лишний не нужен?

– Приедем домой, – успокаивала Люба, – я тебе «Пало» дам, от всех болезней им лечусь.

– Что у тебя пало?

– «Пало» – это местный ликер, миндальный и настоящий на многих травах.

– Давай «Пало»! – Мне было море по колено.

Обычно излишек спиртного действует на меня как снотворное. В молодости Люба частенько прерывала застолье призывом: «Включайте скорее музыку! Давайте танцевать! Кира отключается!» Если не танцевать, то спать – выбор у меня ограничен.

Но тут, не иначе как благодаря устрицам и другим дарам океана, воздуху, в котором было не меньше градусов, чем в вине, на меня накатило поэтическое вдохновение. Боком плюхнувшись на сиденье, я принялась сочинять стишкы с рифмой на «пало» и развлекала ими всю дорогу Любу. Она живо реагировала на мое «творчество».

С декадентскими подываниями я тянула:

*Всю ночь над городом летало кресало.
И лишь к утру на Профсоюзной пало.*

– Что такое кресало?

– Леший его знает! Из любовной лирики, слушай!

*Сердце мое пало, до пяток не дошло.
Застяло в пищеводе, как заяц в огороде.*

– Подавиться любовью? Мощно!

– Производственная тема, сельскохозяйственная.

*Коровье стадо много молока давало,
Но от сибирской язвы, к сожалению, пало.*

– Ты зачем целое стадо погубила?

*Оно лежало тихо, не воняло.
Подобного доселе не бывало!*

– Все, приехали, поэтесса!

– Ой! – Я с трудом обрела равновесие, выбравшись из машины. – Чуть не упало!

Момента распития ликера «Пало» я не помню, а также как добралась до кровати, сняла платье и натянула пижаму. Но среди ночи меня разбудила революция, которая началась во всех желудках одновременно. Я рванула в туалет: то обнимала унитаз, склоняя в него голову, то плюхалась попой на стульчик. Проделав это упражнение несколько раз, обессиленная, наконец, подошла к зеркалу, чтобы умыться. Увидела себя и завопила благим матом…

– А-а-а! – кричала я в ужасе, высекая в коридор и натыкаясь на японские вазы на подставках.

Вазы падали и бились, я вопила. На шум прибежала Люба, включила свет.

– А-а-а! – увидев мое лицо, в страхе закричала она.

В первый момент Люба меня не узнала. И, как призналась позже, подумала: «Специально грабителей с мерзкой рожей подбирают, чтобы людей пугать. Но хоть бы оделись прилично, когда на дело идут! Обнаглели! В пижамах!»

Лица, как такового, у меня не было. А была страшная распухшая харя, почему-то напоминающая маску льва. От глаз остались щелочки, нос увеличился в три раза, раздувшиеся щеки при беге колыхались. И вся эта красота – в алом цвете и в буграх крупной сыпи. Покраснело все тело и покрылось прыщами.

Меня захватил очередной позыв, я заскочила в спальню, кажется мавританскую, повезло – знала, где туалет, бросилась туда.

Я стонала, сидя на унитазе. Люба, оказывая мне посильную помощь, стояла рядом и периодически нажимала на рычаг сливного бачка.

– Сволочь! – ругалась она. – Уволю без выходного пособия! Пусть сдохнут от голода его братья и сестры, если он такой прохвост! Кобель! Лентяй! Урою!

– Кого? – простонала я.

– Хуана, задери его черти, кого же еще! Ведь при тебе, когда ты листочек сорвала, на чистом русском, то есть испанском, сказала ему: ядовитый плющ! А он: нет, сеньора, ошибаетесь, сеньора! И кто был прав? Ты видишь?

– Объясни, ты знаешь, что со мной?

– Во-первых, отравление от передозировки здешней пищи. Это чепуха, со всеми бывает, кто у меня первый раз гостит. «Пало» быстро на ноги поставит.

– Во-вторых?

– Ядовитый плющ – очень плохое растение, у многих вызывает страшную аллергию. Я могу брать его руками, а муж за три метра от запаха пятнами покрывается. Весь ядовитый плющ на участке я извела, но, видишь, он снова полез, и, главное, от хорошего плюща он трудно отличим. Вот идиот Хуан и доказывал мне, что ядовитый плющ не ядовитый...

– Люба! Что со мной будет?

– Только не отек легких! У тебя нет отека? Тогда в госпиталь не повезу, сюда врача вызовем. Поднимайся. Идти можешь? Не можешь? Я тебя доволоку.

По дороге в мою спальню мы заглянули еще в три, где я проверила работу унитазов.

Две недели я провела в постели. Мне ставили капельницы, делали уколы, кормили кисельной бурдой. Поскольку врач «Пало» запретил, отравление задержалось надолго, в туалете я хорошо изучила каждую плитку кафеля... Пищевой удар вкупе с аллергическим – это я вам доложу!

Когда Любке нужно было ненадолго отлучиться, сиделкой при мне оставался Хуан, конечно же не уволенный. Юноша сидел на стуле, заламывал руки, просил прощения и пылко уверял, что я была и буду красивой женщиной, а сейчас у меня «период» – это слово он выговаривал по-русски и вставлял куда надо и не надо.

«Период» закончился, в приблизительно человеческий вид я пришла только перед отъездом с Майорки. Любка робко предлагала задержаться, поплавать на яхте, посмотреть пещеры и прочие достопримечательности.

– Рояль, на котором играл Шопен, – соблазняла меня. – Он тут с Жорж Санд отлично время проводил.

– Рояль?

– Композитор! И вообще, здесь столько можно увидеть! Хоть на неделю останься.

– Нет, домой.

Мне казалось, что на каждом углу чудного острова меня подстерегают ядовитый плющ и непосильные гастрономические утехи.

* * *

Встретив меня в аэропорту, Лешка спросил:

– Что у тебя с лицом? Сгорела?

– Нет, погорела!

Следствием чудовищной аллергии было глубокое шелушение всего тела. Когда краснота прошла, кожа лопнула и стала облезать.

Кстати, многие женщины специально и с помощью косметологов сжигают кожу лица фруктовыми кислотами или лазером, чтобы старая сгорела, слезла, а появилась новая, молодая и чистая. Процедура называется пилинг. Он у меня невольно и случился. Через месяц я, похудевшая и отшелущенная, выглядела исключительно молодо. Меня спрашивали, как удалось так похорошеть.

Я отвечала честно:

– Провела отпуск на Майорке.

Сослуживцы шептались за моей спиной: «Она у жены Хмельнова гостила. Конечно! Некоторым везет!»

* * *

Отступления закончены, возвращаюсь в сегодняшний день. Хотя могла бы еще многое про Любашу поведать, бью себя по рукам, точнее, затыкаю рот. На повестке дня моя злополучная беременность и решение первой открыться Любे.

Позвонила ей, когда детей не было дома.

– Привет! Как дела?

– Бросай трубку! – здоровается Люба. – Сейчас наберу!

Меня не разорит звонок на Майорку, но Люба считает недопустимыми мои траты, которые может взять на себя.

– Привет! – Она тут как тут. – Что новенького?

– Будет ребенок! – выпаливаю сразу, чтобы не утонуть в текущих мелких новостях и не передумать признаваться.

– Удивила! Прекрасно помню. Как Лика себя чувствует?

– Лика ни при чем. Я про себя.

– Ага! – смеется Люба. – Бабушка Кира переживает переход в новый статус?

– Наоборот, радуюсь. Люба! У меня будет ребенок!

– Сколько можно твердить? До тебя только сейчас дошло?

– Это ты, наверное, «Пало» перепила и устриц объелась! Я человеческим русским говорю: у меня будет ребенок! Я бе-ре-мен-ная!

– Чего-чего? Повтори! Из-за чего беременная?

– Из-за того самого! Как будто есть варианты!

– Но у тебя же климакс! Сама говорила! Так живописала, что и у меня началось. Кирка, я ночью потею, – тихо, как страшную тайну, сообщила Люба, – иногда и днем. Будто батарейку проглотила и она периодически включается. И такой жар!

– Но ты всегда любила тепло и ненавидела холод!

– Верно. Если бы при климаксе было как в Уренгое зимой, я бы повесилась.

– Люба, я правда беременная!

– Какой сегодня день? Вы что там, первое апреля перенесли?

– Люба, я серьезно! Залетела очень прочно, все сроки прошли. Думала, климакс, оказалось, беременность. Люба! Что мне делать?

- Не рожать же в самом деле! В твоем со мной возрасте! Кирка! Найди врачей!
- Чего их искать, врачей навалом.
- Ты не бойся! Тебя же под наркозом!
- И его тоже? Под наркозом ребеночка придушат? Он боли не почувствует?
- Кирка! Он ведь может быть идиотом или дебилом.
- Это мой дебил! – заявила я твердо.
- Ты с ума сошла!
- Не без того.
- Хочешь рожать? А как же внук?
- У Лики мальчик, а у меня девочка.
- Какая девочка?! – Люба так завопила, что я трубку от уха убрала.

Она правильно разорялась, но все эти аргументы я давно уже себе приводила. И просто, что каждому возрасту свое, и про нищету плодить, и про дебилов, и про ранние смерти поздних матерей...

Ничего нового.

- Ладно! – прервала я подругу. – Поговорили. Ты – никому, ладно? Я только тебе сказала.
 - Подожди! У меня голова кругом и спиралью. А кто производитель, кто тебе подарочек настрогал? – спросила она заинтересованно.
 - Не важно.
 - Случайно, не Антон?
 - Дура! Форменная дура! – Я швырнула трубку на рычаг.
- Через минуту телефон вновь взорвался звонками. Я не отвечала. Подруга мне не помощница.
- Прошли те годы, когда мы считали, что каждый волен жить как хочет. Мы помогали без суда и оценок поступков. Теперь мы друг друга учим.
- Я утверждаю, что Люба на своей Майорке чирикает в золотой клетке. Она мне тычет в глаза великовозрастной глупостью. Черт с ней, с Любой!
- Обойдусь!

Муж

В одном американском фильме главным героем, психоаналитиком, настойчиво и остроумно повторялась фраза «в процессе»: он в процессе ненависти, она в процессе любви, у нас процесс самоидентификации, у них процесс скорби по в бозе почившем дедушке... Всеобъемлющий охват, потому что жизнь сплошь состоит из процессов.

Процесс покаяния, как и всякий другой, имеет временную протяженность. Иными словами, начав признаваться, я зашла в процесс, как ступила на движущийся эскалатор, и понес он меня – в сторону не спрыгнешь. Остановиться трудно, да и не хочется.

Следующим объектом для исповеди я выбрала мужа. С Сергеем мы не разводились. В определенном смысле мы остаемся мужем и женой, потому что у нас есть ребенок. Мы не спим вместе больше десяти лет, но, казенно выражаясь, уважаем друг друга и по большому счету никогда крупно не ссорились. Сергей живет в Кузьминках, в квартире моих родителей. Я не собираюсь дарить ему жилплощадь, но и выбрасывать на улицу не стану. Предполагалось, что, когда Лешка отделятся, кузьминскую квартиру разменяют на две, для отца и сына.

Лешка женился, упархивать из-под мамочкиного крыла не собирается, тем более в преддверии рождения ребенка. А размен-разъезд – это хлопоты и нервотрепка, никто не хочет браться.

Дверь я открыла своим ключом. Еще бы не было у меня ключа от родительской квартиры!

Первая, кого я увидела в прихожей, была девушка. Одета в мой старенький махровый халат, только из ванной выскочила, волосы мокрые.

– Здравствуйте! – спокойно поздоровалась я.

– Кто вы? – настороженно выпалила она.

– Жена Сергея Викторовича.

– Как жена?

– Натурально. Где мои тапочки?

Выражение испуга на лице девушки сменилось на выражение паники. Она сбросила тапочки и заметалась. Но метаться в маленькой прихожей было негде. Она сделала шаг в сторону комнаты – хотела там укрыться, шагок в сторону кухни, рывок к ванной.

– Спокойно! – усмехнулась я. – Скандалов не будет. Может, только слегка вам лицо поцарапаю. – Я веселилась, но держалась притворно строго. – Обуйтесь. После чужих обувь не ношу. Вдруг у вас грибок.

– У меня нет грибка! – дрожащим голосом ответила она.

– А какая-нибудь другая плохая болезнь? Вы мне мужа не заразили?

– Не-ет, – проблеяла бедная девушка.

Она поняла, что пути отступления отрезаны, и приготовилась смиленно встретить свой последний час. Застыла, теребит руками воротник халата, глаза навыкате, рот испуганно приоткрыт.

– Ладно! – смилиостивилась я. – Разбудите Сергея Викторовича и можете отбыть с миром. Сначала я мужу рога обломаю или своими его забодаю.

Разбудить Сергея, как и Лешку, утром – задача не из простых. Они ярко выраженные совы, до трех ночи бодрствуют, до десяти утра полностью непробуждаемы. Но сейчас одиннадцать, при настойчивом желании и опыте Сергея можно растолкать.

На кухне я поставила чайник и стала делать бутерброды из принесенных продуктов. Девушку покормить? Наверняка голодная… только полезет ли ей кусок в горло в компании с «ревнивой женой»?

Из прихожей послышались звуки тихой возни.

Я выглянула в проем. Так и есть: Сергея добудиться не получилось, девушка оделась и удирает.

На ней была мини-юбка. Девушка наклонилась, обуваясь, и продемонстрировала замечательно стройные ножки. Сергей в своем репертуаре: за хорошенекие ножки можно все отдать! Мода повторяется. Тридцать лет назад я тоже носила мини-юбки.

Когда наш с Сергеем роман перетек в постельную фазу, пapa уехал на месяц в санаторий. Точнее, наоборот: пapa уехал, роман перетек.

Господи! Как неутомима молодость! Мы тридцать дней не выходили из квартиры, даже в магазин за продуктами. Последнее, чем мы питались, была мука с букашками. Мы просеивали ее через ситечко, разводили водой и жарили что-то вроде блинов. От мяса в виде червячков все-таки отказывались. Без масла блины не переворачивались. Нас это очень веселило. Мы хохотали и ели безвкусную полусырую и подгоревшую массу.

Двадцать четыре часа в сутки мы занимались любовью, с перерывом на короткий сон и попить водички. Еще разговаривали. Мы не могли налюбиться друг другом и наговориться.

Как-то я задала Сергею типический женский вопрос: когда ты меня полюбил?

– До того, как сразу. Мне кажется, я тебя полюбил за секунду до того, как увидел, как ты вошла в комнату.

– А конкретно? Что тебе во мне понравилось? Опиши обстоятельно.

– Лицо? У тебя слишком красивое лицо, правильное. Идеальный славянский лик с малой толикой скандинавского влияния. Но твое лицо отпугивает совершенностью. В него могут влюбиться только два типа мужиков: первый проглотит язык и будет ходить за тобой собачкой на

привязи; второй – просто хам, для него нет святого, он желает заскочить на всяющую смазливую собачку.

– К какому типу ты относишься?

– К твоему единственному!

– Согласна. Дальше. Что тебя сразило, если не мое чудное обличье?

– Лицо твое, – уточнил Сергей, – меня ранило, а ножки добили. Ты встала, чтобы взять какую-то книжку. Подошла к полке, подняла руку, на тебе была коротенькая замшевая юбка. И я погиб! Температура тела поднялась до сорока двух градусов, перед глазами молнии, внутри бешено ходит поршень, воздуха не хватает. Я страстно желал умереть, обняв твои коленки, или прожить жизнь, не отпуская их.

– Ничего не заметила. Ты блистал интеллектом, не закрывал рта, каламбурил, остроумно шутил.

– Как маскировочка? – похвастался Сергей. – Это было в бреду, ничего не помню.

Я лежала на спине, подняла ноги вверх, поболтала ими, рассматривая:

– Ноги как ноги. Ничего особенного, не кривые, и на том спасибо. Ты приписываешь им фантастические свойства.

– О! – застонал Сергей. – Сейчас я тебе расшифрую их свойства...

Потом мы снова вернулись к теме моих ножек, и Сергей с большой печалью произнес:

– Не один я такой. Сколько Пушкин написал про пару стройных ножек! Они убийственно сексуальны. Когда я думаю, что на твои ноги смотрят другие мужики, мне хочется выколоть им глаза.

– Мода на мини-юбки проходит. Будем носить миди – до середины колена.

– Правда? – Сергей радостно вскочил. – Слава богу моды! Вечная слава!

Он, голый, стоял на коленях и отбивал поклоны всем подряд богам:

– Спасибо, Аллах! Спасибо, Будда! Спасибо, Яхве!.. Нагой мужчина в поклонах – это очень смешно.

Я покатывалась от хохота.

* * *

Девушка почувствовала мое присутствие, испуганно оглянулась:

– Что? Что вы смотрите?

Я смотрела на ее ноги. За тридцать лет я так и не поняла, что в женских ногах сводит с ума. Наверное, восхищение конечностями – исключительно половой мужской инстинкт.

– У меня колготки порвались? – Девушка вывернула голову, рассматривая свои ноги.

– Все нормально. Хотите чаю? – предложила я. Очевидно, из-за волнения или успокоившись, что скандала не будет, она вдруг перешла на английский:

– Сэнкью! Сори!

– Ю а вэлкам! – рассмеялась я.

Закрыла за ней дверь и пошла будить Сергея. Сорвала с него одеяло и закричала в ухо:

– Тревога! Война!

– Белой и Красной розы, – промурлыкал Сергей и перевернулся на другой бок.

– Атомная!

– Я умер во сне от радиации.

Так можно было разговаривать до бесконечности. Я – наяву, он – во сне, потом ничего не вспомнит.

– Сейчас принесу чайник! – пригрозила я. – Он только вскипел! Оболью!

– Кира? – Сергей открыл один глаз. – Еще минуточку, пожалуйста!

– Вставай, соня! Я твою отроковицу кислотой облила, сейчас будем труп на куски резать и в пакетах выносить.

– Черный юмор с утра, – поморщился Сергей. – Три минутки, и я встаю.

– Пошла за чайником! Ты меня знаешь!

Он сел на кровати, потер лицо руками, взлохматил волосы, по-прежнему густые, но уже с проседью.

– А где Света?

– Света слиняла со света. Меня испугалась, я женой представилась.

– Тогда подремлю еще полчасика?

– В душ и на кухню! – Я была непреклонна. – У меня мало времени. Разговор есть.

Пока Сергей просыпался под душем, я читала журнал, обнаруженный на кухне. Там была статья о Махатме Ганди, написанная Сергеем.

Он пришел, начал завтракать, кивнул на публикацию:

– Как тебе?

– Честно? Мрак и пошлость! Махатма, пишешь ты, обозначает «великая душа». И где ее величие? Какие-то сплетни про маму Ганди, страдавшую запорами, про то, как его женили тринадцатилетним и бедные муж и жена, дети по сути, мучили друг друга незрелой сексуальностью. Упоминаешь про обетового воздержания, который он принял в тридцать семь лет, и опыты по испытанию этого обета, когда он спал с обнаженными женщинами. Вставные зубы, которые хранил в складках набедренной повязки, вкладывал в рот перед едой, потомолоскал и возвращал на место. Кроме вставных челюстей, за великим Ганди не числится ничего интересного? О его учении сатьяграха – упорстве в истине, основанном на ненасилии, – две строчки. Зато просторно про неблагодарных сыновей, не признававших учения отца.

– В статье, – вяло оправдывался Сергей, – сорок страниц. Редактор выкинул все, кроме клубнички, осталось пять страниц. Я получил двести баксов гонорара, полный текст статьи выложен в Интернете. Ты знаешь, что Ганди переписывался с Толстым Львом Николаевичем? Сатьяграха и толстовское непротивление злу насилием – две золотые монеты, которые сходны только металлом, но не размениваются одна другой. Интересна не сама по себе переписка обоих великих, а их взаимное влияние. Толстой был старцем, в том возрасте, когда человека интересуют только собственные теории, а Ганди только вступал в пору зрелости...

Как водится, я заслушалась. Сергей прекрасный рассказчик и широчайше образованный человек.

В романе Гончарова «Обрыв» о главном герое Борисе Райском говорится, что он был талантлив в искусствах и при этом пустоцветом. Брался за живопись, скульптуру, за беллетристику – все получалось, и ничего не доводил до конца, уставал, бросал, надоедало. Когда я читала в детстве роман, Райский показался мне выдуманным, нереалистичным, таких не бывает.

А потом я вышла замуж за человека, которому герой Гончарова в подметки не годился. Что там искусства!

Сергей блестяще закончил физический факультет МГУ (тот же, что и Лешка), два года работал на кафедре. Диссертация была практически готова, он все бросил – увлекся биохимией человеческой клетки. В микробиологии сделал открытие, исключительно благодаря моему занудству защитил диссертацию. Переметнулся в сравнительную лингвистику, потому что его заинтересовало открытие генетиков, которые пришли к выводу, что все человечество происходит от одного корня, и построили генеалогическое древо человечества. Лингвисты в свою очередь проделали ту же работу, но не с генами, а с мировыми языками, и тоже построили древо. Обе конструкции поразительным образом совпали, археологи вопили от восторга. Сергея на генеалогическом древе языков заинтересовала ветвь чукчей и камчадалов, их близкое языковое родство с эскимосами и алеутами. Потом наступила очередь истории. Здесь Сергей

задержался дольше всего, перескакивая с периода на период. Он знает о декабристах столько, что рассказывает о них словно о родных братьях. Про народовольцев-террористов, их жизнь на каторге и влияние на уголовников была почти написана книга, увлекательная, как авантюрный роман.

Еще мы занимались философией. Конкретно – ролью личности в истории. Поэтому про множество личностей знаем массу любопытного.

Ни в одном учреждении больше года Сергей не работал. Устраивался, месяцаев шесть исправно ходил, всех покорял своими знаниями, интеллектом и тем, что находит жемчужины в той куче, где до него копались десятки ученых. Потом пропадал, просто не являлся на службу, не желал терять время на ерундовую болтовню. Его еще полгода держали, уговаривали, увершевали, давали липовые отпуска за свой счет. Но Сергея уже несло на волне другого интереса.

Каждый новый виток сопровождался у него, что естественно, новой любовью к новой обладательнице хорошенъких ножек. Так было до меня и после. Я продержалась больше всех – от микробиологии до народовольцев. Я знаю, что была его настоящей и глубокой любовью. Но проходит все, даже настоящее, заливается все, даже глубокое.

Сергей не капризен и не требователен в быту. Для него быта попросту не существует. Он может два года ходить в одних брюках, а когда они пропрутся, попросит какую-нибудь обожающую его библиотекаршу принести ему книги домой. Штаны рано или поздно появятся, я куплю. В доме нечего есть? Ребенку надо купить лекарство? Жена не хочет ходить в обносках? Это не к Сергею, это само должно как-то решиться без его участия. На него никогда нельзя было положиться: купить молоко или хлеб, забить гвоздь, забрать ребенка из садика. Он не отказывал, он забывал. Увлекался какой-нибудь идеей и забывал.

Я дошла до ручки, внутренне превратилась в фурию, устала одна тащить воз. Я не закатывала скандалов мужу, грызла себя изнутри. Не могла разлюбить его интеллект, не могла не восхищаться его умом, но любовь, как ни банально звучит, разбилась о быт. Интимные отношения прекратились: я отказывала, Сергей не настаивал. У него тоже рассосалось.

Когда Люба отселила меня с Лешкой, наши отношения с Сергеем вошли в колею близких без близости, добрых без обязательности. И с Лешкой у них все прекрасно; долго друг друга не выносят, но коротко общаются с удовольствием.

– Странно, что ты заинтересовался поздним Толстым и Ганди, – усмехнулась я. – У тебя еще голые девицы по квартире шастают.

– Уж не ревнуешь ли? Спасибо за завтрак!

– Пожалуйста! Не ревную, соболезную.

– Прекрасное чувство!

– Так ведь не к тебе.

– А ко мне могла бы проявить тимуровское участие и зашить куртку. Рукав оторвался...

– Неси, – кивнула я, – давай сразу все, что нужно чинить, носки – только стираные. Нитки с иголкой не забудь.

– А где они лежат?

Я вздохнула и пошла в комнату.

– Ты хотела поговорить, – напомнил Сергей, наблюдая за моим шитьем. – О квартире? Действительно, несправедливо, что вы втроем в двухкомнатной ютитесь, а я один в трех комнатах. Подобрали вариант? Мне комнату в коммуналке? Согласен.

– Если ты такой благородный, то и занялся бы разменом.

– Кто? Я? Как ты себе это представляешь?

– Никак не представляю, – призналась я и откусила зубами нитку. – Сергей, у нас будет ребенок!

– Строго говоря, у нас будет внук.

- Само собой. Но еще юридически через полгода ты станешь отцом моего ребенка, если, конечно, до того мы не разведемся.
- Ничего не понимаю. – Он потряс головой. – При чем здесь ты или я?
- Я беременна.
- Зачем? – умно спросил он.
- Так получилось.
- Ты хочешь, чтобы я подсказал тебе способы избавления от нежелательной беременности?
- Нет, все способы мне известны и не подходят.
- По здоровью?
- Идеологически.
- Какая к дьяволу идеология? Кира! Зачем тебе это нужно, нам нужно? – великодушно поправился он.
- Поздно пить боржоми. Ты признаешь ребенка, чтобы в документах не стоял прочерк?
- А непосредственный отец-производитель? Отказывается?
- Считай зачатие непорочным.
- Ясно.
- Ничего тебе не ясно! – вскрыла я. – Но этот аспект я отказываюсь обсуждать!
- Значит, я без обсуждения должен признатьbastarda собственным ребенком? – Сергей зло усмехнулся.
- Алиментов никто у тебя не потребует.
- Еще бы! Лешка и Лика знают о твоих грандиозных планах?
- Только Люба.
- Что говорит?
- То, что диктует здравый смысл.
- Вот видишь! Ты упряма как осел!
- Буриданов?
- Нет. Выражение «буриданов осел», – быстро заговорил Сергей, не избавившийся от привычки что-то пояснить мне и Лешке, – это о человеке, колеблющемся в выборе между двумя равносильными желаниями, двумя равноценными решениями. Идет от имени французского философа-схоласта, жившего в четырнадцатом веке, Жана Буридана. Якобы в доказательство отсутствия свободы воли Буридан привел осла, который, находясь на равном расстоянии от двух охапок сена, умер с голоду, так и не решив, с какой из охапок начать. При чем здесь Буридан?
- Это ты себя спроси, просветитель!
- Кира! Чего ты от меня хочешь?
- Кажется, ясно сформулировала: фамилию и отцовство.
- Но это не мой ребенок!
- Зато я – твоя жена!
- Какая ты жена! – отмахнулся Сергей.
- Добрая. Вот, носки штопаю, – невесело рассмеялась я.
- Сергей ухватился за спасительную ниточку.
- Ты меня разыграла! – вздохнул облегченно. – Игравая бабушка в возрасте элегантности! А я, честно говоря, струхнул. Кому хочется усложнять жизнь?
- Никому, кроме меня.
- Ну, хватит! Пошутила, и будет. Я тебе не дорассказал о Ганди. Обнаружилось одно очень любопытное неотправленное письмо...
- Сергей говорил, я почти не слушала. Думала о своем. Вспоминала, как сказала ему, что беременна Лешкой. Сергей тогда не возликовал киношно, не бросился с объятиями, не захлеб-

нился от счастья. Он смотрел на меня с жалостью. Понимал, что исправиться не сможет, опорой и помощником не станет, на меня взвалится тяжкий груз, и меня жалел. Лучше бы помог материально!

Чадолюбия в Сергея не густо – в аккурат на Лешку хватило и на внучку немного осталось. Мой ребенок ему как пятое колесо, как рыбе зонтик, как слону гитара.

– Серега! – перебила я его. – Ты несчастный человек! У тебя нет друзей.

– При чем здесь друзья? – удивился он. – Ты ошибаешься. Кроме Светы, которую ты видела, я познакомился с интересными типами из музея Востока.

– У тебя нет старых друзей, – уточнила я, поймала себя на мысли, что хочется сказать ему гадость, но не остановилась. – Твои друзья обязательно свежие, месяц, два, год назад появившиеся. А старые растворились, ты их отработал. Ты шагаешь по людям. Нет, не вампиришь. Ты в них отражаешься, как в зеркале. Любуюсь своей физиономией, своей умнотью, их восхищением. Когда в одном зеркале не видишь ничего нового, когда оно замутнится, ты переходишь к другому. И снова как первый раз: твои истории, твои парадоксы, твое красноречие – публика рукоплещет. По сути, ты эгоист такой высшей пробы, что эгоизм уже перешел в свою противоположность – во вселенское человеколюбие, которое есть нелюбие никого. Ты как эссенция. Эссенцию перед употреблением разбавляют, иначе кислота разъест.

Сергей посмотрел на меня внимательно, хмыкнул.

– Странное у тебя сегодня настроение. То шутишь плоско, то комсомольскую аттестацию мне устраиваешь. Были такие во времена нашего студенчества. На комсомольском собрании университетской группы каждого по очереди разбирали на предмет человеческих качеств и политической зрелости. Это был какой-то извращенный коллективный психоанализ. Не без пользы, признаюсь, но абсурдный ввиду отсутствия добровольности покаяния.

– На комсомольской аттестации, – вспомнила я, – мне одногруппники поставили в вину заносчивую гордость.

– Если бы ты не была гордой, если бы спала со всеми, кто за тобой ухлестывал, тебя бы назвали падшей девушкой.

– А еще меня удивило заявление, что успех любого дела, которое затевается, от лыжного похода до посещения больного профессора, зависит от того, соглашусь ли с ним я.

– Ты не можешь не быть центром вселенной. Потому что ты – солнце!

– Спасибо! – Я погладила его по щеке. – Извини, что я на тебя окрысилась!

Сергей взял мою руку и поцеловал. Спросил участливо:

– Возрастные изменения, бабушка? Климакс?

– Подкрался незаметно.

Он забрал у меня иголку, воткнул ее в спинку дивана. Взял обе мои ладони в свои, прижал к груди:

– Есть лекарство. Тряхнем стариной?

– Ну что ты! – благодарно рассмеялась я. – Разве я могу соперничать со Светой?

– Таких Свет миллион. А ты – единственная! То малое, что я, эгоист, могу дать женщине, я желал бы отдавать тебе. Я, конечно, не жду тебя в брахмагарии, обете воздержания, но всегда буду ждать!

– А с ребеночком?

– Опять? – скривился Сергей. – Неудачную шутку не повторяют дважды.

Он отпустил мои руки. Я вытащила иголку из спинки дивана, воткнула в подушечку.

– Как бы не напоролся сам или девицу очередную не травмировал! – не без ехидства предупредила я.

– Все-таки ты ревнуешь! – воскликнул он, довольный.

— А как же! — подтвердила я. — Во-первых, муж. Во-вторых, ждешь меня, попутно коллекционируя стройные ножки. Все! Мне пора. Если проводишь до метро, я там куплю тебе моющие средства. У тебя все закончилось, грязнуля!

* * *

Вечером меня поймала по телефону Люба.

— Я себе места не нахожу! — кричала она в трубку. — Что ты решила? Дай мне на риторический вопрос, — требовала Люба, — честный риторический ответ.

— Ты на испанском несешь такой же понос, как и на русском?

— Не можешь забыть свое отравление? Сколько у тебя недель?

— Это была шутка. — Я отрабатывала новую версию. — Розыгрыш, репетиция первого апреля.

— Поклянись!

— Клянусь твоими лингвистическими способностями.

(Если они и ухудшатся, никто не заметит.)

— Поклянись нашей дружбой!

— Прошлой или нынешней?

Она замолчала, потом грустно спросила:

— Думаешь, мне сладко?

— Нет, тебе приторно.

— Это еще хуже. Вот купили мы с Антошкой гардероб...

— Времен Людовика Шестнадцатого?

— Сто шестнадцатого! — в досаде воскликнула Люба. — Тридцать лет назад, первая наша большая вещь, купленная на зарплату. Знаешь, какая радость была? Из штанов выпрыгивали. Мы в этот шифоньер забирались и целовались от счастья. А теперь яхту приобрели. Через полчаса меня на ней укачало. Пропади она пропадом!

— Не в деньгах счастье.

— А в чем?

«В детях! — хотела сказать я. — В маленьких беспомощных детях. Как ни крути, а мы женщины и женщинами останемся. Чувствуем себя живыми, пока способны рожать. Мы нужны, пока нужны детям».

— Кира! Ты чего замолкла?

— Вспомнила про Ганди. Он сказал, что ценность идеала в том, что идеал удаляется по мере приближения.

— Индира Ганди «сказал»? И какой у нее был идеал?

— Не Индира, а Махатма, они просто однофамильцы. Индира — дочь Джавахарлала Неры.

— Ты с Сергеем виделась, — мгновенно догадалась Люба. — Как он?

— Статью забавную написал...

И минут десять я отвлекала подружку от грустных дум, пересказывая скандальные подробности личной жизни Ганди. Если у великих не все было в порядке, чего от нас требовать?

Отец ребенка 1

Мы сидели в кафе. Я была готова к любой его реакции, прокрутила в голове тысячи вариантов своего сообщения и его ответов. Меня не удивить ни бурной радостью, ни плохо скрываемым раздражением. Но то, как он отреагировал, не лезло ни в какие ворота.

Выслушав сообщение о моей беременности, он начал хохотать. Неудержимо! Взрослые люди столь бурно не смеются, так заливаются дети. Поэтому у него получался какой-то непрофессиональный смех – с переламыванием тела пополам, с подвигиванием и подхрюкованием. Он махал руками, мол, сейчас успокоюсь, поговорим. Но успокоиться не мог.

Нервный срыв? Эмоциональный шок? Аффект?

Какой там шок! Заходится от веселья, уж покраснел как помидор. Вот бы лопнул! Мое беременное положение можно назвать трагическим, можно – счастливым, можно – идиотским, но таким веселым, что обхохочешься?

– Пойду руки помою. – Я встала из-за стола.

Он сделал очередную попытку успокоиться, стянул губы и опять прыснул от смеха. Помахал руками, показал жестами: иди, а я тут постараюсь взять себя в руки.

Мимо туалета я прошла в гардероб, получила свое пальто. Удачно, что я пришла позже, сама раздевалась, и номерок у меня. «Если хочешь иметь пути отступления, всегда имей номерок при себе», – подумала я.

– Это точно! – ответила гардеробщица.

Оказывается, я рассуждала вслух.

На улице шел снег, первый в этом году. Крупные хлопья медленно падали с неба, на земле мгновенно таяли. Я поймала рукой одну снежинку.

Она была без кристального рисунка, как кусочек тонко раскатанной ваты, некрасивая.

«Бессмысленный снег, – подумала я. – Некрасивый и тает. Зачем идет? Кому он нужен?» Мне был бы нужен, догадайся я взять зонтик. Сейчас бы раскрыла зонтик и спрятала слезы, которые текут по щекам.

Сочинский санаторий, куда я приехала после свадьбы Лешки и Лики, располагался в старинном большом парке. В корпусе, где была регистрация, на стенде написано, что прежде здесь находилась усадьба Белосельских-Белозерских. А в другом корпусе, возле столовой, тоже был стенд, и поместье приписывалось Шереметевым. Экскурсовод во время одной из поездок заявила про наш санаторий:

«Справа бывшая усадьба Голицыных».

Но кто бы ни были те Юсуповы, парк они заложили знатный. Секвойи, пирамидальные кипарисы, корабельные сосны – это из крупных. А внизу подшерсток из цветущих магнолий, диковинных кленов, ослепительной розалии. Словом, не хуже, чем на Майорке. Я могла часами бродить по парку, раскланиваясь со старыми знакомцами и обязательно обнаруживая какое-нибудь новое растение.

Несмотря на отсутствие у меня хронических заболеваний, доктор нашла, чем мне себя занять.

Был назначен просто массаж и подводный, ванны жемчужные и кислородные, дыхательная гимнастика и ароматерапия. В середине апреля – начале мая народу в санатории было немного, в двухместном номере я жила одна. Температура моря четырнадцать градусов – не поплаваешь, но воздух по-летнему теплый, не жаркий, а приятно согревающий.

До обеда я занималась собой и после обеда тоже собой. Это был настоящий себялюбивый отдых, первый эгоистический за много лет. Я даже записалась в косметический кабинет. Мне делали маски, чистки и еще какие-то загадочные процедуры.

Звонила детям. Они говорили, что все у них отлично. Отвечали запыхавшимися голосами, ясно, от каких упражнений.

По вечерам в санатории устраивали культурно-массовый отдых: кино, танцы, концерты, вечера юмора и викторины. Я культурно не отыхала. Как и всякий житель мегаполиса, радовалась возможности избежать общения, и хорошо бы вообще не видеть человеческих лиц.

Не заметить этого мужчину было нельзя. Шкаф почти двухметрового роста, больше центнера весом, хромает, на палочку опирается. На вид мой ровесник – около или за пятьдесят. Я

подумала, что и в жизни мужиков бывает период «ягодка опять». Здоровые, матерые, опытные и спокойные – это придает шарм. Но думала я о хромоногом без задней мысли. Как и о другом мужчине, тучном, похожем на громадную юлу. Жалела его мысленно: наверное, одышка замучила, ботинки надеть или шнурки завязать – проблема. И многие другие на периферии моего зрения были образами, типажами – не более. Женщины, мужчины – не важно.

Режим установился сразу и четко: сон, процедуры, еда, прогулки. Гуляла я по парку и по «общегородской пешеходной тропе». Какой-то мудрый человек ее додумался проложить по территории санаториев. Сочи – город не для гуляний по берегу. Сразу за галечными пляжами идет ветка железной дороги вдоль побережья, потом крутой овраг, потом санатории, из которых на пляж попадают на лифтах или по длинным переходам. И только эта народная тропа, с калитками у каждого угодья, закрывающимися в восемь вечера и открывающимися в восемь утра, дает возможность намотать несколько километров.

Хромоногого здоровья я встречала на тропе.

Иногда он бодро ковылял, и мне приходилось прибавлять скорости, чтобы обогнать его, не идти рядом. Иногда он попадался мне навстречу. Еле плелся, тяжело припадая на палку, и выражение потного лица было усталым и злым.

Прошло дней десять моего пребывания в санатории, когда я увидела его на середине тропы у ротонды с видом на море. Он сидел на каменной скамейке, трость между колен, на ней крест-накрест ладони, сверху голова, лбом уткнувшаяся в ладони.

Так сидит человек, которому очень плохо. Я так и спросила, приблизившись:

– Вам плохо? Сердце? Приступ?

– Мне отлично, – прорычал он, не поднимая головы.

– Бросьте хорохориться! Сбегать за медсестрой, за врачом? За нитроглицерином?

– Идите своей дорогой!

Я не послушалась, присела на скамью.

– Если вы сейчас помрете или через полчаса адидасы отбросите, меня всю оставшуюся жизнь будет мучить совесть. Или прокуратура. Кажется, есть такая статья про неоказание помощи страждущему. Вы страждущий?

– Девушка! – Он повернулся ко мне. Знакомое выражение – усталой злости. – Оставьте меня и мои адидасы в покое! Сердце у меня не болит! Чего еще вам надо?

– Мне – ничего! – Я поднялась. – А вам не помешало бы записаться на курсы хороших манер.

Больше всего меня оскорбило обращение «девушка». Какая я девушка? Такая, как подавальщицы в столовой, телефонистки или продавщицы?

Хотя, когда на мне шорты или джинсы, легкомысленная футболка и глубоко на глаза надвинута панама, ко мне еще пристают допризывники. Но этот-то! Мог бы и заметить, что я не первой молодости, сколько раз сталкивались!

Через два дня сцена повторилась с точностью до наоборот. Я сидела в укромном уголке парка, откинувшись на спинку скамейки и положив ноги (правильнее – задрав и положив) на столик. После ванны, массажа и сытного обеда я задремала. Не заметила, что кто-то подсел.

– Сегодня отличная погода, – разбудил меня чужой голос.

Я скосила глаза, увидела трость и не сочла нужным отвечать. Надвинула панаму глубже на лоб, скрестила руки на груди, мол, вы тут лишние. Он продолжал говорить о погоде:

– Завтра обещают, что температура воды поднимется до шестнадцати градусов.

Молчу.

– А температура воздуха составит двадцать три… выше нуля… по Цельсию.

Молчу.

– Возможен дождь во второй половине дня.

Молчу. Подумаешь, ходячий прогноз погоды!

Прогноз никуда не годился. Сам себе противоречил:

– Осадки маловероятны…

Я невольно прыснула. Он продолжил метеосводку и без паузы – извинения:

– Ветер умеренный до сильного, простите мою грубость!

Молчу. Но уже не из вредности, а потому, что быстро не сообразила, как извинения принять и навсегда отрезать дальнейшее общение. Он продолжал оправдываться:

– Идиотская ситуация, идиотский перелом. Полгода в гипсе, теперь надо разрабатывать.

Мази, грязи, ванны! А она, сволочь, извините, это я про свою ногу, отекает и ходить не хочет! Вы под руку попались. Ну, извините!

– Хорошо! Забыли. До свидания! – быстро проговорила я.

– Уф! – Он облегченно перевел дух. – Значит, вы, девушка, на меня зла не держите?

– Девушка в киоске газетами торгует. Я вам не девушка.

– Признаться, – в его голосе явно слышался смешок, – первый раз встречаю дев… женщину, которой не нравится, что ее называют девушкой.

– Меня ваш первый и предыдущие разы не интересуют. Идите своей дорогой!

– Теперь я спокоен. – Он насмехался открыто. – Уж вы-то точно закончили школу хороших манер.

Встал и ушел. Я перевела дух. Быстро отвязался. Лучшие кавалеры те, от которых быстро избавляешься.

На субботу я записалась в экскурсионную поездку в Гагры. Агент экскурсионного бюро, которая сидела в холле перед столовой, сообщила, что в Абхазию не было поездок пять лет, а там есть что посмотреть.

Экскурсионный автобус собирал людей рано утром по санаториям. Нужно было выйти за ворота, тебя подхватят. У наших ворот кроме меня маячил и хромоногий. Он шутливо поздоровался, сделав вид, будто снимает шляпу:

– Доброе утро, женщина!

– Здрась! – проговорила, как прошипела, я.

– Давайте знакомиться? – миролюбиво предложил он, не обращая внимания на мою суровость. – Как вас зовут?

– Кира Анатольевна, – нехотя ответила я.

– Олег Петрович! – Он снова снял «шляпу».

В его насмешливости, надо признать, не было мужского превосходства, от которого млеют некоторые женщины. И хамского паясничанья не было. Просто хорошее настроение в хорошее утро. Аналогично он мог разговаривать с любым другим обитателем санатория, записавшимся на экскурсию.

Подъехал автобус, мы вошли и сели на двойное свободное сиденье, я – у окна, он – у прохода. По дороге заехали еще в три санатория, подбирая людей. Им, даже парам, пришлось садиться по одному на пустые места. Я хотела предложить Олегу Петровичу: давайте пересядем, пусть муж и жена или мать с дочерью будут рядом. Но он нерыпнулся, и я промолчала. Меньше слов – меньше зацепок для разговора.

Поездка меня потрясла. Прежде в Гаграх я не бывала, но могу представить, какая благодать здесь была до войны. После пограничного пункта (между Россией и Абхазией,名义上 Gрузией), который произвел на меня впечатление заставы в детской игре в войнушку, мы ехали по дороге, по обе стороны которой стояли брошенные дома, на стенах многих следы от пуль и снарядов. И это было только преддверие! В самих Гаграх жуткими многоэтажными могильниками выглядели брошенные санатории и дома отдыха. Выбитые окна, облупившаяся краска, вывалившиеся из стен кирпичи, заросшие бурьяном парки. Тут можно снимать фильм-антиутопию без декораций. Посмотрите направо, посмотрите налево – райская природа и зда-

ния, дворцы в кошмарном запустении. Остались только названия – санаторий Совмина, дом отдыха железнодорожников…

Экскурсовод с гордостью рассказывала о суперэлитном санатории на пятьсот мест, куда заехали первые десять отдыхающих. Потом показала вторую гордость, как бы свидетельство налаживающейся жизни, – маленький продовольственный магазинчик со стеклопакетами дверей и белыми пластиковыми ручками.

– Как в Москве, правда? – спросила она нас гордо.

Народ не отозвался, только поддакнул маленький мальчик. Экскурсанты в автобусе были удручены. Немолодая женщина, сидящая за нами, горько заметила:

– Мы тут были с мужем, двадцать лет назад. Как можно такое испохабить? Ведь сказка была!..

Экскурсовода, которая оказалась по совместительству кандидатом филологических наук и преподавателем университета, спрашивали про войну.

Автобус стоял, она рассказывала про зверства грузин, про хороших честных абхазцев. Из уст молодой симпатичной женщины лился яд. Неудивительно: потеряла брата, одну двоюродную сестру изнасиловали, другую ограбили.

– Чтобы эта ненависть растворилась, – сказала я, – нужно много времени. Очень много! Правнуки забудут пррабушкины обиды, внуки еще помнят бабушкины слезы.

– Да! – печально отозвался Олег Петрович. – Кавказ – вечная заноза в печени России. Сидим в Москве, ничего не видим.

– Может, – предположила я, – кому следует, те видят и знают? Всякие силовые структуры…

– А там не люди? – хмыкнул он.

От рассказов про историю абхазского народа, про последнюю войну, отвечая на вопросы, экскурсовод перешла к этнографическим картинкам.

Я ничего не поняла про какие-то обряды с жертвоприношениями баранов, в которых участвуют только мужчины, а женщины готовят праздничный стол. Но больше всего нас поразил обычай, запрещающий общение снохи и свекра. Это как бы Лике запрещено общаться с Сергеем. Свекр нашего экскурсовода был профессором, работал в том же университете. И после свадьбы целых десять лет они ни разу не перекинулись словом, даже в институте избегают контактов, благо на разных кафедрах работают!

– Бред! – буркнул Олег Петрович. – У меня дочери шестнадцать лет. Значит, выйдет она замуж…

– Вы не попадаете под запрет. Вы не могли бы общаться со снохой, будь у вас женатый сын. Религиозные запреты не возникают на пустом месте. Очевидно, случаи снохачества и его последствия были столь часты и драматичны, что возникло табу.

– Случаи чего?

– Интимных контактов между отцом и женой его сына. Ничего удивительного: женились рано, дети вырастали, когда родители были еще молодыми, жили тесно.

– Кавказская горячая кровь.

– Снохачество – русское слово. У нас тоже хватало примеров, когда сын шел на отца с топором.

– Ни одного не знаю!

– Вот и спите спокойно, – оборвала я беседу на скользкую тему.

Отвернулась к окну и надолго задумалась. Я бы могла привести примеры (спасибо Сергею) снохачества из биографий известных людей. Но хвастаться подобными знаниями – будить в людях пошлый интерес к чужой трагедии.

Иннокентий Анненский – мой любимый поэт. Когда встречаю человека, который знает и любит творчество Анненского, мгновенно записываю этого человека в тонкие ценители пре-

красного. Хотя себя к последним не отношу. Но Анненский для меня – камертон поэтической развитости души.

Он, Иннокентий Анненский, женился по огромной любви на женщине старше его на четырнадцать лет. Он был совсем молодым, но сразу взял на себя обязанности по воспитанию пасынков, от которых не сильно отличался по возрасту. А через много лет полюбил жену пасынка. И любил взаимно, но по благородству своему ничего не предпринимал. Предпочел страдать и сохранять верность жене, состарившейся недостойно, превратившейся в жеманничающую бабушку-кокетку в девичьих нарядах.

Из-за любви запретной может литься кровь, могут корежиться человеческие судьбы, на потомков падать проклятия, возникать запреты и табу. А могут родиться прекрасные стихи.

*Есть слова – их дыхание, что цвет,
Так же нежно и бело тревожно,
Но меж них ни печальнее нет,
Ни нежнее тебя, невозможна...*

– Что вы там бормочете? – наклонился и заглянул мне в лицо Олег Петрович. – Бу-бу-бу, – передразнил он. – Молитву читаете?

– Вроде того, – ответила я тоном, исключающим дальнейшие расспросы.

Но мой сосед в голосовых тональностях не разбирался.

– Вы же неверующая!

– С чего вы взяли?

– Креста на вас нет? – усмехнулся он. – В смысле не носите за пазухой крестика.

– Вы меня очень обяжете! – Теперь уже только полный идиот не мог не услышать металлов в моем голосе. – Если не будете заглядывать мне за пазуху!

– Тогда, возможно, вам стоит застегнуть кофточку?

Я посмотрела на свою грудь и невольно выругалась:

– О черт!

Эту джинсовую блузку больше не надену! Купила ее перед отъездом, она застегивалась на кнопки, замаскированные под пуговицы. Кнопки никуда не годились! Расстегивались при легком напряжении, движении рук. Хоть не дыши теперь!

* * *

Показывать в Гаграх, кроме развалин, было решительно нечего. Нам предоставили два часа свободного времени. Море холодное, не искупаешься.

Я решила прогуляться по набережной. Наверное, когда-то она была очень красивой. Тут по вечерам фланелировали отдыхающие, звучала музыка, завязывались скоротечные курортные романы... Теперь пустынно. Из стыков между каменных плит растут дикие самосе-янцы-кустарники. Мертвая набережная в мертвом городе. Май две тысячи третьего года.

Я хотела купить воды. После сухого пайка в виде бутерброда с колбасой очень хотелось пить.

Крутила по сторонам головой – ни одного киоска. Впереди на парапете сидели молодые люди, гоготали. Я направилась к ним. У меня нет естественного женского страха перед подростковыми стаями, потому что у нас в доме молодые ребята, Лешкины друзья, торчали постоянно.

– Скажите, пожалуйста, – спросила я, – где можно купить минеральной воды?

Их было пятеро, самому старшему не больше шестнадцати. Несколько секунд они смотрели на меня удивленно, возможно пораженные моей смелостью. Потом переглянулись, обме-

нялись фразами на непонятном языке, загоготали и стали меня окружать. Один схватил сумочку и потянул к себе.

Я, сопротивляясь, дернула ее. Тут второй протянул руку и больно сжал мою грудь. Я ударила его сумочкой. Сзади кто-то ушипнул меня ниже спины.

Развернувшись, я согрела его сумочкой.

Это был кошмар! Они играли со мной, как с котенком, лапали и ржали. Я крутилась волчком на месте и отбивалась сумочкой. Предательская блузка расстегнулась почти до пояса, и я не могла привести себя в порядок, потому что размахивала руками, защищаясь. Вид женской груди в кружевном бюстгальтере действовал на них как красная тряпка на быка. В нерусской речи все чаще звучали русские матерные выражения, не оставлявшие сомнений в их дальнейших планах. Они хвастались друг перед другом, каким способом будут меня насиловать. Я очень испугалась, умоляла их: «Мальчики, не надо! Перестаньте! Очень вас прошу!»

С таким же успехом я могла обращаться к изголодавшимся обитателям тюремной камеры, в которую меня непонятно как занесло.

В один из разворотов я увидела Олега Петровича. Он быстро шел по набережной, почти не хромал, палку держал на весу, как дубину.

– Олег! – закричала я истощенно. – Олег! Скорее!

Он врезался в круг, легко, как щенят, отбросил двоих, схватил меня за руку и завел за свою спину.

– Это моя жена! – гремел Олег. – Молокососы! Вы кого трогаете? Я вам покажу снохачество! Сайд мой кунак! Слово ему скажу, он вас на куски порежет и свиньям скормит!

Парни быстро заговорили друг с другом на своем языке. Двое явно рвались в бой, но трое сомневались. Победило большинство, они пошли прочь.

Оглядывались, кривлялись, ругались похабно, но уходили!

Меня била мелкая дрожь. Олег Петрович тем же тоном, каким орал на хулиганов, обратился ко мне:

– Куда тебя понесло? Какого черта?

– Во-во… – клацала я зубами, – водички попить. Кто такой Сайд?

– Понятия не имею. Брякнул первое имя, которое пришло на ум. С тремя подонками я бы еще справился, а с пятерыми вряд ли.

Ужас неслучившегося обрушился на меня, и я зарыдала. Ноги вмиг обессилены и подкосились.

Олег подхватил меня, обнял, прижал к груди. Его рубашка быстро пропиталась моими слезами, бурно текущими из глаз и носа.

– Тихо, тихо! – гладил он меня по спине. – Все прошло, девочка, не надо плакать. Ты же не плакса-вакса? От слез у девочек бывают красные глаза и большой-большой нос. Ты хочешь быть красноглазой и носатой? Ну, перестань!

Наверное, так он утешал в детстве свою плачущую дочь. Метод весьма приятный. Я задержалась на его груди несколько лишних минут.

– Извини! – шмыгнула я носом и отстранилась.

– Во всей этой истории есть и положительный момент.

– Какой? – спросила я, ковыряясь в сумочке в поисках носового платка. Не нашла. Он вытащил из кармана свой платок и протянул мне:

– Мы перешли на «ты».

Тут я наконец сообразила, что не мешало бы прекратить демонстрацию своего нижнего белья.

Но дрожащие пальцы не слушались, кнопки не застегивались.

– Будь проклята эта блузка! – бормотала я. – Будь проклят, кто ее кроил, шил, вместо пуговиц кнопки присобачил…

– Надо проклинать китайских металлургов. – Олег Петрович отвел мои руки и спокойно застегнул блузку. – Кофточка-то китайский ширпотреб? Металл этой марки не годится на кнопки...

Он вовсю улыбался. Только что рычал зверем, а теперь веселится, приводя в порядок мой внешний вид. И опять мне в голову пришло сравнение, что так бы он обращался с дочерью.

Скорые эмоциональные перепады свидетельствуют либо о больной психике, либо о желе-зобетонно здоровой. На сумасшедшего Олег не походил.

– Спасибо! – пробубнила я в его платок и громко высыпалась. – Вы... ты меня спас.

– Теперь обязан жениться?

– Не обязан, я замужем.

– Строго говоря, я тоже женат.

– Значит, вопрос с благодарностью отпал сам собой? – Я попыталась улыбнуться, подстроиться под его настроение.

– С компенсацией, – уточнил он, – а вот благодарность?.. – шутливо почесал затылок.

– Приятно иметь дело с бескорыстными джентльменами!

Так, перебрасываясь шутками, мы дошли до автобуса, сели и через несколько минут двинулись в обратный путь. Олег попросил водителя остановиться у магазина. Вышел, купил мне воды и шоколадку, как ребенку. Сама я боялась шагу ступить из автобуса, лучше умереть от жажды. Выпила, не отрываясь, почти литр, съела шоколадку и допила оставшуюся воду. Еле дождалась остановки на границе, пулев в туалет помчалась. Выхожу из домика – Олег меня ждет. Проводил до автобуса, развернулся и пошел на приграничный рынок. Я услышала, как он произнес: «С такой внешностью на Кавказ надо ездить в парандже». Это был не комплимент, сказанный в глаза, а бурчание старшего брата.

Олег был хром на одну ногу, а я практически потеряла левую руку – не пользовалась ею, потому что держала на груди проклятую блузку.

С рынка Олег принес грузинские сладости – запаянные в длинную волнистую кишку отвердевшего виноградного сока орехи. Мы грызли их всю оставшуюся дорогу. Эти сладости многие купили, да и в Москве мы часто ими лакомимся. Но когда кто-то из экскурсантов спросил, как называются эти колбаски, никто не знал. Вот тебе и дружба народов!

– Чурчхела, – недобро усмехнувшись, подсказал водитель-абхазец.

Емкое слово! Все, что со мной приключилось в Гаграх, я бы так и определила: чурчхела! Никуда не деться от нашей семейной привычки давать иностранным словам новое значение.

После памятной экскурсии в Гагры Олег стал попадаться мне на глаза регулярно – по пять раз на день. По дороге в столовую, на ванны, у кабинета массажистки... О прогулках и говорить нечего – теперь мы выходили на тропу вдвоем.

Я очень тухо схожусь с людьми. Я необщительная, и чтобы возникла дружба, нужны либо чрезвычайные обстоятельства, либо долгое привыкание. В нашем с Олегом случае чрезвычайное происшествие имелось, как следствие – моя благодарность и неспособность заявить спасителю: «Не ходи за мной!» Но когда через неделю он почему-то не вышел на пешеходную тропу, я почувствовала досаду. Прогуливаться одной мне стало скучно.

Кроме Сергея у меня не было мужчин. Да! Десять лет не было! За всю жизнь один! Звучит неправдоподобно, но это факт. Претендентов и желающих имелось более чем достаточно. Но я еще в детском саду освоила науку решительного отступа и пресекания домогательств. Охотников для длительной осады не находилось. Да и есть ли у нормальных работающих мужиков время на долгий штурм? Темперамент у меня не бешеный. Конечно, иногда хотелось, но не остро. Кто-то нравился, прояви он побольше воли и терпения, сломай мою защиту – что-то бы вышло. Но, повторяю, упорных влюбленных при моей ответной симпатии не встретилось.

Когда наши с Сергеем отношения окончательно утвердились в виде теплых братских, я пожаловалась ему:

— У меня нет любовника, представляешь? Можешь объяснить почему?

Сергей, как всегда, разложил все по полочкам.

— Во-первых, — объяснил он, — факт моей исключительности не может меня не радовать. Во-вторых, я однажды был на коньячном заводе. Не пил, не дегустировал, но... там запахи!.. Я охмелел только от запахов, меня качало. Не знаю, как там люди работают. Вернее, они, счастливчики, работают в вечном кайфе. Так и ты, в постоянном облаке мужского восхищения, ты к нему привыкла с детства. Тебе достаточно знания, что, пошевели ты пальчиком, будет эскадрон любовников, сможешь менять их по три на день. Знание подменило чувства, литературные романы выдавили романы жизненные, эмоции заменились сознанием собственной исключительности. Да, да! — пресек он мои попытки возразить. — Я не в осуждение говорю.

Надо быть полной дурой, чтобы не понимать своей непохожести на нормально симпатичных барышень. А у тебя, это в-третьих, логический мужской ум. Ты сначала видишь недостатки людей, а потом их достоинства. И в-четвертых, если уж касаться интимной сферы... Ты превосходная любовница, но заводишься не с полоборота, а с тридцать третьего.

Хотя я жила монашкой, теоретически, благодаря запойному чтению, я хорошо подкована. Чтобы вспыхнула любовь, нужны два условия: обстановка и соответствующее душевное расположение. В самом деле, трудно рассчитывать, что тебя посетит любовное томление, когда ты дрожишь в стоматологическом кресле или корпишь над работой, в которую закралась ошибка. Бряд ли в душе человека, поглощенного скорбью по умершему, вспыхнет новое и светлое чувство.

В сочинском санатории все совпало: обстановка эгоистического безделья и прекрасной природы плюс время, которое сыграло на Олега. Я открывала в нем все новые и новые симпатичные качества. Умен без превосходных степеней (их мне хватило с Сергеем), остроумен и противоречив: то по-домашнему уютен, как Топтыгин, то гранитно тверд, как колонна Исаакиевского собора. Робок и одновременно сокрушительно мужествен.

Первый раз мы поцеловались у той самой ротонды, где я хотела оказать Олегу врачебную помощь. Я ровным счетом ничего особенного не почувствовала. Из неособенного: мысль, как давно этого не было, и вторая: не предупредить ли человека про тридцать три давно не смазываемых оборота, чтоб не мучился?

Мы целовались как подростки. Я почувствовала, что он готов на все сто, я же заметно отставала. Но и десять моих процентов от его ста — успех!

Попробуй объяснить! Разве в это кто-то поверит?

Олег потянул меня в корпус, я покорно поплелась. По логике вещей мы должны были зайти в мой номер и продолжить начатое. Но у меня, правильно сказал Сергей, чересчур много логики.

— Спокойной ночи! — попрощалась я, открыв дверь.

Вошла, оставив Олега за порогом. Успела заметить совершенно обескураженное выражение лица. Упала в одежду на кровать, обняла подушку.

— Дура! — обозвала я себя вслух. — Гимназистка пришибленная!

И подумала: «Если он не придет, завтра куплю самоучитель по онанизму». Застонала и укусила подушку.

Он пришел через десять минут. Вернее, и не уходил, топтался в коридоре, собирался с духом.

И первое, что я спросила:

— Почему ты так долго?

Многолетнее воздержание имело смысл, ведь в итоге я получила громадный приз! Но, с другой стороны, я думала (потом думала), что люди занимаются всякой ерундой: ходят на работу, читают книжки, лепят пельмени, выращивают огурцы. А жить надо вот так: слиться и ни о чем не помнить.

Как оказалось, проблемы с воздержанием были не только у меня. И это после трех брачурных актов!

— Я ужасно боялся, — доверительно признался Олег, — что у меня ничего не получится. Никому не говори, — он горько усмехнулся, — но больше года я не спал с женщиной.

— Из-за травмы, — кивнула я участливо.

— Если считать с травмой, то полтора года, — вздохнул он.

— Но ты ведь женат?

— Формально. Мы как два паука в банках. Она в своей комнате, в банке, я в своей. Между нами дочь, последний из мостиков.

— Полтора года — это ерунда! — успокоила я со знанием дела. — А десять лет каково? Можешь гордиться, потешить свое мужское эго, до тебя было десять летостоя.

— Кира! Пожалуйста! Не надо меня обманывать! Ложь в качестве утешения — самое унизительное...

— Никогда не вру, — перебила я и поправилась: — Иногда замалчиваю и в крайнем случае при угрозе для жизни человека могу неумело склонять. Есть угроза для твоей жизни?

— Но ты ведь замужем! Муж болен, импотент?

— Насколько я знаю, вполнеексуально здоров и на вымирание длинноногих девиц не жалуется.

Пришлось объяснить Олегу особенности моей семейной жизни. Я не хотела разводиться с Сергеем, потому что статус замужней — дополнительная броня.

— Заряжаем бронетанковый! — плотоядно воскликнул Олег и набросился на меня...

* * *

— Я очень толстый? — по-мальчишески горько спросил он меня спустя какое-то время.

— Хрупким тебя назвать сложно. Надень кругленькие очки и станешь похожим на Пьера Безухова.

— Понимаешь, — оправдывался он, — сломал ногу, гипс, костили, операция, малая подвижность... На двадцать килограмм поправился, разжирел.

— На двадцать? — поразилась я. — Это упаковка пепси-колы!

Лешка обожает пепси-колу. На мои рассуждения о вреде этого зелья он выдвигает контраргумент: сама кофе литрами хлещешь. Возможно, у сына наследственное пониженное давление (кто его мерил?), и ему хватает для подхлестывания сосудов того кофеина, что есть в газированном напитке. Мы покупаем пепси упаковками, по десять двухлитровых баллонов, запаянных в полиэтилен.

И такую тяжесть носить на себе?

— Обещай мне похудеть! — потребовала я от Олега.

Ему, как я поняла, нужен был стимул, я была готова стать стимулом.

— Обещаю! — поклялся он.

До моего отъезда оставалась неделя, до конца путевки Олега — двенадцать дней. Я не закончила сеансы массажей, ванн, чистку лица косметичка мне сделала только с одной стороны. Так, наполовину очищенная, я и провела последнюю неделю большей частью в кровати с мужчиной, который пропускал грязевые и парафиновые аппликации на больную ногу. Кстати, травму Олег получил при совершенно неромантических обстоятельствах. Детишек из горящего дома не выносил, с крыши за бандитами не прыгал. Вышел из машины и оступился, нога соскользнула с бордюра. Такая мелочь — и сложный перелом! Наверное, мой ангел-хранитель Олегу подножку поставил.

Он хотел уехать вместе со мной, но я воспротивилась: долечись, но с другими женщинами не заигрывай.

– Я совершенно не по этой части! – серьезно ответил он мне.

Сувениров и подарков детям я не купила. Откладывала на последние дни, а тут такое закрутилось, что не до магазинов. В адлеровском аэропорту купила несколько веток апельсинового и лимонного дерева с плодами – привет вам, дети, с юга. Ветки очень эффектно смотрелись потом в вазе, Лика благодарила.

Странно после наших постельных безумств выглядело расставание, при котором единственным залогом дальнейших контактов служили номера телефонов. Олег не знал, куда пристроить бумажку, на которой записаны мои номера. Достал паспорт, положил между страниц.

– Минуточку! – Я мельком глянула в книжицу. – Дай паспорт!

Перелистнула, вчиталась.

– Ты с шестьдесят первого года! – с ужасом произнесла я.

– Ну и что? – пожал он плечами.

– Я-то с пятьдесят пятого!

– Правда? Ты хорошо сохранилась, больше семидесяти не дашь. Кира! Чего ты испугалась? Я давно знаю, что ты раньше меня на свет появилась.

– Откуда?

– Видел твою курортную книжку.

– И молчал! – с упреком воскликнула я.

– Как показывает твоя реакция, правильно делал. Уголовное преследование за совращение малолетних тебе не грозит. Чего ты кипятишься? Какая разница?

– В шесть лет разница, мальчишка! Растолстел и обманул меня! Я уже в школу пошла, когда ты с пустышкой в колыбели лежал! Я замуж вышла, а ты еще из рогатки стрелял! Я...

– Кира! – Он не дал мне договорить, заграбастал, мои слова потонули в его груди. – Мы расстаемся и говорим о какой-то ерунде. У меня сердце переворачивается. Кира! Я, кажется, люблю тебя!

И потом он совершил невероятное. Отстранил меня, открыл паспорт, вырвал из него страничку и разорвал пополам. Бросил на пол.

– Довольна? В следующем документе, добысь, будет стоять девятьсот пятый год рождения. Тебя устроит?

– Сумасшедший! – Я бросилась поднимать обрывки. – Тебе же лететь самолетом! Что ты наделал? Говори, что бандиты надругались, – сутилась я и на ходу придумывала версию. – Из банды Сайда, из Гагр.

– Скажи мне! – требовал Олег. – Хотя бы как я, через «кажется»... Ты любишь меня?

Динамик объявил, что посадка на мой самолет заканчивается.

– Кира? – настаивал Олег.

– Кажется! – выдавила я, поцеловала его в щеку и пошла к турникуту.

На полути остановилась и оглянулась. Олег подбежал ко мне и снова обнял.

– Все-таки не Надежда Хмара-Борщевская! – уговаривая то ли себя, то ли Олега, сказала я.

– Какая Борщевская?

– Жена Анненского. Она была старше его на четырнадцать лет.

– Иннокентий Анненский? – уточнил Олег. – Я плохо разбираюсь в поэзии. Но у Анненского есть потрясающее стихотворение про чувства после чувств.

И Олег продекламировал:

Я люблю замирание эха
После бешеної тройки в лесу,
За сверканьем задорного смеха

Я истомы люблю полосу.

– Кира! – прервался он. – Извини! Какие-то стихи, когда мы расстаемся! У меня полнейший кавардак в мозгах!

– Если бы ты хотел сделать мне приятное и очень старался, все равно у тебя не получилось бы так ловко и точно! До свидания!

Это было мое любимое стихотворение Анненского. И пока я летела, голосом Олега в моей голове звучали не произнесенные им последние строки:

Я люблю все, чему в этом мире
Ни созвучья, ни отзыва нет.

Мне казалось, я всегда понимала, что хотел сказать поэт. Ошибалась! Только сейчас почувствовала! Тому, что я переживала, действительно не было ни созвучья, ни сравнения.

Меня встречали Лика и Лешка. У обоих – темные круги под глазами. Перетрудились.

– Вы прекрасно выглядите, Кира Анатольевна! – сказала Лика.

– А под глазами синяки, – галантно вставил Лешка.

– На себя посмотри! – парировала я.

Сын не догадывался, насколько мы с ним похожи. Одна кровь.

Отец ребенка 2

Из санатория Олег звонил каждый день. Приехал в Москву, и мы встретились только через две недели.

Люба однажды сказала: «Все русские мужики делятся на два класса: алкоголиков и трудоголиков. Лучше бы Антон пил!»

Олег тоже относился к разновидности трудоголиков. Он закончил Бауманское училище, ныне именуемое университетом, по специальности... точно не помню, что-то вроде инженер ракетостроения. Но в сути его занятий я разбиралась, все-таки окончила химфак. Олег специализировался на химическом фрезеровании. Его широко применяют. Например, в изготовлении уличных табличек для какой-нибудь навороченной фирмы.

На отполированном куске металла спиртовым лаком наносится текст, табличка погружается в кислотный травящий раствор. Там, где лак, травления не происходит, а все остальное уменьшается, как бы растворяется, буквы становятся выпуклыми. Олег, как я поняла, занимался не табличками, а облегчением веса ракет. После химической фрезеровки их корпус должен быть похожим на вафлю. Жесткость сохраняется, а масса значительно уменьшается.

Желая продемонстрировать свои знания, я с умным видом спросила Олега (когда он рассказывал о своей специальности):

– Латунь, очевидно, травят в растворе азотной кислоты. Медь – в хлорном железе. Цинк – в спиртовом растворе соляной кислоты. А из чего делают корпуса ракет?

– Из разных материалов, – ушел от ответа Олег.

Хранил секреты! Перевел разговор на свою вторую работу – эксперта Росвооружения, которая связана с частными командировками.

Олег не был богат. Как и я, относился к пресловутому, нарождающемуся в муках, среднему классу. Мы зарабатываем неплохо, но все тратим и проедаем. Случись завтра кризис – покатимся под гору, потому что накоплений – пшик.

Итак, трудоголик, вечно в трудах и разъездах.

Из-за травмы ноги и ее лечения дела запущены, света белого не видит. Звучит правдоподобно.

Только неправда! Трудоголик: слесарь, пекарь или инженер-ракетчик – один черт, если влюбляется, точнее, по-настоящему любит, ведет себя как простой смертный и не держит любимую на голодном пайке редких встреч. Умом я это понимала. Я слыву умной женщиной. Неоправданно! Потому что доводы рассудка заглушаю пустыми надеждами.

Олег правильно сказал, что он не по части интрижек на стороне. К сожалению! Он не умел обставить отношений с любимой женщиной. Мы гуляли как пионеры в московских парках, ели мороженое и катались на колесе обозрения. Мы ходили в рестораны и целовались в моем парадном.

Привести к себе Олега я не могла, и подсказать ему: сними, дурак, хотя бы квартиру – язык не поворачивался.

Несколько раз оказывались в квартирах его друзей. Я чувствовала себя помесью прости-тутки и грабителя. Повсюду были хозяйские вещи. Особенно резали глаз мелочи: невымытая тарелка, забытый сотовый телефон, влажное полотенце в ванной. Я боялась к чему-либо прикоснуться. Мы тщательно заметали признаки нашего свидания – только бы не осталось следов, которые отловят опытный взгляд хозяйки. Когда на маскировку уходят основные силы, с любовью у меня получается плохо. Да и у Олега тоже.

Роман с ним – лучшее, что можно для меня желать. Эдакий цивилизованный адюльтер. Встретились раз в неделю, нацеловались, сняли напряжение – и по своим нормам. Все довольны, все счастливы. Ничего подобного! Я чувствовала, что потеряла волю, что меня затягивает в воронку, из которой живой трудно выбраться. И не было сил для сопротивления! Никогда не признавала, считала унизительной политику: хоть день, хоть час, но мой!

Ерунда! Можно получить самородок, и не следует радоваться крупинкам намытого золота! Так было раньше. Это раньше я была хозяйствкой медной горы, в которой никто не искал самоцветов!

Олег не ставил вопрос ребром: разводимся со своими половинами, женимся и живем как семья.

Если бы поставил, я бы отказалась. Я его не знала! Олег в Сочи и Олег в Москве – два близнеца, но не один и тот же человек. В Сочи он отдавал себя полностью, а в Москве отщипывал мне крохи. Мне не нужно крох, но и целого не предлагают! Я не хотела за него замуж, но было крайне унизительно, что он не предлагал жениться. Если бы поуговаривал, поумолял, попросил, поклянчил!

Даже не заикался!

Никогда прежде я не знала томлений в ожидании свидания, замираний от каждого телефонного звонка и гипнотизирования взглядом телефонного аппарата: позвони, пожалуйста! Я покупала новые вещи, наряжалась в них и сидела вечерами, готовая по свистку броситься к нему. Потом переодевалась, смывала макияж и ложилась спать.

Педикюрша целыми днями возится с чужими ногтями и мозолями на ногах, не считая свою работу зазорной. Но если усадить на ее место оперную певицу и приказать склониться над чьими-то ступнями, актриса возмутится. Я – та самая оперная певица. И речь не о том, что слишком высоко себя ставлю, а о том, что я не привыкла, не умею жить в привычном для многих женщин состоянии. Возможно, я от природы уродка: у меня нет ног, чтобы бегать за мужиками, нет большого терпеливого сердца, чтобы их покорно ждать, нет крыльев, чтобы летать от счастья, получив его толику.

Как бы то ни было, привкус униженности портил наши с Олегом отношения. Беззаботной любви не получалось, унижение росло во мне словно раковая опухоль. Метастазы еще не появились, но ждать осталось недолго. Олег мог бы легко удалить опухоль, а он только усугубил.

Его идиотский смех после моего сообщения о беременности стал последней каплей. Каплей размером с айсберг.

Я сидела в кресле на кухне и думала. Как сказала однажды о себе Люба: я ни о чем не думала, думала о своем.

Зазвонил телефон. Трубку не сняла, включился автоответчик. Голос Олега: «Кира Анатольевна! Это Олег Петрович Волков. Если вы дома, убедительно прошу вас снять трубку! Пожалуйста! Я сейчас на пути в аэропорт. Улетаю в командировку. Мне нужно срочно с вами поговорить!»

– Скатертью дорога! – напутствовала я.

Трубку так и не подняла. Зачем? Чтобы он оправдывался, посыпал меня избавиться от ребенка?

Естественно, после хамского хохота он чувствует себя неуютно, как человек, потерявший лицо. Хочет вернуть себе лицо и снова быть пай-мальчиком.

Этого удовольствия я ему не доставлю.

Телефон вновь зазвонил через пять минут.

Опять Олег: «Это Волков! Кира Анатольевна, поднимите трубку! Кто-нибудь! – Голос дрожал от злости. – Возьмите трубку! Ответьте!»

– Иди к черту! – произнесла я вслух.

Чего от него хочу? – спросила я себя немного погодя. И ответила: чтобы он развернул машину, в которой едет в аэропорт, примчался ко мне, задушил в объятиях, сказал, что поженимся и дочь назовем Федорой. Я даже на Федору согласна. Федора Олеговна – чудно!

Кто для него важнее: я или служебные заботы?

Если его работа мешает нашей любви, ну ее к дьяволу, такую любовь!

Я никому не нужна! Эта простая мысль, объемом со вселенную, открылась мне внезапно и ясно. Нужны мои трудовые руки, моя зарплата, мой юмор, мои цитаты, мое знание прозы и поэзии, вечная логика и уравновешенность. А сама я в чистом виде никому не требуюсь. И ребенок мой никому не нужен! Он для всех дебил, обзу и позор.

Глаза защипало, навернулись слезы. Ужасно обидно быть никому не нужной! И при этом не иметь права даже сигарету выкурить!

Открылась входная дверь, пришли дети. Я рванула в ванную, на ходу поздоровавшись.

Надо хорошенько выплакаться. Слезы смывают с картины мира черные краски. Но плакать уже не хотелось.

Я нужна ребенку – это раз. Ребенок нужен мне – это два. Уже кое-что, не пустота! Я могу посвятить дочери всю оставшуюся жизнь. Она будет меня любить так, как только дочери любят своих матерей. Как я любила маму! Это ли не счастье?

Представила нас, изгоев, окруженных презрением и брезгливостью родных и друзей. Нет, подобного не выдержит и моя твердая воля.

– Маман! – затаранил в дверь Лешка. – Тебя к телефону!

– Не могу! – крикнула я и включила воду. – Принимаю ванну!

Подскочила к двери и прижалась ухом.

– Она не может подойти, – говорил Лешка. – Что? Нет, извините, и трубку ей передать я не могу. Что? – Он несколько секунд помолчал и закричал в сторону двери в ванную: – Мама! Человек звонит из аэропорта. Что? Мама, это Волков, у него через две минуты отлетает самолет.

Я включила воду на полную – вот мой ответ.

Шум воды мешал подслушивать.

– Что передать, вы с работы? – спрашивал Лешка. – Перезвоните? Хорошо, до свидания! Не развернул машину, не приехал – улетел.

Последняя надежда рухнула. Что же ты, Олег, так меня подвел? О ком-то читала: у него внешность льва и сердце кролика. У тебя сердце кролика?

Стоп! Его сердце и прочие органы, а также части тела, вроде милых глаз, меня более не интересуют.

Я запрещаю себе думать о них. У меня есть о ком заботиться. Ишь, стучится в животе. Девочка, твой папа нас бросил. Давай его тоже пошлем к чертовой бабушке? Его бабушка тебе родня, не будем осквернять ее прах. Так, куда мы пошлем твоего отца? Правильно! Но маленькие девочки не должны говорить таких слов! Забудь их! Глубокий вдох, выдох. Все! Послали!

Думаем дальше. Мелькала какая-то мысль, близкая к гениальной. Вот! Уехать! Бежать, скрыться, родить и отсидеться!

Я даже подскочила на месте – так мне понравилась идея разом решить все проблемы. Одним махом все побиваю. Я, мы с ребенком вам не нужны? И не навязываемся! До свидания!

Вопрос, куда податься. Хорошо бы к Любке на Майорку! В роскошных условиях родить, кормить грудью... Мимо цели! Любка от собственных проблем убегает, мои ей подавно не нужны.

Из родственников у меня только двоюродный брат в Кургане. Мы виделись три или четыре раза в жизни, практически чужие люди. Родными были Любина и Антона родня в Херсоне и Брянске. Они, конечно, приютят, но тоже не возрадуются.

Мне требуется место, где меня нельзя обнаружить, то есть я могу находиться там, не вызывая подозрений. Это где такое найти? Надо думать!

Я закрыла воду и вышла из ванной.

– Вы купались? – удивленно спросила Лика, глядя на мой костюм с шелковой блузкой под пиджаком и гладкую прическу.

Плохой из меня подпольщик, даже окунуться и в халат переодеться не догадалась.

– Что-то голова закружилась, – соврала я. – Наверное, опять давление упало.

– Кофе? – участливо предложила Лика.

– Спасибо, ребенок! Попозже. Ты витамины пила? Ноги не промочила? Как себя чувствуешь?

* * *

Среди ночи раздался звонок. Я схватила трубку и хриплым спросонья голосом ответила:

– Алло!

– Извините за поздний звонок! Могу я поговорить с Кирой Анатольевной?

Это был Олег.

– Не можете! – ответила я и положила трубку.

Босая, прошлепала в угол комнаты, встала на четвереньки и залезла рукой в угол. Телефонная вилка сидела прочно, но я ее все-таки выдрала.

Два следующих дня Лешка, у которого отрубился Интернет, ругался по сотовому с телефонной станцией. Пока не пришел мастер и не вставил вилку в розетку.

– Какой идиот вилку вытащил? – бушевал Лешка. – Я двое суток с обрезанием, от мира отключен.

– Сама отвалилась? – предложила я версию.

В последнее время на ниве вранья делаю поразительные успехи.

– Сама не могла! – осуждающе смотрел на меня сын. – А Лика со своим животом туда не подлезет.

– Если мама говорит, что не она, – непривычным для нее строгим тоном проговорила Лика, – значит, не она!

Лика не в прямом обращении, а в повествовательной речи стала называть меня мамой.

Она поставила точку, заклеймив Лешку его же выраженьицем:
– Сначала завизирий, потом импровизирий!
Что означало: сначала удостоверься, потом обвиняй!

Поклонник

Провожал меня таксист. Когда приехал, я спросила:
– Сколько возьмете за то, чтобы донести мои чемоданы до машины, а потом до поезда?
– Я не грузчик.
– Тогда до свидания. Сколько я должна за вызов?
– Ладно, поехали! Двойная такса, согласны?
Это был грабеж. Вокзальный грузчик взял бы дешевле, но кто потащит чемоданы до машины?

Мне нельзя поднимать тяжелое.

В купе я пришла первой. Таксист поставил мои чемоданы в ящик под сиденьем. Я расплатилась.

Села и постаралась расслабиться. Все! Я в бегах! Да здравствует новая жизнь!

Последние несколько дней мне везло – ребят не было дома. Заболела Ирина Васильевна, Лика отправилась за ней ухаживать. Лешка помаялся три дня и съехал к жене. Это настоящая любовь! Там нет компьютера и Интернета!

Укладывала чемоданы в одиночестве. Обилие вещей, зимних и летних не по сезону, которые я брала с собой, могло вызвать подозрения. Но обошлось.

Сыну я позвонила:

– Срочно уезжаю в Караганду, то есть в Курган. Мой двоюродный брат в тяжелом состоянии.

«Дай Бог ему здоровья!» – мысленно пожелала я.

– На сколько едешь? – спросил Лешка.

– Сейчас сказать трудно. Отпуск за свой счет взяла на месяц.

– Месяц ради брата, которого толком не знаешь? – удивился сын.

– Получится, приеду раньше. Не стану же я там сидеть!

– Ладно. Звони!

– Обязательно! Береги Лику! И пожалуйста, контролируй, чтобы она пила витамины и регулярно ходила к врачу.

– Яволь, маман! Обязано (обязательно)! Обниманс (обнимаю)!

– Целую тебя, мой мальчик!

* * *

Телефон – великое изобретение. Не будь у меня номера сотового телефона Антона Хмельнова, как бы я попала на прием к столь высокому чину? Карабулила бы его на крыльце? Хватала за фалды пальто, когда в окружении охраны он идет от машины к офису? Заявилась вечером к нему домой?

Мы с Антоном остаемся, считаю я, друзьями.

Но землеройке трудно дружить с орлом в небе, они на разных уровнях бытия. И по большому счету проблемы их друг другу не в помидор (не очень интересны), как говорит Лешка. Нахваталась словечек от сына.

– Привет, Антон! – сказала я, когда он ответил. – Это Кира. Как дела? Можешь говорить? Есть время?

– Могу… три минуты.

– Когда у тебя прием по личным вопросам? Можно записаться?

– Издеваешься? Но у меня правда совещание!

– Я перезвоню.

– Нет! Приходи в кабинет. В девять… лучше в полодиннадцатого.

– Завтра? Утра?

– Какого утра? Сегодня вечера. Пока!

Тяжка доля российских олигархов! Я в семь вечера выключаю компьютер и отправляюсь домой.

Антон не принадлежит себе до полуночи. Для него работа – это жизнь. Для меня работа – это только работа.

Отдаю ему должное – велел секретарше накрыть ужин на двоих. Но я была не голодна. Антон жадно ел. Наверное, впервые за день.

– Как Люба? – спросила я.

– Нормально.

По его тону я поняла, что говорить о жене он не хочет. Есть другая тема, вполне безопасная: дети. Мы ее живо обсудили. Мы называли своих чад оболтусами и одновременно хвастались их успехами. У нас хорошие дети, правильные, удачливые и перспективные.

И совсем некстати у меня вырвался вопрос:

– Антон? У тебя есть любовница?

Он подавился куском осетрины, закашлялся, выпил вина.

– Тебя Люба подослала?

– Я сама себя подослала.

– И что у нее на повестке дня головы?

Это Люба так говорила: на повестке дня головы. Она ловко срашивала идиомы. В данном случае: «на повестке дня» и «в голове». Когда выходила замуж, в день бракосочетания, мы замешкались с ее нарядом, не могли пристроить фату, которая сидела на прическе как белый флаг сдающейся армии…

– Помнишь? – улыбнулась я своим воспоминаниям. – Как в день вашей свадьбы ты нервничал, торопил нас. А Люба кричала в ответ о себе в третьем лице: «Невеста готова, как штык из носа!»

– Помню! – буркнул Антон. – Я все помню.

И принял с сосредоточенно жевать, не поднимая глаз от тарелки.

Пауза затянулась. Дернула меня нелегкая испортить ему настроение! Ведь от Антона зависит мое и ребенка финансовое благосостояние.

– Проси! – велел он.

– Что?

– То, зачем пришла.

– Откуда ты знаешь, что я пришла просить?

– А зачем еще ко мне приходят старые друзья? – усмехнулся Антон. – Не решать же, в самом деле, мои семейные проблемы.

– Если я могу помочь в твоих, в ваших, – поправилась я, – проблемах, то я готова.

– Не можешь! – отрезал он.

– А ты мне услугу окажать? – с вызовом спросила я.

– Какую?

– Которая, естественно, незаконна! Которая, естественно, использует твое служебное положение!

– Не заводись, Кира! Что тебе нужно?

– Отпуск за свой счет. Очень длинный, месяца на два. (Далее последует законный декретный отпуск.) Если при этом сохранится зарплата, я не обижусь.

– За свой счет с оплатой? – уточнил Антон.

– Да! Еще вариант с командировкой возможен. Как бы отправь меня в командировку, можно без командировочных.

– Куда ты собралась и что, собственно, произошло?

– Это не важно.

– Ага! Хочешь, чтобы я пошел, вернее, дал распоряжение другим людям пойти на должностное нарушение и при этом ничего не знал?

– Да! Именно так!

– Интересно девки пляшут! – развел руками Антон.

Больше всего мне хотелось встать, развернуться и уйти. Роль просителя – одна из самых трудных для меня. Но я не могу себе позволить ублажать самолюбие. У беременных не должно быть самолюбия, только себялюбие – любовь к ребенку в себе.

– Что молчишь? Говори! Не выдам я твои тайны, – с усталой насмешливостью привыкшего к просителям небожителя говорил Антон.

– Только в обмен! – с большим трудом я взяла веселый тон. – Ты мне колешься насчет любовниц, я тебе рассказываю свою рождественскую сказку.

– Кира! – гаркнул он.

– Антон! – Я ничуть не тише воскликнула. – Я тебя раньше просила? Я тебя замучила одолжениями? Конечно, вы сами, без просьб, много для нас сделали! Низкий вам поклон! Но разве ты меня не знаешь? Разве я бы пришла, не будь ножа у горла?

– Не плачь, пожалуйста! – испугался Антон.

Я не заметила, как потекли слезы. Вытерла их салфеткой, шмыгнула носом, усмехнулась:

– Вот и поговорили. Ладно, забудь! Не было разговора!

– То есть как это «не было»?

Антон смотрел на меня с таким удивлением, словно я всю жизнь ходила в маске, а сейчас сняла.

– Никогда не видел, чтобы ты плакала! – оторопело проговорил он. – Мама у тебя умерла, ты часами сидела замороженная, в одну точку смотрела. Станешь перед тобой, а ты не видишь. Люба твердила, плохо, что она не плачет. Когда баба плачет, баба все переживает.

– Значит, я сейчас в порядке, все переживу. Пока! – Я поднялась и пошла к двери.

– Стой! – Антон забежал вперед, загородил мне путь, смешно растопырил руки.

– Извини за нелепую сцену! – буркнула я.

– Сядь на место! – велел Антон.

Больше вопросов он не задавал. Мы обсудили детали. Я отправляюсь в командировку в Уренгой, но на самом деле туда не являюсь. Зарплата и командировочные идут на мой счет, в любом городе, где есть отделение «Роснефтьбанка», я могу снять деньги.

– Дать тебе наличных? – спросил Антон на прощание.

– Нет, спасибо! У меня есть, накопила. Две тысячи долларов.

– Богачка! – невесело усмехнулся он.

* * *

Ехала я в город Алапаевск Свердловской области. А столица области ныне называется Екатеринбург. Есть город Санкт-Петербург, а его область – Ленинградская. Наша география не поспевает за нашей жаждой перемен, которые почему-то относятся к прошлому.

В Алапаевске живет и работает учителем физики в средней школе Игорь Севастьянов. Без малого тридцать лет назад я испортила Игорю жизнь.

Он влюбился в меня глубоко иочно. Мы встречались два месяца, один раз целовались. Его била крупная дрожь, а я себя уговаривала: надо же когда-то начинать целоваться, терпи! А

потом Игорь привел меня в компанию своих друзей по университету, там был Сергей Смирнов. К концу вечера я уже твердо знала, что мне наконец повезло и я встретила свою мечту.

Получивший отставку Игорь не хотел сдаваться. Он караулил меня у подъезда, звонил, натурально плакал. Словом, я чуть не возненавидела его, постылого. Игорь устраивал разбирательства с Сергеем – нечто среднее между мордобоем и дуэлью.

Первый раз Сергей дал себя побить, во второй раз отметелил Игоря.

Игорь решил покончить жизнь самоубийством.

Он полоснул бритвой по венам, лег на кровать, сложил по-покойницки руки и… заснул. Трагедия и фарс! Человек не знал, что так просто с жизнью не расстаются, а кровь имеет способность сворачиваться. Пришли ребята, которые жили с Игорем в одной комнате в общежитии. Увидели жуткую картину: все в красных пятнах, Игорь в отключке…

Я пришла навестить его в больницу, но так и не зашла в палату. О чем мы могли говорить? Все, что можно было сказать, я ему сказала. Игорь вызывал у меня исключительно негативные эмоции. Словно я была кислородным баллоном, а он, чахоточный, умолял меня о нескольких вздохах. Но мне самой кислород нужен! Кроме того, я уже знала, что Игорь способен из какой-то ерунды, вроде моей улыбки, или доброго слова, или шутки, просто хорошего настроения в день свидания, нафантазировать бог знает что, вплоть до нашей золотой свадьбы и кучи внуков.

Передала фрукты через нянечку, написала записку: «Я желаю тебе счастья! ПОЖАЛУЙСТА! Ищи свое счастье вдалеке от меня! Кира».

Игорь перестал надоедать, но не разлюбил.

Каждый раз, когда мы сталкивались или оказывались в одной компании, он смотрел на меня не отрываясь. Взглядом голодной больной собаки.

Он распределился в город, где жила его мама, в Алапаевск, учителем физики в затрапезную школу.

Хотя до встречи со мной были планы остаться в аспирантуре, была отличная работа в студенческом научном обществе.

Позвонил мне и сообщил новость:

– Уезжаю на Урал. Буду недорослям законы Ньютона вдалбливать.

Чувствовать себя виновницей краха чужой жизни было крайне неприятно. И все это смахивало на шантаж. Я должна была чем-то пожертвовать, чтобы он не наломал дров. Чем, интересно, пожертвовать?

– «Мы в ответе за тех, кого приручили» должно распространяться на домашних животных, кошечек и собачек, – сурово сказала я. – А человек имеет голову на плечах, волю и разум. Чего ты от меня хочешь?

– Я звоню, чтобы попрощаться.

– До свидания!

– Можно я тебе напишу?

– Не стоит. Но если уж очень…

– Очень! – заверил Игорь.

– Тогда пиши. До востребования, почтamt на Кирова. Счастливо! – и первой положила трубку.

Прошло около полугода, когда вновь раздался звонок. Игорь из своей тмутаракани:

– Ты не заходила на почтamt?

– Зачем?

– Там мои письма.

– А! – вспомнила я неосторожные обещания. – Обязательно зайду.

Про переписку напрочь забыла. Он молчал, но по дыханию чувствовалось, что волнуется безмерно.

– Как поживаешь? – спросила я.

– Хорошо, – выдавил Игорь.

Наверное, он долго готовился к этому звонку, и разговор наш много для него значил. Но мне не улыбалось вновь пребывать в положении человека, отказывающего в милости тяжелобольному. И я куда-то спешила, была наполовину одета.

– Пока? – первой попрощалась я, но вопросительным тоном.

– Ты правда получишь мои письма?

– Конечно! Всего доброго, Игорь!

На почтamt я заглянула еще через несколько месяцев.

– Наконец-то! – воскликнула девушка в окне и выдала мне большую стопку писем. – Мы храним только месяц! А он все пишет и пишет, отправляем обратно, а он снова пишет! Теперь-то вы будете забирать?

– Буду, – обреченно пообещала я.

И вот двадцать с лишним лет я периодически прихожу на почту и получаю письма Игоря. Тут же на открытке пишу ему пару строк, мол, жива-здорова, чего и тебе желаю.

На антресолях лежат коробки из-под обуви с письмами Игоря, многие конверты я даже не вскрыла. Коробка так называемой текущей корреспонденции хранится в большом отделении платяного шкафа под платьями на плечиках. Коробка заполняется – отправляю ее на антресоли. Рука не поднимается выбросить это эпистолярное наследие, но и читать его заставить себя не могу. Любовные письма от нелюбимого – самые скучные из возможных текстов. Кроме того, Игорь не беллетрист и не поэт, его речь косноязычна, хотя и отшлифовалась на штампы за многие годы.

По утверждениям Игоря, наша переписка – тот самый кислород, без которого ему вообще не жить. Мои жертвы в ответ на великую любовь не столь уж обременительны. Во-первых, я иногда отвечаю. Во-вторых, никому не рассказывала об этой переписке, то есть не сделала из Игоря посмешище.

Когда вырабатывала план побега, я не сразу вспомнила об Игоре. Мне требовалось скрыться так, чтобы ни одна разыскная собака не обнаружила. Просто ткнуть пальцем в карту и поехать неизвестно куда – очень соблазнительно. Но не в моем положении, которое дальше будет становиться все уязвимее. Мне необходимо участие, крыша над головой, медицинское наблюдение, относительно нормальные условия после родов хотя бы на несколько месяцев. Лучше на год, пока ребенок не станет ходить, или на два, когда он будет говорить, или на всю оставшуюся жизнь…

Мысленно перебрала знакомых и родственников – не очень много кандидатур, и никто не годился. Об Игоре я не помнила, как не помнят об охраннике, которому ежедневно показывают пропуск у входа на работу. Уже склонялась к мысли поехать куда-нибудь на юга, снять квартиру и затаиться. Но ни одного знакомого лица даже при моей необщительности – это страшно. Случись что-нибудь со мной, как поступят с ребенком? Отдадут в детдом? Стоило огород городить, чтобы моя дочь пополнила ряды несчастных сирот… Ее, конечно, могут удочерить и отправить куда-нибудь в Австралию. Рожать ребенка, чтобы осчастливить австралийских фермеров? Неизвестно, как они воспитают мою малышку. Вдруг они мормоны? И будет девочка третьей женой религиозного фанатика…

Я предавалась этим размышлениям, проезжая в троллейбусе по Чистопрудному бульвару, увидела здание почтамта. Надо бы выйти, забрать письма Игоря, давно ему не отвечала… Игорь! Чем не выход? Отличный выход! Я стала протискиваться к двери.

Игорь хорош тем, что я даже не обузой на шею ему повисну, окажусь своего рода благодетельницей. Ты столько лет меня ждал? Вот, дождался, принимай! А если захочет все понастоящему, с постелью и поцелуями? Тянуть время! Тебе, Игорек, терпения не занимать! Я сейчас не могу, доктор не велит. Но целоваться придется! Ничего, не сахарная, ради ребенка потерплю. И есть хорошая уловка: дай мне к тебе привыкнуть, не торопи, потерпи!

Найдя гениальное решение, я испытала подъем духа, которого давно была лишена. Тупиковая ситуация вдруг оборачивалась прекрасной перспективой.

В долгий ящик я решила дело не откладывать.

Прямо с почтамта заказала справочную телефонную службу Алапаевска, и мне по фамилии и адресу дали номер домашнего телефона Игоря. Я тут же его набрала.

– Привет! – радостно поздоровалась. – Это Кира.

– Кто? – спросили на том конце.

– Игорь?

– Да-а… – Он растерянно протянул.

– Игорь, я могу подумать, что ты не рад меня слышать! – капризно захихикала.

– Очень! – Он задохнулся от восторга. – Очень рад! Но ты никогда… Ты уже три месяца не пишешь… Кира! Это правда ты?

– Конечно! Как же тебе доказать? – Я жеманничала, как записная кокетка. – Помнишь, мы ходили на каток в парк Горького? И ты учил меня прыжку в полоборота? А я все время падала. Мы замерзли, а ты еще купил мороженое!

(В тот вечер я отбила копчик, и у меня здорово болела попа, выражаясь языком моего сына, до рождения которого оставалось три года, болел банкомат. Я была зла на собственную неуклюжесть и срывала недовольство на Игоре и фруктовом мороженом. Но сейчас те события неожиданно покрылись романтическим флером.)

– Кира! – Он боялся поверить. – Это ты!

– В полный рост и с преинтереснейшим известием. Хочешь знать каким?

– Да!

– Я к тебе приеду!

Послышались странные звуки: грохот, шелест, возня. Не в обморок же он упал?

– Игорь! – позвала я. – Игорь, что с тобой?

– Кира! Я… ты… мы…

– Мы скоро увидимся.

– Повтори, пожалуйста! Ты хочешь ко мне приехать?

– Совершенно верно. Кажется, ты не рад?

– Что ты! – закричал Игорь. – Страшно рад! Счастлив! Не могу поверить!

– То-то же! – Я перевела дух. – Когда буду выезжать, дам тебе телеграмму, чтобы встретил поезд.

– Кира? Ты не могла бы еще раз сказать? Ты в самом деле намерена ко мне приехать?

– Сколько раз тебе повторять?

– Кира! Не могу дышать!

– Крепись! Я везу большие запасы кислорода. До свидания, Игорь! До настоящего свидания!

Положила трубку, не услышав ответного прощания, а только булькающие звуки. Запла-кал от умиления, что ли? Хорошо бы его не разбил инфаркт до моего приезда!

Все последующие приготовления к побегу не составили труда. Главной заботой был разговор с Антоном, которого требовалось подбить на должностное преступление. Больших угрызений совести я не испытывала, потому что читала в романах Латыниной про нравы российского бизнеса. Беременную женщину продержать несколько месяцев на зарплате – это копейки по сравнению с забавами олигархов, которые прикармнивают промышленные комплексы.

Но мне пришлось лихо, когда в середине разговора Антон потребовал открытости. Я пустила слезу и не заметила этого. Я ломала себя, как хирург скальпелем резала по живому. Просила! Я никогда в жизни ни о чем никого не просила! Это все равно что быть чуть-чуть повешенной. Тебе на шею надели петлю, выбили из-под ног табуретку. И ты висишь, горло

передавило, глаза выкатываются, язык полез наружу... Хорошо, что Антон вовремя подхватил меня и снял петлю!

Я считала, что уже ничего нового не могу узнать в жизни, испытать новых чувств или ощущений, что не развиваюсь эмоционально или физически.

И сие есть физиологическая норма для женщины-бабушки. Но ребенок, которого я ношу, пробил коридоры в моем сознании, абсолютно неожиданные.

Я могу врать, просить, навязываться, унижаться, клянчить деньги, строить козни и интриги. Если бы мне потребовалось для собственного здоровья, которое есть благополучие ребенка, забрать у нищего корочку хлеба, я бы забрала!

Все дело в счастье, которое со мной случилось.

От этого счастья я на пятом месяце.

Попутчицы

Давно не ездила в поездах, они изменились в лучшую сторону. Чисто, кожзаменитель на сиденьях не порезан, на полу ковер, на окнах занавесочки. Только пахнет по-прежнему – туалетом и железной дорогой.

В купе вошла женщина монументальных форм, как если бы Людмила Зыкина наплевала на диеты.

Следом протиснулась вторая, ростом поменьше, но в талии значительно шире. Свободного пространства не осталось, а из-за их спин зазвучал женский голос:

– Проходите! Я коридор закупорила!

Третья попутчица по массе была под стать первым двум – снежная баба в пальто. Такое впечатление, что в кассе специально выдавали билеты по живому весу. Раньше были вагоны для некурящих, теперь – купе для тучников?

Я забилась в угол к окну. Женщины пыхтели, сопели, рассовывая свои вещи, почему-то торопились, мешали друг другу и переговаривались возбужденно:

– Вы посидите!

– Нет, это вы посидите!

– Подождите!

– Сами подождите!

Люди всегда нервничают при отправлении поезда и при высадке из него, даже если они уже зашли в вагон или прибыли на конечную станцию.

«Повезло, что женщины в попутчиках, – подумала я. – Экие толстушки! Ночью определенно будут храпеть».

Но до ночи еще было далеко, а дышать уже становилось нечем. Казалось, их тела вытеснили объем воздуха и его стало не хватать. Дальше – хуже. Когда они сняли верхнюю одежду, купе превратилось в газовую камеру. Резко запахло потом и духами – самое тошнотворное сочетание.

Едва удержавшись, чтобы не зажать нос рукой, пробормотав: «Устраивайтесь, я выйду», протиснулась в коридор. Надеялась, что дверь останется открытой. Но ее громко захлопнули за моей спиной.

Если не включат кондиционеры, я погибла. Меня-то в нормальном состоянии мутит от сильных запахов, не важно чего – бензина, парфюмерии или навоза, а уж нынче просто наизнанку выворачивает.

Прошла в начало вагона, заглянула в купе проводников:

– Скажите, пожалуйста, вы будете включать кондиционер?

Я спросила вежливо, но проводница возмутилась тоном заправской скандалистки:

– Не успели тронуться, уже претензии! Вам жарко, а кому-то, может быть, холодно!

– Может и не быть.
– Чего? – не поняла она.
– Холода. Вы включите кондиционер?
– Разбежалась! Мне еще билеты собрать и за постель.
– Но ведь это просто на кнопку нажать!
– Тут не детский сад, младшая группа! Не учите! Не мешайте работать, освободите проход!

Она почти кричала. В ответ на невинную просьбу! Наверное, у девушки плохое настроение. Наверное, ее парень бросил. Он в постели инвалид, а по другим бабам бегать чемпион. Она переживает понятное чувство обиды и срывает злость на всех, кто попадается под руку. На самом деле ей хочется ласки и понимания, нежности и участия.

Я стояла у окна, смотрела на пробегающие московские дачные платформы и придумывала оправдания хамству проводницы. Не подозревая того, проводница из моей недоброжелательницы превратилась едва ли не в оскорбленного ангела.

Наконец заработала вентиляция, я вошла в купе. Втянула носом воздух – аромат не исчез, но значительно разбавился. На моем месте у окна сидела одна из толстушек.

– Твои вещи, – сказала она мне, – наверх переложила. – Большим пальцем, как при жесте «здравствуй!», она показала на верхнюю полку.

– То есть как? – поразилась я.

– Ну не полезу же я со своим брюхом наверх? – Она хотела и обвела взглядом попутчиц.

Они ответили ей понимающими улыбками. Солидарность тучниц!

– Извините, но у меня билет на нижнюю полку, и уступить ее я не могу!

– Во, блин! Никакого ума или там жалости! Сама подумай! Да я ни в жизнь туда не заберусь. И Клава, – она показала рукой на женщину, сидящую напротив, – тоже не залезет!

– Мы уже познакомились, – сказала Клава и представила двух других женщин: – Ира (моя противница) и Галя. А вас как зовут?

– Кира. И все-таки! Мне неприятно проявлять настойчивость, но...

– И не проявляй! – перебила Ира. – Мне в пять утра выходить. А тебе дальше? Вот это же! – заключила она, как будто станция назначения имела какое-то отношение к распределению мест.

– Девочки, а не покушать ли нам? – миролюбиво предложила Клава.

– Простите, – каждое предложение я начинала с извинений, – давайте урегулируем конфликт! Еще раз повторяю: я не могу уступить нижнюю полку! В силу физиологических обстоятельств.

– Но вы же физически худее Иры! – укоризненно сказала Галя.

– Я как начала полнеть, – сообщила Ира и показала на мою округлившуюся талию, – точно такой была. А потом понесло!

– И меня, – поддакнула Клава.

– После родов, – продолжила тему Галя.

Возраст толстушек я затрудняюсь определить.

Женщины столь выдающейся комплекции могут пребывать в промежутке от тридцати пяти до пятидесяти пяти. Морщины жиром заплыли. Они определенно радовались, что судьба свела их вместе.

Решила зайти с другой стороны, призвать к женскому милосердию:

– Дело в том, что я в положении!

Фраза, которая далась мне с большим трудом, никакого сочувствия не вызвала.

– А мы тут все беременные! – засмеялась своей тупой шутке Ира.

– На сносях! – веселилась и колыхала валиками тела Клава.

– Перехаживаем! На двадцатом месяце! – подхватила Галя и булькающе захихикала.

– Самоирония – прекрасное качество, – отозвалась я.

Они мгновенно перестали смеяться и осуждающе уставились на меня.

– Ты вроде не молоденькая, почти под сорок? – спросила Галя.

– Раньше не получалось залететь? – предположила Клава.

– Мы тебя на верхнюю полку подсадим, – пообещала моя противница Ира. – И не бреши про беременность! Видали мы всяких, как бы тяжелых. Ладно, как тебя? Кира? Садись, сейчас оттянемся!

Я развернулась, вышла в коридор, направилась к проводнице искать законной справедливости.

Мне было ужасно обидно. Конечно, я бойцовски настроена защищать свое тело и ребенка! Но любой выпад попадал прямо в сердце. Хотелось плакать. Предыдущие экзамены были интеллектуальной разминкой, проверка на биологическую совместимость с народом оказалась намного сложнее. Я сама себе напоминала плод авокадо: кожура на вид прочная, а по сути тонкая, зеленая мякоть окружает твердую большую косточку внутри.

Косточка – это ребенок, его травмировать трудно, да и не позволю, а мякоть все, кто горазд, могут пинать.

Проводница не знала, что в моем воображении она превратилась в ангела. Она, проводница, в компании еще с двумя девушками ужинала.

– Простите, пожалуйста! Приятного аппетита! Извините, что отвлекаю вас! – Разговаривая с незамысловатыми людьми, я почему-то начинаю выражаться как на дипломатическом приеме. – К сожалению, вынуждена вас побеспокоить. У меня билет на нижнее место, но его заняла другая женщина и не хочет уступать!

Последнее предложение я проговорила плачущим тоном. Правильно проводница вспомнила детский сад!

– Места согласно купленным билетам! – отрезала проводница.

– И я о том же! Но она не отдает мое место!

– Согласно билетам! – повторила девушка. – Видела я эту тетку! Что же я с ней, драться буду?

– А мне как быть? – беспомощно пробормотала я и второй раз за десять минут призналась: – Я беременная, часто в туалет хожу, и вообще мне сложно наверх забираться. А если упаду?

Несколько секунд проводницы смотрели на меня, если точнее, на мой живот. Не поверили.

– Чего только не придумают ради нижней полки! – насмешливо скривилась проводница нашего вагона.

– Прям такие все инвалиды! – поддержала другая.

– Через пять минут родят! – ухмыльнулась третья.

Невероятным усилием воли я подавила в себе два желания: лебезить перед ними и расплакаться.

Вернулась к окну напротив своего купе и занялась любимым делом – аутотренингом, который точнее было бы назвать аутоуспокоением.

Все хорошо! Трагедий нет. Дышим ровно и свободно. Плакать не надо. Меня никто не любит и не жалеет. Потому что их тоже никто не любит и не жалеет! Никто никого! Все хотят получить много, а отдать мизер. Стоп! Опять мрачная картина мира. Посмотри, какой пейзаж за окном. Вовсе не унылый! Осенний. Очей очарованье! Для слепого очарованье! Снова не в ту сторону. Только позитив!

Что у нас в позитиве? Беременность. Она же в негативе. По эмоциям – предменструальный синдром длиной в девять месяцев. Тебе повезло, ты четыре месяца не подозревала. Девять

минус четыре – пять. Всего-то пять! Осталось три. Оглянуться не успеешь! И на верхней полке ночь переспиши, не упадешь. Держись за поручень или привяжи себя на случай резких торможений.

– Кира! – Дверь купе ушла в сторону. – Что же вы не идете? Мы все накрыли!
Я обернулась и смело шагнула вперед.

Маленький столик был завален дорожной снедью: копченая курица, разорванная на куски, соленые огурцы и помидоры, вареная картошка с катышками масла, порезанная жирная буженина, вареная колбаса, пустивший слезу сыр, зеленый лук перьями, квашеная капуста, корейская морковь… Просто пиршество. Нашлось место и для бутылки водки, пластиковые тарелки держали на коленях, стаканы – на весу.

Как я поняла из дальнейших разговоров, все женщины не москвички. Приезжали в столицу по делам, личным и служебным. Но, отправляясь в обратный путь, они хорошенько затоварились продуктами – в лучших традициях советских железнодорожных путешествий.

Водка была Ирина, я свои тонюсенькие интеллигентские бутерброды не рискнула предложить.

Спиртного, естественно, не пила, вообще от жидкости отказалась, чтобы ночью не бегать. А мои попутчицы лихо уговорили на троих бутылку водки и захмелели-то не сильно, в самый кайф.

Пошли разговоры, дошло дело и до песен. У Гали оказался прекрасный голос, открытый и сильный, Клава славно подпевала, Ире лучше бы рта не открывать.

В купе заглянула проводница. Похоже, она тоже приняла на грудь, покраснела и подобрела.

– Помирились? Пoете? Я так и думала. Спокойной ночи!

На верхнюю полку меня действительно подсаживали, все трое, мешая друг другу. Я стояла одной ногой на нижней полке и пыталась вторую забросить на верхнюю, не получалось. Ира неожиданно присела, уперлась макушкой в мои ягодицы и резко расправилась. Я влетела на полку.

Самое главное, что девочки обещали мне не закрывать дверь на ночь. В купе стоял плотный дух: алкоголя, чистого и переработанного их дыхательной системой, солено-копченых продуктов, ароматов нечистых тел и прокисшей парфюмерии.

К факту моей беременности попутчицы по-прежнему относились игриво-недоверчиво.

– Может стоянить прямо на вас! – припугнула я.

– У меня воровать нечего, – заявила Ира. – Хоть бы саму кто-то украл.

– Душно! – согласилась Клава.

– Пусть будет открыто, – подвела итог Гая.

Как же они храпели! Громче всех Ира, у которой не было певческого голоса, весь в храп ушел.

Этому звуку позавидовал бы шагающий экскаватор или космическая ракета на запуске. Гая и Клава исполняли партию второго голоса, в Ириных паузах рокочущие хрюкали. Поезд стучал колесами, в сравнении с этим богатырским храпом, тихо и робко.

Я вертелась, не могла удобно устроиться. Мешал шарф, которым себя привязала на случай торможения к металлической перекладине. В уши я забила вату, но она не гасила и четверти силы звука храпа.

Состояние, в котором я пребывала, нельзя назвать бодрствованием, но и на сон оно не походило. На трезвые мысли, реальные воспоминания наслаждались фантазии.

Толстушки попутчицы обсуждают больную тему лишнего веса и как похудеть. В три голоса убеждают друг друга, что едят-то они крохи, чуть-чуть, кот наплакал. Так и хотелось им возразить:

«Не кот, это слон наплакал. Вы только что умывали каждая по две биологические нормы. Вы ведь учились в школе, физику проходили, закон сохранения энергии. Ничто не берется ниоткуда и никуда не пропадает. Жир растет не из воздуха, его питают углеводы и белки, полученные с пищей. Вы обманываете себя, и в этом главная проблема. То, что съедаете за день, надо растянуть на неделю. У меня была знакомая, она лечилась в институте питания от ожирения. Первым делом их там учили на специальных муляжах, что такое много пищи и что такое мало. Представьте! Специально сделали модели тарелок, в которых суп или пюре с сосисками. Занятия как в детском саду с игрушками – отложите свой обед! Нет, вы взяли не правильную тарелку, порция слишком велика...»

Потом мои попутчицы сменились на коллег по работе. Большая Оля и Маленькая Оля выражают мне соболезнование по случаю длительной командировки. Ехать зимой в Уренгой! Врагу не пожелаешь! Что, если попросить Хмельнова, чтобы порадел, отменил командировку? «Нет, – отказываюсь я и начинаю выдавать свои секреты. – Это Антон устроил командировку по моей просьбе. А вообще, девочки, я беременная. Еду рожать, но не в Уренгой, конечно.

Вы, пожалуйста, подготовьте здесь общественное мнение. Хорошо?»

Шарф, протянутый под грудью, немилосердно кололся. Не открывая глаз, я сняла его и привязала к поручню ногу. Тут же высветилась картина – падаю вниз головой и остаюсь висеть привязанная за ногу.

Следует комментарий: летучие мыши спят головой вниз. Если мышь уснула головой вверх, значит, она больная. Ты реши для себя, летучая ты мышь или обыкновенная...

Отвязываю ногу, привязываю руку – все зажмурившись. В одном детективе читала, как в милицию после облавы доставили столько преступников, что они не помещались в камеры. Тогда их приковали наручниками к батареям. Картина впечатляющая: идет человек по лестнице, по коридорам и всюду видит сидящих на полу бритоголовых, прикованных к радиаторам... Я тоже прикована и тоже преступница. Бросила детей, всем наврала..

Но под утро я все-таки уснула крепко, без фантазий и сновидений. Открыла глаза, когда солнце ярко светило в окно. Поезд стоял на какой-то станции. Посмотрела на часы – девять утра, свесила голову вниз – никого. Мои попутчицы сошли, и след их простили.

С верхней полки я слезала долго и осторожно, в качестве промежуточной площадки использовала столик. Поезд дернулся неожиданно, я свалилась на пол, но удачно – на спину, а не на живот.

Сходила в туалет, умылась. Встретила заспанную проводницу. На ее припухшем лице виднелись следы вчерашнего ужина с вином, но вчерашнего недоброжелательства не было. Она вполне миролюбиво поинтересовалась, буду ли я пить чай. Получив согласие, пошла к титану.

В боковом кармане чемодана лежала книжка, которую я хотела почитать. Подняла сиденье... багажный ящик пуст. Вначале я даже не поняла, что случилось. Только думала: куда делись мои чемоданы?

Потом заглянула в ящик под противоположной полкой, в багажный отсек над дверью. Везде пусто.

– Что случилось? – спросила проводница, увидев мое лицо.

Она вошла в купе со стаканом чаю. Мне казалось, что я каменею и трясусь одновременно.

– Пропали мои чемоданы.

– Украли? – ахнула проводница.

– Вероятно.

– Сволочи! – выругалась она. – Вы не расстраивайтесь! Вы правда в положении? Вам нельзя нервничать! Извините за вчерашнее! Все нервы измотают, как собака на людей бросаешься. Валерьянки вам накапать?

– Не надо, спасибо.

– Да вы садитесь, вот так, тихонько! Ой, какая вы бледная! Может, по громкой связи объявить, если в поезде есть врач, чтобы пришел?

– Не надо, спасибо.

– Вот заладила! Спасибо да спасибо! С такими культурными всегда и случается! Ценные вещи-то были в чемоданах?

– Да, спасибо, – опять некстати поблагодарила я. – Главное, там были деньги. В одном чемодане тысяча долларов и в другом тысяча, все мои сбережения.

Потом я бросила взгляд на стенку купе. Чего-то на ней не хватало! О, ужас! На крючках для одежды пусто! Шуба! Еще вчера там на плечиках висела моя шуба!

Проводница проследила за моим взглядом и все поняла:

– И пальто сперли?

Я кивнула.

– Дорогое?

Я снова кивнула. На шубу из серого каракуля с воротником и манжетами из голубой норки я три года откладывала деньги, год проносила. Под шубой на плечиках висела моя одежда – брюки, шерстяной свитер и длинный кардиган. Они тоже пропали. В поезде я переоделась в спортивный костюм. Теперь это была единственная моя одежда.

– Ждите! – велела проводница. – Сейчас бригадира позову.

Через некоторое время она вернулась с бригадиром, невысоким мужчиной в черной форме.

– Кто же в чемоданы деньги кладет? – попенял он мне, уже извещенный о размерах потерь.

– А куда их класть? По логике вещей сложнее украдь чемодан, чем сумочку.

– По логике в лифчик, – он похлопал себя по груди, – прячут! Эх вы! Сообщу по линии, на узловый милиционер сядет, протокол составит. Только разве их поймаешь? Приметы помните?

– Я не знаю, кто из троих оказался... нечистым на руку. И все женщины очень полные. Да и вряд ли это кто-то из них. На ночь купе мы не закрывали. Возможно, Ира, которая на этом месте спала, вышла, а через некоторое время забрался вор.

– Помню ее! – воскликнула проводница. – Толстуха, в пять утра на Раздольной выходила. И было у нее много багажа! Опишите свои чемоданы!

– Один черный, на колесиках. Другой темно-зеленый, со множеством застежек-«молний» по бокам.

– Точно она! – обрадовалась проводница. – И еще у нее были сумки такие здоровые клетчатые, с которыми членки ездят. Я еще подумала, что носильщиков нет, никто не встречает, как она все допрет? Одета была... была... – вспоминала проводница, – в каракулевую шубу, кажется. В вашу?

– Мою.

– Сейчас почти десять, – посмотрел на часы бригадир. – С Раздольной ее и след простыл, ищи ветра в поле!

То же самое позже мне сказал и милиционер, составивший протокол. Гарантии, что воровку задержат, не было. Ее могут поймать случайно, а специально охотиться никто не станет.

За окном проплывал красивый зимний пейзаж.

Осеннего уныния как не бывало. Мороз, солнце и сугробы. Я имела документы, мыльницу, зубную щетку с пастой, маленькое полотенце, лосьон для лица, губную помаду, записную книжку, прочитанную книгу и три тысячи рублей в кошельке.

Развившаяся в последнее время слезливость почти не досаждала. То есть плакать хотелось на два балла по десятибалльной шкале. Проводница опекала меня как мать родную. Никого не подселила. Принесла из ресторана обед и от денег отказалась. Меня кормили за счет

поезда. Теперь даже у поездов есть счета? Вряд ли. Просто девушка искупала грехи. Сгони она воровку с моего места, возможно, ничего бы не случилось.

Я долго, несколько часов, просидела, бездумно глядя в окно. Думать было не о чем, пла-нировать ничего не могла. Если не хочу дать задний ход, а я решительно не хочу, то нужно просто ждать, отдаваться на милость Игоря. Чтобы не сойти с ума из-за всех обрушившихся несчастий, я мысленно разговаривала с неродившейся дочкой. Она умела слушать и задавала толковые вопросы.

Поезд подходил к Алапаевску. Я вышла в коридор налегке – в спортивном костюме и с небольшой сумочкой.

– Там же мороз! – покачала головой проводница. – Вы сразу дуба дадите!

Она ушла в свое купе и вернулась с черным драповым пальто:

– Вот, возьмите!

– Мне, право, неудобно… Как же я верну его?

– Не надо возвращать. Это шинель моей сменщицы, старая. Она ее не носит. Только иногда на грязные работы на улице. Надевайте! Хоть до дому доедете!

Форменная железнодорожная шинель с металлическими пуговицами была мне велика на три размера и застегивалась почему-то на мужскую сторону. Я не видела себя со стороны, но чувствовала, что выгляжу безобразно.

* * *

Выходя из поезда, я мгновенно замерзла. Холодный ветер задувал под шинель и гулял вокруг тела.

Поднятый воротник не спасал голову, в которой, казалось, каждый волосок стекленел от мороза.

Ноздри пощипывает – верный признак двадцати градусов ниже нуля.

Игоря я не узнала, как, впрочем, и он меня. Мы друг друга вычислили только по тому, что единственные остались на платформе.

– Кира! – позвал меня мужчина в дубленке и рыжей ондатровой шапке, остро модной четверть века назад.

– Игорь! Ты?

Приближаясь ко мне, он галантно снял шапку.

«Как перед покойницей головной убор снимает, – подумала я. – Тыфу ты, какая глупость в голову лезет! Как в храм входя, лысину оголяет».

Лысина у Игоря была преображеная. Он не знал, как со мной здороваться: за руку, целовать? Мне было так холодно, что не до раздумий. Я двинулась навстречу, обняла и поцеловала в щеку.

– Здравствуй! Надень шапку («Лысину простудишь», – добавила мысленно фразу из детского фильма). Какой зверский холод!

– Кира! Я не купил тебе цветы, они все равно погибнут на морозе.

Если бы на его месте был Сергей или Олег, я бы не удержалась от сарказма: всегда думала, что цветы для выражения чувств, а не для хранения.

– Ну что ты! – улыбнулась ледяными губами. – Какие цветы! Пойдем, или я окончательно окоченею.

– Это все твои вещи? – Игорь показал на сумочку, висящую на моем плече.

– Мои чемоданы украли в поезде и шубу вдобавок. Вот, – я уныло пыталась шутить, – железная дорога в качестве компенсации выдала старую шинель. Дизайн не от кутюрье, конечно.

— Ты в милицию заявила? — Игорь так заволновался, словно не меня, а его последнего добра лишили.

— Да. Милиция честно призналась, что вряд ли найдет воровку.

Я считала, что в подобной ситуации совершенно естественно было бы сказать обворованному человеку, мол, не расстраивайся, дело поправимое и наживное, купим мы тебе одежду и прочее, ограбили — не зарезали. Во всяком случае, я бы именно так утешила. А все, кого я люблю, мои родные и близкие, определенно нашли бы больше добрых слов и обернули ситуацию каким-нибудь веселым ракурсом. Вроде того, что представилась отличная возможность весь гардеробчик на новый сменить.

Но Игорь только спросил:

— Что же ты теперь будешь делать?

Ответила прямо:

— Придется с ходу в карьер просить у тебя денег взаймы. Надо купить зимнее пальто. И еще кучу вещей.

— Конечно. А сколько стоит зимнее пальто? — вырвался у Игоря вопрос.

Жадность — самый трудномаскируемый из человеческих пороков. И в молодости Игорь был прижимистым: если в продаже имелось мороженое фруктовое за семь копеек, он обязательно его покупал, а не молочное за девять копеек.

— Игорь! Я прошу у тебя взаймы. Обязательно отдашь, я вполне обеспеченный человек.

— Ты не правильно меня поняла, Кира!

— Еще пять минут на этом холоде, и не только мой понятийный аппарат отмерзнет, но все органы заледенеют. Давай хотя бы войдем на станцию?

— О! Извини! Пойдем на автобус? Если у тебя нет вещей, мы можем не брать такси.

Температура воздуха в автобусе, дребезжащем, как консервная банка, была не выше, чем на улице. Но хоть без ветра — и на том спасибо! Игорь попутно знакомил меня с местными достопримечательностями:

— Хлебозавод, строительное управление, школа, в которой я работаю.

— На полторы ставки физика?

— Я ведь писал тебе два года назад, что коллектив выбрал меня директором, — произнес он с законной обидой.

— Извини, забыла. (Очевидно, информация была в тех письмах, которые я не вскрывала.)

А это что?

— Роддом.

— Какой славой пользуется? — заинтересованно спросила я.

— Понятия не имею, — пожал плечами Игорь.

Он очень волновался, этот чужой, отдаленно похожий на себя в студенчестве человек, которому я свалилась на голову. Не сказать, что я готовилась к любви с первого взгляда, но не отказалась бы от нее.

Не вышло! Единственное, что я испытывала к Игорю, — жалостливое участие. Наверное, то же чувствовала ко мне Ира, согнавшая меня с места и укравшая мои чемоданы. Я собиралась взвалить на ничего не подозревающего Игоря уйму собственных бед.

— Мы будем проезжать мимо универмага или какого-нибудь магазина женской одежды? — напомнила я.

— Недалеко от моего дома есть магазин секонд-хенда, там все очень недорого.

Секонд-хенд, чужие обноски! Хорошенько начало новой жизни! Но в моем положении выбирать не приходится.

Часть вторая РОЗЫСК

Лика

Лика давно заподозрила неладное. Она внимательно прислушивалась к своему организму, биению ребенка. Ловила себя на новых жестах, изменившейся походке, рассматривании ступенек, на которые ставишь ноги, осторожных, нерезких поворотах корпуса. Она не могла не заметить, что со свекровью происходит нечто подобное, как беременная самка не может не унюхать такую же особь.

Но это было в высшей степени абсурдное предположение! Как и Ликина мама, Кира Анатольевна находилась в том возрасте, когда обнаруживаются страшные болезни, а не беременность. Рожать – дело молодых, а пожилые женщины должны становиться бабушками, добрыми и ласковыми. Да и сама Кира Анатольевна в разговоре с тетей Любой (Лика звала ее «тетей» вслед за Лешкой) шутила на тему: климакс – это закат рассвета или рассвет заката? Как бы там ни было, закат и есть закат, никуда не денешься, природу не обманешь.

Но глупое подозрение день за днем обрастало подтверждающими деталями. И уже попахивало скандальным безобразием в семье. Лика чувствовала себя оскорблённой, точно ее спихнули с трона или, по крайней мере, попросили подвинуться.

Внутренне обидевшись на свекровь, внешне Лика усердствовала в проявлении почтения. Не потому, что она лицемерка, скорее трусиха – боялась обвинений в эгоизме.

Кира Анатольевна тоже проявляла чрезмерно заботливое внимание к Лике. И обе они были как китайские мандарины, соревнующиеся в выражении глубокого почтения. Сидят болванчики за маленьkim столиком и ухаживают друг за другом: «Я вам в чашечку сахар положу! А я вам насыплю! Вот вам еще сахарку! И вам! Еще ложечку! Еще!..» И чай уже и не чай, а сироп, и пить его противно, а реверансы не кончаются.

Когда Кира Анатольевна уехала, Лика вначале облегченно перевела дух. Очень верное решение, все шито-крыто. Так было у папы, пока не узнали, что ребенок на стороне растет. Конечно, не на месяц свекровь уехала, а до родов. Вдруг она не сможет разродиться из-за старости и умрет? А куда ребенка собирается деть? В детский дом отдаст?

Сестричку Лешки? Кира Анатольевна не похожа на мать, которая бросает ребенка. Но тогда она бы все сказала, призналась. Только слепцы, вроде Лешки, могут не замечать, как вырос у матери живот, или приписывать полноту вдруг начавшейся прибавке веса.

Кира Анатольевна пожертвовала собой, чтобы не мешать ей, Лике! Эта мысль пришла как озарение. Если бы сын не был женат и, хуже того, не ждал ребенка, мать повела бы себя совершенно по-другому. Не стала бы скрывать правду, удирать из родного дома, от хороших московских врачей, от всего, что дорого и нажито за многие годы.

По совести Лике принимать подобные жертвы? Имеет она право хранить тайну, оставлять Лешку в неведении? Можно, конечно, прикрыться аргументом: так решила сама Кира Анатольевна. Но это будет эгоизм высшей марки. И на месте Лешки Лика никому бы не простила сокрытия информации, связанной со здоровьем мамы.

Прошло две недели со дня отъезда Кирьи Анатольевны. Лика терзалась и молчала, не зная, как завести с мужем разговор и нужно ли вообще его заводить.

Лешка общался с мамой по телефону. Это был третий звонок Кирьи Анатольевны. Она поведала, что добралась хорошо, потом позвонила через неделю и вот – через вторую.

– Все у нас нормально! – говорил Лешка в трубку. – Ты когда приедешь? Откладывается? На работе еще на две недели договорилась? Ты там не убивайся! Знаешь, странно: выписать из

Москвы занятого человека, чтобы он за больным ухаживал… Лика? Нормально, растет желудком вперед.

Нет, морковь я ей больше не тру, теперь яблоки.

Представляешь, эта владычица морская не хочет грызть яблоки, только тертые ей подавай! Да берегу я ее, не волнуйся! Пока!

Он положил трубку.

– Почему ты жалуешься на меня? – обиженно спросила Лика.

– Маман свой парень, – отмахнулся Лешка.

Но Лика не унималась. С ней и раньше случалось надуться из-за пустяка, но такой истерично обиженнной Лешка никогда жену не видел. На его голову посыпался град упреков, финальным из которых было:

– Ты ничего обо мне не знаешь и знать не хочешь!

– Привет! У тебя температура?

– У меня нет температуры, но есть, например, родной брат.

– Живой? – оторопел Лешка.

– Полностью! Денису двенадцать лет, он мне по отцу родной, а по маме от другой женщины.

Денис сюда приходит, я с ним математикой занимаюсь. Кира Анатольевна его видела!

Лика не добавила, что свекровь не раз мягко советовала не иметь от мужа секретов, которые не роковые и могут оскорбить Лешку недоверием. Так и получилось.

– Что?! – заорал Лешка. – Ты! Столько времени таишь от меня! Как от чужого! Как от придурка! Это все твоя семейка! Твоя мамочка! У вас секретов больше, чем в ЦРУ! – Он стал передразнивать тещу: – Ах, Лешенька, не говори Лике, но у папы повышалось давление. Леша, не говори дочке, но с дачи украли ее лыжи. Говори то, не говори се! Запутала своей конспирацией!

– Зато моя мама не беременная!

– Надеюсь! – усмехнулся Лешка.

– А твоя мама в положении! – в сердцах воскликнула Лика. – У нее будет ребенок, девочка!

Второй раз за короткий промежуток времени Лешка с оторопью уставился на жену. И медленно произнес:

– Меня маман предупреждала, что у беременных бред, то есть психоз, бывает. Но, Лика! Фильтрой бред!

– Лешенька, извини меня, пожалуйста, – быстро заговорила Лика, – что я про Дениску молчала. Боялась, ты при маме сболтнешь, и она расстроится. Леша, а твоя мама в самом деле ждет ребенка. И я больше не могу об этом молчать!

– Лика! Ты отдаешь себе отчет?..

– Полностью. Я давно заметила, как бы унюхала и глазами увидела.

– Я тоже насморком и слепотой не страдаю.

– Но ты не беременный!

– Кто сказал? – Леша хотел обернуть все шуткой.

– У меня факты! – укоризненно надулась Лика.

– Также нос, глаза и уши – все очень симпатичное. Хочешь, яблочка потру? А завтра начнем поиски психиатра по беременным.

– Мне не нужен психиатр! Вот как ты думаешь, почему Кира Анатольевна уехала?

– Думать долго не приходится. Заболел ее двоюродный брат.

– Которого она двадцать лет не видела! Леша! Кира Анатольевна сбежала рожать!

– Родила царица в ночь не мышонка, не лягушку…

– Сам ты лягушка! Почему ты мне не веришь? Почему вы все считаете меня принцессой на горошине, изнеженной и тупой?

– Определение «тупой» не принимается. Просто сдвиги по фазе наблюдаются: то на дно уходила в отсутствие купальника, то мою мать черт знает в чем обвиняешь! – Последние слова Лешка произнес грозно. – Твоя забывчивость – вообще отдельная история. Женился на девушки с большим приветом!

– Алексей! – призвала Лика. – Давай поговорим спокойно!

– Давай! – согласился он. – Только не про так называемую беременность моей мамы! Две беременных на тридцати пяти квадратных метрах полезной площади – это перебор.

– Я тебе приведу факты!

– Как говорит тетя Люба, против каждого факта есть аргумент.

– Слушай! Значит, сначала я почувствовала… Ладно, это не описать. Потом смотрю: Кира Анатольевна мои витамины для беременных пьет, а потом не пьет – свои купила! И прячет их там, где кухонные полотенца!

– Она могла перепутать витамины для старушек с витаминами для беременных.

– Кира Анатольевна подолгу сидела в Интернете и читала про беременность!

– Для тебя старалась!

– Очень мне нужны, – горячо возразила Лика, – особенности протекания беременности у позднородящих! Я вовремя рожающая. Лешка, ведь творчество Джотто пусто!

– Мы на живопись перекинулись?

– Дурак! Книга «Творчество Джотто», в которой деньги хранились! Кира Анатольевна все забрала!

– Что неопровержимо свидетельствует – моя пятидесятилетняя мама на сносях!

– Да! Она уехала из-за меня! Потому что у меня будет ребенок! А если бы ты не был женат или я не беременная, она, может, призналась бы! Мне плохо! Я ее выдавила из квартиры, из Москвы! – Лика долго сдерживалась и наконец заплакала.

– У-у-у! – протянул Леша, обнял жену и пристроил у себя на груди. – Как нас разобрало! Процесс-то, оказывается, давний и хронический. Милая, а чего бы тебе не быть нормальной? Я готов тебе все фрукты, а также гвозди на терке тереть. Ведь доктор говорил, нам железа не хватает?

– Леша! – бубнила Лика ему в плечо. – Я тебе признаюсь, только ты обещай, что во мне не разочаруешься.

– Буду крепиться. У твоей мамы полдюжины внебрачных детей?

– Нет, у нее только один папин внебрачный. Леша! – Лика глубоко вздохнула и решилась:

– Леша, я залезла в сумку Кирьи Анатольевны!

– И что нашла? – заинтересованно спросил Леша.

Лика отстранилась от него, обрадованная тем, что, похоже, ее не станут обвинять в аморальном поведении.

– Понимаешь! Сумка лежала в прихожей, расстегнутая. И торчала из нее бумажка, бланк, хорошо мне знакомый… Ты меня не осуждаешь? Это впервые в жизни! Вытащила я листочек. И на нем было… Леша! Это было заключение УЗИ беременной Кирьи Анатольевны! У нее девочка такого же возраста, как наш мальчик. Тут, – Лика положила ладонь мужа на свой живот, – наш сын. А там, – она неопределенно помахала рукой, – у тебя сестра. Леша! Так бывает! Думаешь, я обрадовалась вначале, когда узнала, что у меня брат есть?

Леша помолчал и заговорил, как показалось Лике, на совершенно посторонние темы:

– Ты незнакома с Алиской-баронессой, дочерью тети Любы. Еще тот фрукт! Она на четыре года меня моложе. Как-то приезжает, мне было шестнадцать, ей соответственно двенадцать. Я зачем-то позвонил домой. И просит меня Алиска без всякого стеснения, оно ей чуждо, купить ей прокладки с крыльышками в аптеке на площади Дзержинского. Представля-

ешь? Только явилась из Сургута и уже разузнала, где с крыльшками продаются. Мне, конечно, не в кайф, но поехал и купил. Целый день их возил! Испариной покрылся! Вдруг ребята на тренировке в бассейне увидят? Ведь обсмеют на всю оставшуюся жизнь.

– Не понимаю! – перебила Лика и ревниво поджала губы. – При чем здесь твоя Алиска?

– При том, что присутствие в моем портфеле прокладок с крыльшками вовсе не свидетельствовало о наличии у меня месячных! И происхождение бланка, который ты посмотрела у мамы, наверняка простое и элементарное. Что мы голову морочим? Давай позвоним маман и прямо спросим!

– Давай! – согласилась Лика. – Только не прямо, а деликатно. Как ей звонить?

– Как? – переспросил Леша.

– Ведь это твой дядя! – упрекнула Лика. – Его имя? – Она взяла в руки телефонную книжку.

– Коля, или Петя, или Вася. Хоть убей! Я его видел, когда мне было два года!

– А фамилия? – листала книжку Лика.

– Мамина девичья Громова.

– Громовых нет. Это дядя со стороны дедушки или со стороны бабушки?

– Спроси что-нибудь полегче! Мои дедушка и бабушка отъехали до моего рождения.

Маман взяла билет в Караганду. Или в Курган? Или в Кривой Рог?

Они перерыли телефонную книжку вдоль и поперек. Искомого дядюшки не обнаружилось. Для Лики это стало лишним подтверждением бегства Киры Анатольевны. Для Леши ничего не значило.

– Маман обещала позвонить через неделю, вот мы у нее и спросим, на каком она месяце, ха-ха!

Лика впервые столкнулась с тем, что даже между самыми близкими людьми, в семье, бывает глухое плотное непонимание. Ее слова – то глас вопиющего в пустыне, то досадливое капризничанье больного ребенка. Леша закрылся нагло и при этом был сама нежность и участие.

– Ну, скажи! – просил он. – Чего тебе хочется?

– Третьего яблока, – сдалась Лика.

* * *

Не найдя понимания у мужа, Лика бросилась к тому, к кому всегда бежит хорошая девочка, – к родной маме.

Родного папу Лика не собиралась посвящать в страшную женскую тайну и во время ужина о ней не заикнулась. Но Митрофан Порfirьевич видел, что дочери не терпится о чем-то рассказать матери.

– Секретничайте! – усмехнулся он.

Прихватив большую кружку чаю и кусок пирога, отправился в большую комнату смотреть телевизор.

В отличие от Леши Ирина Васильевна рассказу Лики поверила сразу и безоговорочно. Она по складу характера быстрее верила плохим известиям, чем хорошим.

– Мамочка! – вопрошала Лика. – Что же делать?

Ирина Васильевна задумалась. В ней не боролись женская солидарность или сочувствие к Кире Анатольевне со злорадством. Когда затрагиваются интересы дочери, все остальные эмоции молчат.

Дочь ждет ребенка. Зять, конечно, умный и перспективный. Но куда уведут его перспективы, неясно. Да и умный Леша по-научному, а не по-житейски. Сам рассказывал: друг дет-

ства, сын олигарха, в Лондоне живущий, предлагал войти в бизнес и барышни сулил огромные. Леша отказался, хотя жилищные условия не блестящие.

Теснятся со свекровью в двухкомнатной, отец Лешин барствует один в трехкомнатной. Будто так и надо! Однажды заикнулась, мол, ребенок будет, хорошо бы жилплощадь увеличить. Мать, Кира Анатольевна, с сыном переглянулись и засмеялись, точно шутку услышали. Мы, говорят, пока до риелтора дойдем, рак на горе свистнет. И чем тут хвастаться? Если у Кирьи Анатольевны прибавление случится, Лика вообще в муравейнике окажется. Всех младенцев на нее свалят. Воспитывай! А мы книжки почитаем!

- Мама! Что ты молчишь? Жалеешь Киру Анатольевну?
- Чего ее жалеть? Как завсекцией трикотажа, нагуляла.
- Какого трикотажа? – не поняла Лика.
- На моем дне рождения случай рассказывали. Я тогда еще удивилась, что это твоя свекруха вдруг заинтересовалась, выспрашивает. Она уже знала, что тяжелая.
- Почему тяжелая?
- Так про беременных говорят.
- Мама, ведь ей действительно сейчас очень тяжело!
- На всех падших женщин не нажалеешься! – отрезала Ирина Васильевна. – Времена пошли! Честные женщины теперь как исключение.
- Кира Анатольевна очень хорошая и честная женщина! – упрямо сказала Лика.
- От мужа понесла, с которым десять лет не живет?
- Не от мужа, – признала Лика. – Это другой мужчина. Кажется, я знаю. Он звонит постоянно и Киру Анатольевну спрашивает. Или ее телефон. А мы с Лешкой без понятия. Вообрази! Уехал человек! Старая беременная женщина! И мы, ее ближайшие родственники, не знаем, где ее искать!
- И не надо! Зачем ее искать? Кошка нагуляет и та прячется, когда котится.
- Мама! Как ты можешь сравнивать!
- А что я должна делать? Радоваться, что моя дочь не о себе да своем ребеночек думает-заботится, а о гуляющей свекрови? Не маленькая! В смысле Кира Анатольевна, и не беспомощная малолетка. Наоборот! О внуках бы думала, а не под мужиков ложилась!
- Мама! Ты ведь хорошая и добрая! Почему ты бываешь такой злой и непримиримой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.